

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО •
ВЕДЕНИЕ

2003

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

2003

ЯНВАРЬ ●

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ФЕВРАЛЬ ●

Содержание

СТАТЬИ

- Макарова И.Ф.* (Москва). Русские подданные турецкого султана 3
- Марьина В.В.* (Москва). Выселение немцев из Чехословакии: рождение и модификация идеи. 1939–1943 годы 18
- Панек Я., Пешек И.* (Прага). Историки против насилия над историей. Точка зрения Содружества историков Чешской Республики 43
- Поп И.И.* (Хеб). Историография истории русин и Подкарпатской Руси 57

СООБЩЕНИЯ

- Муртузалиев С.И.* (Махачкала). Вклад Ю.И. Венелина в изучение начального периода османского господства в болгарских землях (К 200-летию со дня рождения ученого) 73
- Венедиктов Г.К.* (Москва). О датах жизни Ю.И. Венелина 80
- Данченко С.И., Чуркина И.В.* (Москва). Научная деятельность С.А. Никитина 86
- Коровицына Н.В.* (Москва). Завершение строительства “основ капитализма” в пост-социалистическом обществе (по материалам конференции социологов стран Центральной Европы) 96

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Желицки Б.И., И. Поп.* Энциклопедия Подкарпатской Руси 107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Фролова М.М.* Научная конференция “Юрий Иванович Венелин: 200 лет со дня рождения (1802–1839)” 111
- Досталь М.Ю., Фалькович С.М.* Международная конференция “Национально-культурное возрождение славянских народов и Карпатский регион (К 200-летию со дня рождения Ю.И. Венелина)” 115

Данченко С.И., Чуркина И.В. Международная научная конференция “Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа (К 100-летию со дня рождения)” 117

ЮБИЛЕИ

К 80-летию Андрея Ивановича Пушкиаша 122
Новые книги 125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.К. ВОЛКОВ (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.Е. ВЕНЕДИКТОВ**,
Р.П. ГРИШИНА, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА, **Б.Н. ФЛОРЯ**, **В.А. ХОРЕВ**, **Т.В. ЦИВЬЯН**

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Васильев М.А. (отдел истории)

Зав. редакцией *Е.В. Пономарева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А.*, *Веслова И.Ю.*, *Кошкина Е.А.*

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

© 2003 г. И. Ф. МАКАРОВА

РУССКИЕ ПОДДАННЫЕ ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА

XVIII век приумножил многоязычную армию подданных турецкого султана русскими переселенцами. В течение сравнительно небольшого исторического отрезка времени убежища на территории Османской империи попросили сразу несколько больших групп выходцев из России – сначала старообрядцев, затем запорожских казаков. Кроме того, за Дунаем традиционно находили себе приют те, кто был не в ладах с законом у себя на родине: от беглых крепостных и сектантов до откровенно уголовного элемента. В результате в малонаселенных областях Добруджи и на северо-востоке Болгарии возникли крупные обособленные поселения русских. В количественном отношении они составляли немалый процент местного населения. По статистике 60–70-х годов XIX в. число их в этом регионе колебалось в пределах 11–15 тыс. человек, из которых староверы составляли около 8,5 тыс. [1. С. 21]. При этом необходимо отметить, что эти статистические данные относятся к периоду, следовавшему непосредственно за пиком обратной миграции в Россию.

Данная ситуация представляет интерес сразу с нескольких точек зрения. Прежде всего, любопытен сам феномен обращения старообрядцев к султану в качестве защитника их истинной веры и обычаев. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть их поселения в общей системе административного устройства империи. Кроме того, известно, что все эмигранты сумели более или менее благополучно сохранить свой самобытный этнокультурный облик. Механизм, обеспечивший им эту возможность, также нуждается в изучении. И, наконец, специфика взаимоотношений переселенцев между собой и с исторической родиной не может не привлекать внимания.

Однако необходимо сразу оговориться, что источниковедческая база по данной проблематике более чем скупа, путана и противоречива. Количество официальных документов минимально. Основным источником являются записи путешественников и этнографов XIX–XX вв., фиксировавших свои личные впечатления, рассказы очевидцев тех или иных событий, а также местные предания. Поэтому создаваемые на их основе исторические реконструкции зачастую носят весьма гипотетический характер. Тем не менее, думается, они все же представляют интерес, поскольку история жизни на Балканах данной категории русских людей изучена крайне слабо.

Первыми убежища на турецкой земле в середине XVIII в. попросили так называемые некрасовцы – донские казаки-староверы. История этого переселения тесно связана с событиями булавинского бунта, вспыхнувшего на Дону в 1707 г. После гибели самого Кондрата Булавина один из его ближайших сподвижников атаман Есау-

Макарова Ирина Феликсовна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (проект № 01-01-00256 а).

ловского городка Игнатий Федорович Некрасов увел несколько тысяч казаков с семьями (в песнях говорится о 40 тыс.) на Кубань, бывшую тогда во владении крымских ханов. Беглецы поселились в районе современной Анапы, принесли хану присягу и в течение многих лет составляли одну из наиболее боеспособных единиц его армии.

Вплоть до смерти в 1737 г. Игнат Некрасов стоял во главе своего казачьего войска. Авторитет его был непререкаем. В память о нем потомки ушедших с ним казаков и стали называться игнат-казаками или некрасовцами. По преданиям, именно он, этот мудрец с двойным рядом зубов во рту, создал не только организацию Кубанского войска, сохранившуюся в основных чертах и после переселения казаков в Османскую империю, но составил ревностно чтимый его последователями свод правил жизни и нравственности – так называемую Игнатову книгу. По свидетельствам очевидцев, эту книгу видели в одной из турецких казачьих станиц и в XX в. [2. С. 218].

Но на Кубани некрасовцы задержались недолго. Продвижение русских войск теснило их все дальше на юг. Когда войска Анны Иоанновны взяли Анапу, казаки были вынуждены начать переселение в Османскую империю. Происходило оно в 1740–1760-е годы через территорию Малой Азии, откуда игнат-казаки постепенно перемещались на северо-восток Балкан. По преданиям, переход в подданство турецкого султана сопровождался драматическими событиями. Первоначально их просьба была отклонена, несмотря на уверения в ненависти к царю-москалю и на практике подтвержденную готовность воевать с ним. Ситуация изменилась только после принесения страшной с точки зрения конфессионального сознания клятвы. Казаки решились стрелять в четвероконечный крест – эмблему не только православия, но и православной Руси, засвидетельствовав тем самым полный разрыв с ней [3. С. 608]. Лишь после этого им было разрешено поселиться на землях империи с обязательством участия в военных кампаниях в качестве отдельного кавалерийского отряда в составе турецкого войска.

К последней четверти XVIII в. некрасовцы практически уже в полном составе осели в Добрудже, в устье Дуная и на берегу лимана Разельм. Самыми старыми старообрядческими селами здесь считались Дунавец и Сарикиой. По мере роста населения и переселения в Добруджу все новых партий казаков были основаны Журиловка и Слава, в 70–80-е годы XVIII в. – Татарица недалеко от Силистры, затем села Камень, или Каркаликой (Мачинско), Новенькое, или Кыздырегити, и Гиздар-Кийо (Гирсово) [3. С. 609; 4. С. 270; 5. С. 253–257; 6. С. 31–32].

Однако новые партии старообрядцев, прибывающие в Добруджу далеко не всегда были игнат-казаками. Есть информация, что значительную часть их составляли так называемые слобожане, т.е. жители стародубских слобод Черниговской, Харьковской и Орловской губерний [3. С. 609]. В отличие от некрасовцев, считавших себя потомками древних новгородцев и питавших к царю-москалю ненависть не только на почве церковного раскола, но и политических претензий, это были простые русские мужики, не желавшие изменять старой вере и одновременно терпеть гонения за нее. Они влились в казачьи поселения и невольно повлияли на их состав. Возможно, со временем это обстоятельство сыграло не последнюю роль и в изменении названия (но не самоназвания) некрасовцев в среде местного населения. Для многоязычных обитателей Добруджи и северо-восточной Болгарии все жители старообрядческих селений превратились в XIX в. в так называемых липован.

Этимология этого термина не вполне ясна. Существует версия, что он был принесен в этот регион из Буковины вместе с очередной переселенческой волной староверов [4. С. 269–271]. По преданиям, именно такое наименование получили от местных жителей первые русские старообрядцы, поселившиеся в 1724 г. в обширном липовом лесу на берегу р. Сучавы. Таким образом, местный топоним превратился со временем в термин для обозначения целой этно-конфессиональной группы в достаточно большом регионе. Но, скорее всего, термин “липоване” мог оказаться производным от “филиппоны” (филипповское согласие) – наименования одного из старо-

обрядческих толков, чьи последователи первыми расселились по территории Румынии, а затем и Добруджи, дав имя всем последовавшим за ними староверам [7. С. 32].

Главным занятием игнат-казаков на новом месте стал обычный для них рыбный промысел и охота. Земледелием также занимались, но оно носило вначале подсобный характер. Вид основной хозяйственной деятельности был обусловлен прежде всего исторической традицией, ведущей свое начало со времен донской казачьей волиницы. Ему казаки оставались верны и на Кубани, и в Малой Азии. В Добрудже рыболовецкий промысел приносил хороший доход, и некрасовцы стремились сосредоточить его в своих руках. Тем более что местное население было в целом склонно к скотоводству и земледелию. Постепенно это привело к тому, что несмотря на все превратности судьбы именно липованские рыболовецкие артели, унаследовавшие от некрасовцев этот промысел, ко второй половине XIX в. стояли во главе добруджанского рыболовецкого хозяйства.

Компактное проживание всей колонии игнат-казаков в одном регионе продолжалось до 1811 г., когда, напуганная приближением русских войск, значительная их часть переселилась в Малую Азию на берег озера Майнос и в Македонию на берег Эносского залива. В Малой Азии они разместились первоначально в пяти станицах, где более или менее благополучно прожили вплоть до начала XX в., когда началось обратное движение на северо-восток Балкан. Колония в Македонии просуществовала недолго. Возможно, это также было связано с приходом в регион русских военных отрядов, а возможно и с просьбой майносцев, чьи поселения в Малой Азии понесли большие человеческие потери в результате постигшей их чумы.

Добруджанская колония потеряла, в свою очередь, часть оставшихся в ней некрасовцев еще и в 1828–1830 гг., когда сравнительно большая группа игнат-казаков приняла решение о переселении в Бессарабию. Но данный пример был скорее исключением из правил. Основная масса покинуть Османскую империю не собиралась, так как предоставляемые здесь условия практически идеально соответствовали пожеланиям старообрядцев.

При основании поселений колонисты получали от османских властей льготы, немислимые для их исторической родины. Заинтересованное в заселении малолюдных регионов, правительство раздавало в них земли на основании так называемых колонизационных патентов. Участки земли, размер которых в Добрудже зачастую ограничивался лишь возможностью освоения, раздавались бесплатно, освобождаясь при этом на шесть лет от поземельных платежей в казну. Через двадцать лет они переходили в полную собственность (за исключением сенокосов, пастбищ и лесов, которые находились в бесплатном пользовании при сохранении статуса государственной собственности). Кроме того, казаки имели особую налоговую льготу, недоступную другим христианам. В связи с тем, что они служили в военное время в турецкой армии, их освобождали от обязательного для немусульман подушного налога джизия, являвшегося отчасти платой за не несение воинской повинности. Эту льготу игнат-казаки сохраняли вплоть до 1864 г. Возникшее после Крымской войны намерение властей превратить их эпизодическую воинскую обязанность в регулярную повинность привело к официальному отказу некрасовских общин от казачьего статуса. Несмотря на нежелание Порты, некрасовцам удалось настоять на своем и добиться перевода в категорию христианской райи (соответственно, без права несения воинской службы).

Что касается социального устройства казачьей общины, то в Османской империи переселенцы получили возможность сохранить практически в полном объеме порядки, принятые в Кубанском войске. Это касалось прежде всего внутреннего самоуправления, включая институт судебно-административной автономии. Кроме того, староверы могли беспрепятственно отправлять свои религиозные обряды, сохранять культурные обычаи.

Основой внутренней жизни их общин в Добрудже стали порядки, введенные еще И. Некрасовым. Во всяком случае, так было вплоть до переселения части некрасов-

цев на территорию Малой Азии. Судя по некоторым сведениям, там эти порядки продолжали сохраняться и в дальнейшем, в то время как на Балканах подверглись постепенной эрозии [З. С. 608]. Все общественно значимые дела принято было решать на кругу, куда был обязан являться каждый казак. Здесь происходили выборы атамана и есаулов, проверялись общественные приходы и расходы, происходил суд. Допрос провинившихся осуществлялся атаманом и старейшинами, но приговор выносил круг. Вот, к примеру, список казачьих наказаний за провинности: за прелюбодеяние – плети, за сквернословие – плети, за неумышленное убийство – выдача родственникам пострадавшего (на их милость или немилость), за умышленное душегубство – расстрел, за измену войску – закапывание живым по плечи в землю, за богохульство – расстрел, за брак с иноверцами – смерть [З. С. 607–608; 8. С. 183–184].

Говоря об административной и судебной автономии, которой пользовались некрассовские поселения, необходимо отметить, что сам факт ее возникновения не был связан с их появлением. Более того, даже привлечение христиан к воинской повинности в обмен на налоговые льготы для Османской империи не было новостью (пример тому – так называемая привилегированная райя: войнуки, дервентджи, доганджи, мартолосы). Столь комфортное устройство быта игнат-казаков на новом месте находилось всего лишь в соответствии с османским законодательством и определялось основополагающими принципами построения всей государственной социально-административной системы, ведущей свое начало с XV в.

Юридический статус христиан в империи определялся установлениями Корана в отношении завоеванных немусульманских народов: для “людей Писания”, т.е. монотеистов (иудеев и христиан) он предполагал не принудительную исламизацию, а оформление отношений на договорной основе. Для получения права исповедания своей религии, они были обязаны вносить в казну поголовную дань – джизию, устанавливаемую как плату за веротерпимость и отчасти как налог за освобождение от воинской обязанности. Их правовой статус определялся рамками системы миллетов, т.е. конфессионально-юридической автономии. Основой оформления системы миллетов выступала исламская государственно-теократическая доктрина, не допускавшая отделения светского начала от духовного и регулировавшая все проявления жизни общества в соответствии с законами шариата. Эта идеологическая и политическая концепция предопределила невмешательство османов во многие области повседневной жизни “людей Писания”, жизнь и быт которых не были подчинены шариату. Особенно это касалось области семейно-брачных и наследственных отношений. Регулирование всех сфер общественных отношений в среде иноверцев, “закрытых” для османских властей, возлагалось на параллельные исламу конфессионально-организационные структуры (православные, григорианские, иудейские и проч.). По аналогии с нормами шариата они наделялись судебными и отчасти судебно-исполнительскими функциями. Причем это относилось не только к традиционным церковным наказаниям (епитимья и т.д.), но распространялось и на светские (заточение, каторга и др.). Таким образом, церковные организации христиан стали основой официально узаконенной системы правовых институтов, обеспечивавших их реальную конфессионально-юридическую автономию от османских властей.

Конкретно-организационным воплощением этой автономии на местах выступали институты ограниченного самоуправления в городах и сельской местности. В основе их лежала деятельность территориально-церковных общин, построенная по принципу религиозно-территориального размежевания населения. Даже в пределах одного города или населенного пункта представители различных конфессий селились в разных кварталах, которые и составляли территориальное ядро общины. Так, например, во второй половине XIX в. в г. Тульча, где проживало большое количество различного рода выходцев из России, существовало целых семь групп этноконфессиональных общин, живших каждая в соответствии со своими обычаями и верованиями: мусульманская, иудейская, армянская, болгарская, липованская, руснацкая (южнорусская) и молоканская [9. № 3. С. 687].

В сельской местности основой оформления новых территориальных единиц стали традиционные сельские общины. Они исключительно удачно вписались в новую спахийскую систему землепользования, успешно выполняя возложенные на нее фискальные функции. Особенное удобство для властей представляла практика коллективной ответственности в системе налогообложения и в области уголовно-наказуемых деяний. Контакты общинников с органами местной власти носили крайне ограниченный характер. В соответствии с узаконенной практикой, они обычно осуществлялись через официальных представителей общины (в количестве от одного до десяти человек). И что особенно важно, по закону вмешательство османской администрации во внутреннюю жизнь общины не требовалось даже при возникновении в ней конфликтной ситуации. Судопроизводство в сфере семейных, наследственных, договорных, а зачастую и уголовных дел происходило без ее участия на основе традиционного обычного и канонического церковного права (за исключением тех случаев, когда в качестве одной из сторон выступали мусульмане) [10. С. 348–349].

Таким образом, созданная османами система конфессионально-юридической автономии реально способствовала усилению внутренней замкнутости общин, консервации традиционного быта и культуры, т.е. выполняла по-существу этнозащитные функции. В тех же случаях, когда размеры территориально-церковной общины совпадали с границами этнической, как это чаще всего было в поселениях русских, происходило оформление крайне замкнутого социума, члены которого могли при желании жить в условиях практически полной изоляции от внешнего мира. А это была именно та цель, к которой стремились староверы.

Османь невольно законодательно оформили один из заветов Игнатовой книги, гласивший – “никто не имеет права общаться с турками” [8. С. 183–184]. Естественным образом возникал паритет: старообрядцам было разрешено общаться с османами только через специально выделенного общинной представителя, а турки именно этого и добивались, т.е. условия, предоставляемые местным законодательством, были для некрасовцев настолько оптимальны, что создается впечатление о неслучайности переселения игнат-казаков именно на земли Османской империи. Вполне возможно, что пребывание в подданстве крымского хана, которое неминуемо должно было сделать их весьма осведомленными, предопределило сознательный выбор в пользу империи. И надо отдать должное этому выбору – он не стал ошибочным. Судя по некоторым свидетельствам, прожив в иноконфессиональном и иноэтничном государстве около полутора столетий, старообрядцы очень позитивно оценивали свое пребывание в нем. Так, в конце XIX в. на вопрос о турецких притеснениях старики однозначно отвечали, что таковых не было: “Турок честный человек, хоть и не в нашего Бога верует... обиды никакой от него не было... десятину свою возьмет, а больше пальцем не тронет” [9. № 2. С. 334–335]. Парадоксально, но остается признать, что империя османов для поборников старой православной веры оказалась местом, наиболее полно отвечающим решению стоящих перед ними идейных задач.

Главная же стратегическая задача старообрядцев состояла в спасении от воцарившегося, по их мнению, на родине антихриста. В турецких владениях нашли себе приют старообрядцы различных толков. Первоначально это были некрасовцы поповского согласия, но с течением времени в Добрудже расселились многочисленные группы различных беспоповцев. Независимо от имевшихся между ними различий, учение о приходе и воцарении антихриста являлось краеугольным камнем староверческого мировоззрения. Исторически оно складывалось постепенно: от простой персонификации антихриста в лице Петра I к сложной системе восприятия его пришествия в плане духовном. В России сопротивление антихристовым порядкам вызывало жесточайшие гонения. В Османской же империи это ровным счетом никого не касалось. Старообрядцы вполне законно получили автономный от греческих архиереев статус, исправно платили причитающиеся налоги и могли в остальном строить внутреннюю жизнь своих общин так, как считали необходимым.

В соответствии с разделением на поповцев и беспоповцев отчасти различались и порядки, принятые в их среде. К сожалению, имеющиеся данные не позволяют сколь-либо определенно проследить распространение даже этих двух основных согласий на территории империи. Вполне достоверно известно, что собственно некрасовцы вначале все были поповцами, а следовательно, это относится и к наиболее старым русским поселениям на северо-востоке Балкан. Поповцами вплоть до настоящего времени остались и потомки игнат-казаков в с. Татарица [2. С. 218; 5. С. 254–256]. Однако их собратья, как переселившиеся в начале XIX в. в Малую Азию, так и вернувшиеся впоследствии на Балканы, священство утратили [5. С. 254–256; 8. С. 184]. Это относится и к большинству староверов, оставшихся в Добрудже после переселения из нее собственно некрасовцев. Но в середине XIX в. значительная их часть приняла духовенство от вновь образованной старообрядческой Белокриницкой иерархии [8. С. 184].

Кроме того, следует иметь в виду, что в Добрудже находили себе приют и представители многих русских христианских толков, в принципе отрицавших духовенство. К сожалению, сведения о них весьма туманны и отрывочны. Известно, например, что около середины XIX в. сюда переселились из России скопцы. Встречались и сектанты откровенно богородичного толка [1. С. 20–21]. Наиболее достоверная информация сохранилась о пребывании в этом регионе молокан – представителей одной из разновидностей так называемых духовных христиан. Они имели в г. Тульча официально зарегистрированную общину, количественный состав которой колебался в последней трети XIX в. пределах 40–50 семей [9. № 2. С. 315].

Что касается различий, бытовавших в среде двух основных староверческих согласий, то они были связаны прежде всего с наличием или отсутствием в их общинах духовенства. Поповцы принимали по необходимости священников, переходящих (бегствующих) от господствующей церкви. Основным условием было перекрещивание от ереси и согласие соблюдать старые обряды. Однако эмиграция осложняла реализацию этих условий, во всяком случае, для некрасовцев, так как один из заветов Игнатовой книги однозначно предписывал: “Попов никонианского или греческого рукоположения на службу не принимать” [8. С. 183–184]. К тому же в действие вступал и этнический фактор. Естественным следствием стало все большее распространение даже среди них беспоповства.

Принято считать, что вплоть до середины XVIII в. в своей основной массе староверы воспринимали отсутствие духовенства как временное, вынужденное и тяжкое испытание. Однако постепенно все большее распространение начала получать точка зрения, что с воцарением антихриста истинное священство на земле искоренено, а потому лучше обходиться совсем без оного. В результате количество беспоповцев все более увеличивалось. В их среде из церковных таинств сохранялся лишь необходимый для спасения минимум – крещение и исповедь, которые, по канонам, в исключительных случаях можно было совершать и при отсутствии священника. Необходимо сразу отметить, что на бытовом уровне вынужденный отказ от церковных таинств приводил прежде всего к расшатыванию института брака. В условиях господства полусредневекового конфессионального мышления неосвящение этого важнейшего для общества акта нередко вело к нестабильности брачных связей и возникновению сложностей в процедуре наследования имущества. Поэтому многие беспоповские общины относили обряд бракосочетания к разряду таинств, разрешенных к исполнению при отсутствии священника.

К сожалению, практически отсутствует информация, которая позволила бы характеризовать отношения, складывавшиеся между турецкими старообрядцами различных согласий. Имеющийся в распоряжении этнографов собственно русский полевой материал (т.е. собранный в различных регионах России) свидетельствует, что неприязненный и даже враждебный характер отношений между общинами разных толков – явление достаточно распространенное. Однако даже намеков на нечто похожее в среде липован обнаружить не удалось. Скорее наоборот. В частности, суще-

ствуют данные о распространенности в их среде обычая заключения смешанных браков, т.е. браков между представителями разных толков, осуществляемых после процедуры перекрещивания одного из брачующихся [4. С. 272]. Вероятно, внутренняя веротерпимость была в Добрудже необходимой мерой выживания, так как поиски брачного партнера в иноэтничной среде были весьма проблематичны.

Что касается быта турецких старообрядцев, то подобно всем своим собратьям, особенно тем, кто оказался на чужбине, они на протяжении столетий продолжали сохранять свой этнографический облик, язык, обычаи и обряды, вынесенные с родины на момент переселения. Исследователи отмечают, что и в настоящее время они в основном продолжают говорить на достаточно чистом южно-великорусском диалекте [4. С. 272; 11. С. 224–230]. Не утрачен и фольклорный багаж переселенцев. Изучение современными болгарскими исследователями песен и обычаев некрасовских сел Татарица (Силистринско) и Казашко (Варненско) показывает их не только типологическое сходство, но зачастую и буквальное совпадение с фольклором донского, а шире южнорусского типа [2; 12. С. 35–40].

Одним из наиболее ярких проявлений старообрядчества для окружающих обычно становятся его внешние символы бытового характера – ношение традиционного архаичного костюма, замкнутость домашнего быта и т.п. В полной мере это относится и к староверам Османской империи. Один из очевидцев, наблюдавший быт добруджанских липован в последней четверти XIX в., отмечал, что только они смогли сохранить во всей чистоте свой отечественный костюм, в то время как другие переселенцы из России его частично или полностью утратили [9. № 2. С. 327–328]. Он же обращал внимание на их буквально маниакальную склонность к чистоте, вплоть до уничтожения домашней утвари, которой в силу каких-либо обстоятельств пользовались иноверцы (даже православные) [9. № 2. С. 333].

Необходимо в этой связи отметить, что данное наблюдение полностью вписывается в аналогичные свидетельства, касающиеся быта старообрядцев в самых различных регионах. Вот лишь некоторые высказывания, распространенные среди русского православного населения юга Западной Сибири по этому поводу: “В дом к ним войдешь, так за тобой и скобу вымоют”, “Воду попросишь – не подадут, а если кто подаст, то кружку выбросят” [13. С. 217]. Тенденция к изоляционизму не могла не усилиться в иноэтничной среде. Известно, в частности, что браки старообрядцев с местным православным населением сначала Турции, а затем Болгарии и Румынии едва ли не вплоть до середины XX в. были запрещены [4. С. 272; 5. С. 255]. Почти в соответствии с Игнатовой книгой, которая, как уже упоминалось, высказывалась по этому поводу весьма недвусмысленно – “за брак с иноверцами – смерть”. При этом различий между иноверцами попросту не делалось.

В целом складывается впечатление, что на бытовом уровне у турецких старообрядцев прослеживалась тенденция к фактическому превращению своей веры в религию одной изолированной этнической группы. В условиях Османской империи эта цель была в принципе вполне достижима. Но после ее падения и становления на Балканах унитарных национальных государств не только ее достижение, но и перспективы выживания стали весьма сомнительны. И, вероятно, не случайно, что именно с начала XX в. впервые происходит массовое переселение староверов в Россию, которое с новой силой возобновилось после окончания Второй мировой войны.

История жизни запорожцев на Дунае не столь продолжительна и драматична, как история старообрядцев. Однако она оказалась тесно переплетена с судьбой последних и сильно повлияла на дальнейшее существование местных колоний.

Запорожским казакам (по преданиям, около 5 тыс. [14. № 1. С. 27]) было разрешено обосноваться в Османской империи на тех же условиях, что и некрасовцам, – предоставление налоговых льгот в обмен на службу в составе самостоятельного отряда в период военных действий. Произошло переселение сразу после окончательного разорения Запорожской сечи в 1775 г. Первоначально казаки пытались расселиться в дельте Дуная, но, столкнувшись с сопротивлением некрасовцев, были вы-

нуждены в 1785 г. передвинуться вверх по Дунаю на Военную границу. Однако скоро вновь возвратились в Добруджу, осев в с. Сеймены (между Гирсово и Силистрой). С этого момента и вплоть до 1811 г. начинается их постоянная полуделегальная война с некрасовцами за контроль над рыбной ловлей в этом регионе. После нескольких лет страшной резни, легенды о которой сохранялись среди старожил Добруджи вплоть до последних десятилетий XIX в., запорожцы неожиданно оказались полными победителями. Опасаясь мести со стороны наступающих русских войск, игнат-казаки переселились в Малую Азию, уступив пришельцам контроль над территорией. Воспользовавшись этим, запорожцы перенесли в 1814 г. свой кош из Сеймен в бывшую некрасовскую станицу Дунавец, которая с этого времени стала центром мелких запорожских поселков, разбросанных в дельте Дуная.

Хозяйственная деятельность отныне уже задунайских казаков ограничивалась исключительно рыболовством, охотой, а в периоды военных кампаний – воинской службой. Все остальное считалось ниже их достоинства. Благодаря действовавшему в Османской империи законодательству, они, также как и некрасовцы, получили полное внутреннее самоуправление, юрисдикцию и могли организовывать свою жизнь, ориентируясь на традиции Запорожской сечи.

Их поселения образовывали как бы федерацию замкнутых от внешнего мира самоуправляемых и абсолютно самостоятельных в административном и хозяйственном отношении рыболовецких общин, объединенных в казачье войско. Во главе каждой общины (курня) стоял выборный куренной атаман. Курень являлся одновременно и первой судебной инстанцией. Второй была союзная кошевая администрация, а последней – Сечева рада, т.е. общее собрание всех казаков. Одновременно Рада была и носителем всей высшей власти в Сечи. В отношении духовенства на всем протяжении своего существования Сечь сохраняла полную независимость. Священников выбирали исключительно из своей среды, отсылая их затем для рукоположения к молдавским архиереям.

Необходимые сношения с османскими властями производились исключительно через кошевую администрацию, чьим представителем обычно выступал войсковой старшина. Эта же администрация распоряжалась деятельностью, связанной со службой в турецком войске, – деньгами, провиантом и внутренним военным распорядком. В ее обязанности входил и контроль за общесечевыми доходами и расходами.

Однако история собственно Задунайской сечи оказалась недолгой. В 1828 г., в начале очередной турецкой кампании, русское командование, вступив в тайные переговоры с сечевым кошевым О. Гладким, сумело склонить его к возвращению на родину. Казакам были обещаны амнистия, налоговые льготы и сохранение их статуса. Вместе с кошевым в русское подданство перешли приблизительно 500 человек [14. № 2. С. 282]. Из их числа после окончания войны было сформировано Азовское казачье войско. Оставшиеся же в империи были подвергнуты репрессиям. Все они были обезоружены и переведены на положение обычной христианской райи. Двести казаков были арестованы, и отправлены в константинопольскую тюрьму, но спустя некоторое время освобождены [15. С. 295]. Однако главным итогом стало полное и окончательное уничтожение Задунайской сечи.

Но ее история имела внесечевое продолжение. Поскольку сама Сечь, ориентируясь на свою приднепровскую “митрополию”, имела военный характер, куда женщинам доступ был запрещен, вокруг нее исторически группировались поселки и слободы, населенные семьями женатых казаков. После своего возникновения они быстро стали центрами притяжения для переселенцев из южных областей России, с конца XVIII в. постоянным потоком стремившихся в Османскую империю в поисках лучшей жизни. Эта новая волна колонистов, имевшая в турецких землях статус обычной христианской земледельческой райи, постепенно образовала в Добрудже довольно значительный слой населения. Их поселки, смешавшись с казацкими слободами, представляли собой самостоятельные административные единицы, но находились в подчинении коша, который выполнял роль учреждения, осуществлявшего посред-

нические функции по отношению к османским властям. После уничтожения сечи оставшиеся в империи задунайские запорожцы были приравнены по статусу к жителям этих поселков-сателлитов и органично влились в их состав. Так в 1830-е годы на северо-востоке Балкан образовалась особая этнографическая группа, так называемые руснаки.

Причины, по которым местные жители выделили руснаков из ряда других русских переселенцев, дав им самостоятельное название, были весьма весомы: они касались особенностей их языка и наличия внешних этнодифференцирующих признаков. Прежде всего, в отличие от липован руснаки говорили не на южно-великорусском, а в основном на так называемом новороссийском диалекте [9. № 3. С. 701]. Причины этого крылись в особенностях эмиграции из России, характерных для первой половины XIX в. После присоединения в 1812 г. к России Бессарабии, в свое прежнее отечество оказалась искусственно возвращена большая масса беглецов из Новороссии, Херсонщины, Черниговщины, Киевщины и т.д., традиционно находивших здесь спасение от крепостного гнета. После 1830 г., когда принятые в Бессарабии традиции крестьянского самоуправления были найдены властями не соответствующими общей государственной системе, началось систематическое и непрерывное переселение (вплоть до Крымской войны) мужиков в Османскую империю.

Судя по рассказам самих руснаков, собранным в последней четверти XIX в., турки, желая заселить полупустынную Добруджу, принимали беглецов охотно. Их укрывали от преследования и предоставляли земельные участки на основе колонизационных патентов, т.е. со значительными льготами. Вот лишь один из рассказов очевидцев на тему заинтересованности турецких властей в притоке переселенцев. В г. Тульча, ставшем постепенно основным центром руснаков, с разрешения местного аяна новая церковь была построена выше мечети. При посещении города пашой по этому поводу разразился скандал, в ходе которого аян встал на защиту колонистов и сумел отстоять их права. Аргументация была столь откровенна, что стоит ее привести дословно: “Если б не позволил, то и руснаки тут бы не жили, а теперь смотри, сколько народа идет... как только ночь настанет, так и плывут с русской стороны... Да и пусть она себе хоть втрое будет выше (мечети) – нам что? Нам лишь бы народа больше было!” [9. № 3. С. 689].

Социальная организация руснаков, не вступая в противоречие с османским законодательством, являлась копией тех порядков, к которым они привыкли и сохранению которых угрожало вновь приобретенное российское подданство. Их общины, приравненные по налоговому и административному статусу к обычной христианской райи, представляли собой достаточно замкнутые социальные организмы. Главная административная власть принадлежала сельскому сходу – Громаде. Громада заведовала всеми внутренними общественными распорядками, разбором поземельных отношений, церковными делами. Ей же принадлежала раскладка и сбор налогов. Громадский суд был также первой и почти всегда окончательной инстанцией при решении спорных или конфликтных вопросов. Слушание дела обычно производилось по воскресеньям после церковной службы. Лишь в редчайших случаях допускалось обращение к турецкому суду.

Сношения с османской администрацией осуществлялись через специальных выборных представителей – чорбаджию и его помощника кехайю. Эти должностные лица выбирались сроком на полгода или год из числа лиц, знающих турецкий язык. Собрание чорбаджиев от различных общин составляло меджлис и занималось решением вопросов, выходящих за границы компетенции отдельных общин руснаков.

Церковные дела занимали важное место в общественной жизни и находились в полном ведении самих общин. Для их решения на общем собрании происходил выбор церковного попечительства – эпитропии. Священство избиралось самими прихожанами, причем зачастую из числа лиц, не принадлежащих к духовному сословию. Однако посвящение в сан они получали от греческих архиереев. В материальном отношении духовные лица оставались в полной зависимости от той же Громады. Во-

просы содержания оговаривались специальным договором и предусматривали денежные выплаты или, чаще всего, натуральное довольствие.

Возвращаясь к вопросу об этнографических особенностях руснацкого населения, необходимо отметить, что, помимо особого диалекта, оно демонстрировало полный комплекс внешних дифференцирующих признаков, включающих особые костюм, оформление жилища, народные обычаи. По свидетельству очевидца, большая часть руснацких сел и их жителей имели по наружности не великорусский, а ярко выраженный малороссийский характер [9. № 2. С. 325–329]. Стараниями руснаков в Добрудже возникли поселки, состоящие сплошь из глинобитных белых хаток, крытых камышом и обнесенных плетнем из хвороста. В контексте обычного для этого региона Балкан каменного крытого черепицей жилища, эти хатки смотрелись несколько странно. Внутреннее убранство домов также принципиально не отличалось от традиционного малороссийского. Серьезных изменений не претерпели и народные обычаи (песни, игры, ритуал семейных и общественных празднеств). Наибольшие изменения коснулись костюма: женский практически полностью утратил свой допереселенческий характер и был заменен на европейский, а мужской сохранил в основном традиционную шапку и широкие, заправленные в сапоги шаровары.

Касаясь отличий между руснаками и липованами, уместно несколько более подробно остановиться на проблеме взаимоотношений этих двух колоний, длительное время соседствовавших. По информации, относящейся к последней четверти XIX в., их можно определенно назвать неприязненными [9. № 2. С. 331–333]. Истоки вражды относятся к эпохе кровавой “партизанской” войны между запорожцами и некрасовцами конца XVIII–начала XIX в. После уничтожения Сечи руснаки вполне закономерно оказались в глазах некрасовцев прямыми наследниками запорожцев. Да и сами они, судя по сохранившимся в их среде многочисленным преданиям об этой войне, считали так же. Наследственной осталась и взаимная враждебность, хотя постепенно она и потеряла прежние кровавые формы. Но, как записал очевидец, “в долину р. Славы (места старообрядческих поселений. – *И.М.*) руснак и ныне (80-е годы XIX в. – *И.М.*) особенно ночью один не пойдет” [9. № 2. С. 333].

Отчужденность, безусловно, подогревалась типичным для старообрядцев дистанцированием от всех православных, придерживавшихся новой обрядности. Однако в данном случае вряд ли можно все сводить к конфессиональному антагонизму. Есть основания предполагать, что по крайней мере со стороны руснаков вражда носила не столько религиозный, сколько исторически обусловленный характер. Основанием для этого служат сведения о традиционно теплых отношениях руснаков с русскими молоканами [9. № 2. С. 331, 333].

Представители этой секты имели в г. Тульча официально зарегистрированную религиозно-территориальную общину и были в этом районе относительно многочисленны. Отношения с официальной православной церковью у молокан были еще более тяжелыми, чем у старообрядцев. Они полностью отрицали всю церковную организацию (обряды, иконы, посты и т.д.). Руководили общинами старцы-пресвитеры, которые и проводили моления, в ходе которых лишь читались проповеди и исполнялись соответствующие песнопения.

Однако во взаимоотношениях с ними у руснаков, получавших священство от греческих архиереев, никаких проблем не возникло. Более того, существуют данные о заимствовании ими на бытовом уровне обычаев, плохо совместимых с пребыванием в лоне ортодоксальной православной церкви. Речь идет прежде всего о наблюдаемой у руснаков свободе в деле заключения и расторжения брака [9. № 3. С. 691–692]. По свидетельству очевидца, в их среде широкое распространение получило сожительство вообще без заключения церковного брака, но с регистрацией в общинной администрации и с соблюдением всех традиционных свадебных обрядов. В свою очередь, заключенные ранее церковные браки не являлись препятствием для разводов. По изъявлению желания, супругов разводили беспрепятственно, а намерение всту-

пить в новый брак (даже церковный) не встречало никаких препятствий со стороны руснацкого духовенства.

Нередки были и случаи заключения нецерковных браков руснаков с различного рода сектантами. Если же при этом возникало желание придать подобной церемонии характер церковного действия, то обычно обращались к молочанским настоятелям, произносившим подходящую случаю речь или исполнявшим несколько религиозных “стихов” [9. № 3. С. 692]. В целом создается впечатление, что для менталитета руснаков были характерны гибкость и веротерпимость, формирующиеся нередко у населения, вынужденного жить в этнически контактных зонах, какой в полной мере была Добруджа XVIII–XIX вв. На это же, в частности, указывает и то обстоятельство, что, судя по наблюдениям очевидцев, для них были типичны исключительно ровные и доброжелательные отношения с представителями всех многочисленных групп населения, представленных в Добрудже (за исключением липован) [9. № 2. С. 331–333].

Относительной гибкостью характеризовалось и отношение руснаков к своей исторической родине. Являясь частично потомками запорожцев, а частично беглых мужиков с юга России, руснаки не имели к ней претензий идейного или политического характера, что сильно облегчало процесс миграции. Сохранились сведения по крайней мере о двух более или менее массовых волнах их обратного движения за Дунай.

Первая прокатилась по Добрудже в 1828–1830 гг., после ухода в Россию части запорожцев. Связана она была с ухудшением ситуации в плане личной безопасности. Справедливо опасаясь мести турок, лишившись защиты в лице Сечи от разбойных нападений полудиких пастухов-трансильванцев, столкнувшись с тяготами жизни во фронтовой полосе и польстившись, наконец, на амнистию и льготы, обещаемые русским правительством, руснаки потянулись на родину. Длилось это движение два-три года, но затем пошла обратная волна. Переселенцы уже успели отвыкнуть от принятых в России порядков, поэтому ожидания, возлагаемые на возвращение, не оправдались. Во всяком случае, именно так объяснил причины их возвращения в Турцию старый казак, участник событий тех лет дед Марко Глухой: “Тогда как они вышли с Гладким, много народа в Россию ушло, да только опять назад возвратилось. Пошли, да солдатчиной как запахло, так они и вернулись” [9. № 1. С. 135].

Вторая, гораздо более мощная волна миграции началась во время Крымской войны и достигла своего апогея после указа об освобождении крестьян. В народе эти события получили название “великой выходки” или “великого выходного”. Начало было положено массовым переселением местной бессемейной гольтыбты еще до непосредственного развертывания боевых действий. После распоряжения русского правительства о приеме в солдаты всех беглых, по Дунаю поползли слухи об освобождении ополченцев от крепостной зависимости. Тогда за одно только лето в Россию ушли более 1800 человек [9. № 1. С. 153]. После окончания Крымской войны продолжению миграции в немалой степени способствовало заключение русско-турецкой конвенции о переселении в Добруджу крымских татар и черкесов, быстро завоевавших среди местных жителей крайне дурную репутацию. Но настоящий миграционный бум начался вслед за отменой в России крепостного права. Именно тогда началась “великая выходка” земледельческого семейного населения. О масштабах этого движения можно судить по тому обстоятельству, что в тот период практически полностью опустели многие руснацкие села – Жежина, Цыганка, Таица и др. [9. № 2. С. 315].

В свою очередь, данный факт является также косвенным свидетельством того, что отношение руснаков к России было наименее сложным и наименее идеологизированным, по сравнению со всеми иными русскими подданными турецкого султана. Это относится и к той их части, которая вела свою родословную от казаков Задунайской сечи. Их отношения с Россией были далеко не так безоблачны. Их положение оставалось несколько двойственным.

Сечевые казаки всегда находились в лоне ортодоксальной православной церкви. Однако, находясь на службе у султана, они неоднократно воевали против своих единоверцев, не питая к ним при этом вражды личного характера. Они принимали участие в походах турецких войск против сербов в 1817 г., против греков в 1821 г. Наконец они были задействованы в русско-турецких кампаниях. В частности, во время войны 1806–1812 гг. их отряд оборонял крепость Руцук.

Для сильно конфессионализированного сознания той эпохи это было непростым испытанием. Некоторые источники свидетельствуют, что казаки действительно ощущали значительный душевный дискомфорт. Прежде всего это отразилось в фольклоре. В песнях казаков можно обнаружить осознание вопиющей противоречивости своего положения, когда из-за присяги султану они вынуждены выступать на стороне магометан против своих единоверцев и единоплеменников – “на веру”, “брат на брата бити” [9. № 3. С. 692]. Сохранилось также местное предание, что при обороне Руцука казаки якобы вошли в сношение с русским командованием и по взаимной договоренности стреляли холостыми патронами [14. № 1. С. 272–273].

При этом на родину они особенно не стремились. Несмотря на определенную активность русских властей, истории так и не суждено было стать свидетелем массового исхода сечевиков в Россию. Известны всего лишь два случая возвращения их относительно крупных групп. Оба они произошли перед началом русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Сначала афонскому митрополиту Филарету удалось уговорить возвратиться 800 казаков, которые на 28 лодках и высадились в Одессе. Затем увенчались успехом тайные переговоры с сечевиками градоначальника г. Измаила генерал-майора С. Тучкова. Итогом их стал уход в Россию 500 казаков во главе с кошевым О. Гладким. Однако, судя по воспоминаниям сына О. Гладкова, положительный результат был достигнут с очень большим трудом и являлся к тому же весьма относительным, так как за кошевым ушла сравнительно небольшая часть сечевого войска [14. № 2. С. 278–282]. Остальные предпочли принять на себя гнев турок, но не возвращаться.

Но это вряд ли можно связывать с антагонизмом, это была всего лишь жизненная позиция. Истинной непримиримостью в отношении России отличались пожалуй только некрасовцы. Крайняя идеологизированность спасала их от двойственности сознания. На протяжении всей своей истории они находились с Россией в состоянии почти непрерывного военного конфликта. Сначала их военную доблесть на этом поприще имел возможность оценить крымский хан. Затем они стали бесстрашными героями русско-турецких военных кампаний, получая за них высокие воинские награды, которые потом бережно хранили в своих церквах. Особенно прогремели подвиги некрасовской кавалерии под предводительством атамана Ивана Солтана в войне 1828–1829 гг. и в составе корпуса Садык-паши в период Крымской войны.

Таким образом, сами некрасовцы достаточно определенно ставили себя в положение врагов собственного отечества. Но реакцию России в данном случае однозначной никак назвать было нельзя. Она являлась откровенно двойственной. С одной стороны, Россия устраивала гонения на старообрядцев, делая, кажется, все возможное, чтобы подтолкнуть их к вынужденной эмиграции, а с другой – добившись вроде бы своего, проявляла завидное постоянство, пытаясь амнистией и льготами привлечь их обратно. Во всяком случае история контактов русских властей с некрасовцами выглядит в целом именно таким образом. После того, как во времена правления Петра I, а затем Анны Иоанновны попытки добиться выдачи некрасовцев потерпели провал, началась тактика заигрываний.

Одним из первых актов на этом пути стал Высочайший приказ Екатерины II от 15 апреля 1784 г., обращенный к некрасовцам, проживавшим в Малой Азии. И хотя он сулил в случае возвращения царские милости и прощение, однако услышан не был. Не дала результатов и прокламация генерала Михельсона, направленная за Дунай в 1806 г. Наибольших успехов на данном поприще дважды удалось добиться генералу С. Тучкову. В 1811 г. и в 1828–1830 гг. ему удалось склонить к переселению в

Бессарабию (исключительно в нее и обязательно вблизи границы) две группы некрасовцев. От имени императора им были обещаны все мыслимые милости: амнистия; льготы по податям и повинностям; свободное вероисповедание, беспрепятственное построение своей церкви и ведение богослужения по старому обряду; избрание рода жизни и состояния, какие они пожелают; отвод земли под усадьбы в достаточном количестве; освобождение от рекрутской повинности, вступление в казачье ведомство, если желают считать себя казаками [16. С. 54–55]. На столь льготные условия после длительных переговоров и торгов на переселение согласились в 1811 г. 100 семей, а в 1828–1830 гг. 1042 человека [16. С. 54–55; 59–60]. Под Измаилом переселенцы основали две станицы – Старую и Новую Некрасовку. К сожалению, не представляется возможным проследить их дальнейшую судьбу в России, однако известно, что на этом вплоть до начала XX в. миграция закончилась.

Довольно своеобразным было поведение русских войск в отношении некрасовских поселений на турецкой территории. Создается впечатление, что в целом оно было несколько растерянным. Одно дело – безжалостно подавлять инакомыслие и неповиновение у себя на родине, совсем другое – встретить сохраняющиеся в полной этнографической чистоте селения соотечественников на вражеской земле “нечестивых агарян”. Думается, в психологическом аспекте создававшаяся ситуация зачастую оказывалась сложной не только для простых солдат.

Вместе с тем некрасовцы не питали, по-видимому, особых иллюзий по поводу русских войск. Иначе трудно объяснить их массовое бегство в Малую Азию в 1811 г., откуда они в свое время были вынуждены уйти, замученные эпидемиями моровой язвы. Даже закончившаяся вполне благополучно встреча с русскими отрядами на берегу Эносского залива не повлияла на сложившиеся стереотипы. Казаки встретили их хлебом-солью, но затем тут же бежали в Майнос [16. С. 54]. Недоверие было вполне обоснованным. Известно, в частности, что в период Крымской войны, когда некрасовцы совершали свои боевые подвиги в составе корпуса Садык-паши, некоторые их станицы после прихода русских были подвергнуты опустошениям. В ту же кампанию генерал Ушаков, подчеркнуто вежливо обращавшийся со старообрядческим духовенством, был вынужден по распоряжению высших инстанций отправить двух их епископов, Аркадия и Олимпия, а также тульчинского попа Федора в Россию, где они были заточены в суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь [3. С. 618]. Одновременно с этим в соответствии с конвенцией, подписанной между Россией и Турцией, тем же самым старообрядцам предлагались на льготных условиях земли в Крыму и на Кавказе, освобождающиеся после переселения в Добруджу черкесов и крымских татар. Неудивительно, что предложение не вызвало среди них интереса. Им воспользовались исключительно руснаки.

Вместе с тем известны примеры и прямой защиты русским командованием интересов старообрядцев. В этом отношении особенно показательны события войны 1828–1829 гг., после которой, вероятно, случайно и произошло единственное за XVIII–XIX вв. сколь-либо масштабное возвращение некрасовцев на родину. Прежде всего, был предпринят неожиданный, но чрезвычайно эффектный для формирования общественного сознания шаг – русское командование вдруг вмешалось в давнюю распрю игнат-казаков с запорожцами. Была предпринята попытка выявления среди бывших запорожцев лиц, участвовавших когда-то в кровавой резне на Дунавце. Судя по рассказам очевидцев тех событий, их арестовывали и отправляли в Россию [9. № 2. С. 332]. И, наконец, что особенно важно, русское командование сделало шаг для защиты старообрядческих поселений от превратностей военного времени. К сожалению, пока не представляется возможным проследить, насколько масштабны и эффективны были эти мероприятия. Имеющиеся в наличии документы позволяют осветить лишь один эпизод такого рода.

Относится он к истории жителей села некрасовцев Кочук-Диоли, располагавшегося между Силистрой и Тутраканом и получившего от русского командования в 1828–1830 гг. пять различных охранных листов [17. С. 294–300]. Первый из них пове-

левал “охранять селение русского сословия Кочук-Диол от обид, притеснений и притязаний и оказывать оному всякую защиту и помощь под опасением в противном случае тяжкого наказания по военному уголовному уложению” [17. С. 296]. Последующие связаны с защитой жителей этого села в период их временного переселения на новое место жительства, а затем с возвращением обратно. По свидетельствам очевидцев, злоключения некрасовцев были связаны с конфликтом, возникшим между ними и мусульманами соседних сел и вылившимся в разбойные нападения со стороны последних [17. С. 299]. В этой ситуации русское командование безоговорочно встало на защиту бывших соотечественников. В качестве жеста благодарности, а возможно, и из соображений обеспечения дополнительной безопасности некрасовцы выразили пожелание “выйти из турецкого подданства... и присягнуть на верность Державе Российской” [17. С. 297]. Воплотилось ли это намерение в жизнь, неизвестно. Мы знаем только, что после войны 1828–1829 гг. эта некрасовская станица не возродилась: часть ее жителей ушла в с.Татарница, судьба остальных неясна [17. С. 299]. Сами же охранные листы, а вместе с ними соответственно и благодарная память вплоть до 1902 г. береглись в Татарнице – крупнейшем в XIX–XX вв. поселении игнат-казаков.

Возвращаясь в заключение еще раз к феномену массового обращения в XVIII–начале XIX в. жителей России в турецкое подданство, хотелось бы подчеркнуть, что в своей основе оно носило исторически обусловленный, вынужденный характер. За Дунай в конечном итоге оказывались выдавлены представители тех слоев населения, чей жизненный уклад и убеждения приходили в противоречие с идеями реформирования патриархального русского общества. В этом отношении отсталая с точки зрения европейцев средневековая Османская империя становилась для них своеобразной резервацией, обеспечивавшей возможность сохранения традиционного образа жизни. Однако по мере прихода на Балканы эпохи реформ их пребывание там становилось все менее комфортным. После же возникновения на месте Османской империи унитарных национальных государств начала близиться к завершению и история русских поселений за Дунаем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тонев В.* Добруджа през Възраждането (културен живот, църковно-национални борби, революционни движения). София, 1973.
2. *Критска-Иванова Е.Ф.* Типология и эволюция свадебного обряда и фольклора в Болгарии (села Татарница и Казашко) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
3. Очерк истории старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник. СПб., 1875. Т. 1.
4. *Кирилэ Ф.* Русская липованская община в Румынии // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992.
5. *Штайнке К.* Старообрядцы в Болгарии // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992.
6. *Липинская В.А.* Названия селений старообрядцев в Румынии // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1995. Вып. 3.
7. *Сайко М.Н.* Возникновение старообрядческих поселений на Буковине (70–80-е годы XVIII в.–XIX в.) // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1994. Вып. 1.
8. *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы: Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.
9. *Лупулеску И.* Русские колонии в Добрудже // Киевская старина. 1889.
10. *Андреев М., Ангелов Д.* История на българската феодална държава и право. София, 1972; *Грозданова Е.* Българската селска община през XV–XVIII вв. София, 1979.
11. *Леонидова М.* Один восточно-славянский диалект в южнославянском окружении // Славистични изследвания. София, 1973. Т. 3.

12. *Романска Ц.* Фолклор на русите некрасовци от с. Казашко, Варненско. София. 1959; Кауфман Н. Песни на казаците некрасовци от България // Българска музика. 1963. № 5.
13. *Липинская В.А.* Об устойчивости малых конфессиональных групп в однонациональной среде (по материалам юга Западной Сибири) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992.
14. *Кондратович Ф.* Задунайская сечь (по местным воспоминаниям и рассказам) // Киевская старина. 1883.
15. *Лукулеску И.* Сведения о задунайских запорожцах // Киевская старина. 1891.
16. *Короленко П.П.* Некрасовские казаки // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1900. Вып. 2.
17. *Бахметьев П.* Към историята на старите руски поселища въ сегашната България // Периодическо списание на Българското книжовно дружество въ София. София, 1907. Т. XLVIII. № 3-4.

© 2003 г. В. В. МАРЬИНА

ВЫСЕЛЕНИЕ НЕМЦЕВ ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ: РОЖДЕНИЕ И МОДИФИКАЦИЯ ИДЕИ. 1939–1943 ГОДЫ

Возникшая в 1918 г. на развалинах многонациональной Австро-Венгерской империи Чехословацкая республика (ЧСР) сама, по сути, оказалась многонациональным государством. Согласно переписи 1930 г. на ее территории проживали 14 749 тыс. человек. Большинство населения страны составляли чехи – 7 428 тыс. (50,5%), и словаки – 2 295 тыс. человек (15,6%), вместе 66,1%. Второй по численности группой населения являлись немцы, которых было немногим менее четверти населения Чехословакии – 3 318 тыс. (22,5%) и которые, таким образом, лишь условно могли быть отнесены к национальному меньшинству. Кроме того, в ЧСР проживали 720 тыс. венгров (4,9%), 569 тыс. украинцев, русин, русских (3,9%), 205 тыс. евреев (1,4%), 100 тыс. поляков (0,7%), а также 33 тыс. цыган, 14 тыс. румын и т.д. [1. S. 523]. Чехи, словаки и украинцы (русины, русские) составляли компактное большинство населения соответственно на территории Чехии и Моравии, Словакии, Подкарпатской Руси. Немцы расселялись преимущественно в пограничных районах Чехии и Моравии, а в Судетской области на северо-западе страны представляли подавляющее большинство. По данным на 1936 г., в Чехословакии проживали уже более 4 млн немцев, что составляло около 30% ее населения [2. Оп. 128. Д. 49. Л. 170]. Венгры жили в южных частях Словакии и Подкарпатской Руси. Каждая из населявших ЧСР национальностей имела свой язык, культуру, традиции и с большей или меньшей настойчивостью пыталась сохранить их. Соседство районов, где проживали немцы и венгры, с их исторической родиной – Германией, Австрией, Венгрией – постоянно провоцировало более или менее сильные вспышки национализма под флагом борьбы за свои национальные права. Этому способствовало и то обстоятельство, что чехословацкие политические лидеры, сначала президент ЧСР Т.Г. Масарик, а затем сменивший его на этом посту Э. Бенеш, ставившие своей целью создание сильного демократического государства чехов и словаков, не были приверженцами выдвинутого после Первой мировой войны постулата о защите прав национальных меньшинств. Они полагали, что подобное требование в демократическом государстве может быть реализовано в рамках предоставленных представителям этих меньшинств гражданских прав и свобод. Оба президента считали, что национальный вопрос в Чехословакии имеет второстепенное значение и будет решен по мере углубления демократического характера государства. На самом же деле, как, думается, справедливо полагает чешский исследователь А. Климек, реализации полного гражданско-го равноправия немцев препятствовали не только языковые барьеры, но и “старо-

Марьяна Валентина Владимировна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ. Грант № 01-01-00280а.

новые противоречия, свары и подозрения”. На высших государственных должностях, в дипломатии, в вооруженных силах “немцы далеко не были представлены так, как это отвечало их численности” [3. С. 257]. Неравноправие немецкого языка в официальном делопроизводстве, более или менее скрытые попытки поощряемой центром “чехизации” немецкого населения не могли не вызвать его сопротивления.

Несоответствие национальных амбиций и государственной политики в национальном вопросе вело к нарастанию внутренней напряженности в стране, чем не преминули воспользоваться соседи Чехословакии – Германия, Венгрия и Польша, которые выдвинули лозунг защиты “братьев по крови” и возврата территорий, населенных немцами, венграми и поляками, в лоно их исторической родины. Надо сказать, что национальной политикой Праги были недовольны не только эти народы, но также словаки и жители Подкарпатской Руси, которые требовали предоставления им автономии. Национальный вопрос воистину являлся нервным узлом Чехословакии в межвоенные годы, хотя власти старались этого не замечать.

Положение особенно обострилось во второй половине 1930-х годов, когда страна только-только начала приходить в себя после потрясения ее экономического кризиса. Надо заметить, что от него весьма сильно пострадала Судетская область. В этих условиях ее население стало особенно восприимчиво к демагогическим лозунгам и обещаниям, обратившись к идеям тоталитаризма и критикуя недостатки демократии [4. С. 49]. Атаку на ослабевшую Чехословацкую республику начала гитлеровская Германия, которая, реализуя свои стратегические планы завоевания мирового господства и расширения “Lebensraum” (“жизненное пространство”), выдвинула цель уничтожить Чехословакию, присоединив наиболее развитую в промышленном отношении ее часть, Чешские земли, к третьему рейху. На полную мощь заработала гитлеровская пропагандистская машина, стремившаяся убедить мир, что немцы в ЧСР подвергаются невиданному угнетению и ущемляются в национальных правах. Полной поддержкой Берлину пользовалась Судето-немецкая партия во главе с К. Генлейном, который получал прямые указания Гитлера и других германских лидеров относительно своих действий. Политика Праги встречала понимание главным образом в чешском обществе; в районах с немецким населением, хотя и существовали силы, готовые сотрудничать с правительством, почти безраздельное влияние имели генлейновцы. На парламентских выборах 19 мая 1935 г. эта партия одержала внушительную победу, получив 44 мандата.

В Словакии действовала Немецкая партия во главе с пожизненно избранным фюрером Ф. Кармазином и организованная на принципах национал-социалистской партии Германии. В ней после образования самостоятельного Словацкого государства должны были состоять все немцы, достигшие 18 лет и представившие доказательства арийского происхождения до третьего колена. По данным руководства партии, в ее рядах на 1940 г. числились более 80 тыс. человек. Она имела свои особые вооруженные отряды, насчитывавшие 4 662 активных члена, молодежные и женские организации, объединявшие примерно по 20 тыс. человек каждая. Как считал советский дипломат С.А. Афанасьев, подготовивший в конце 1940 г. справку “Словацко-германские отношения”, партия являлась “значительной силой в политической жизни страны (Словакии. – В.М.)” [5. Ф. 1386. Оп. 2. П. 1. Д. 4. Л. 14–16]. Но до раздела Чехословакии влияние этой партии в Словакии было гораздо меньшим, чем влияние генлейновцев в Чешских землях.

15 марта 1938 г. Германия произвела аншлюс Австрии, объявив этот акт “семейным делом” немцев. Генлейновцы ликовали. Национальное самосознание судетских немцев поднялось, по выражению Бенеша, на “небывалую высоту” [6. С. 128]. Генлейн призвал проживавших в Чехословакии соплеменников в течение месяца вступить в Судето-немецкую партию. 24 апреля 1938 г. в Карловых Варах состоялся ее съезд. Он потребовал полного равноправия “немецкой национальной группы” с чешским народом, выделения “немецкой национальной территории”, т.е. фактичес-

ки предоставления широкой автономии для северо-западных районов страны, исправления экономической и национально-политической несправедливости, допущенной по отношению к немцам в 1918 г., признания за ними права исповедовать “немецкое мировоззрение” (т.е. нацизм). Генлейн заявил о необходимости принципиального пересмотра внешней политики ЧСР и ее переориентации на Германию. По словам Бенеша, “в Карловых Варах было поднято знамя мятежа против Чехословацкой республики” [6. S. 136–137]. Вслед за немцами об автономии заговорили также проживавшие в ЧСР венгры и поляки; словаки начали борьбу за нее значительно раньше, по существу с самого образования республики.

Досрочные муниципальные выборы, назначенные по требованию генлейновцев на май, характеризовались ими как пролог неминуемого аншлюса судето-немецких районов. Чешская общественность негодовала: 15 мая 1938 г. 300 представителей интеллигенции, объединившихся в петиционном комитете “Останемся верными”, выпустили с манифестом в защиту демократии и республики, который в течение короткого времени подписали около 1 млн человек. В защиту соплеменников выступила Германия: 19 мая в немецкой печати появились сообщения, что ее войска стягиваются к чехословацкой границе. Правительство ЧСР, проконсультировавшись предварительно с Англией и Францией, объявило частичную мобилизацию и направило армейские части для занятия пограничных укреплений. Запахло войной. Усилиями дипломатов конфликт на этот раз был урегулирован: Гитлер пока не готов был к открытым насильственным действиям.

Западные демократии, напуганные возможностью развязывания Гитлером войны, продолжили политику “умиротворения агрессора”, потребовали от Бенеша начать переговоры с Генлейном и пойти на уступки ему. Президент настаивал на том, что решение национального вопроса – внутреннее дело Чехословакии, но согласился в конце концов приступить к его обсуждению. Был разработан так называемый Национальный статут, одобренный 26 июля 1938 г. правительством. Он касался в основном вопросов о языке и самоуправлении. Наряду с государственным, немецкий, венгерский и польский языки должны были стать после издания соответствующих законов языками делопроизводства в тех районах, где ими пользовалось большинство населения. Что касается самоуправления, то это, по сути, был возврат к старому земскому самоуправлению времен Австро-Венгрии, предусматривавший расширение компетенций земских представительных органов (Чехия, Моравия, Словакия) и создание в них национальных курий. Именно в этом, как подчеркивалось в телеграммах, направленных из Праги чехословацким посольствам в Париже, Лондоне, Москве и Вашингтоне, “следует видеть главные уступки требованиям наших немцев” [6. S. 125]. Судето-немецкая партия подвергла статут жесткой критике, ее переговоры с правительством намеренно затягивались. По инициативе Англии и с согласия Франции Чехословакии была навязана “миротворческая” миссия лорда В. Ренсимена, который должен был содействовать достижению согласия между пражским правительством и Генлейном. Ренсимен, по сути, вынудил Прагу принять почти все карло-варские требования немцев. Но им уже этого было мало. Поощряемые Берлином генлейновцы в ночь с 12 на 13 сентября 1938 г. начали вооруженный путч, который, однако, был быстро подавлен. Судето-немецкая партия была распущена, Генлейн и его ближайшие сообщники бежали в Германию.

Гитлер готов был осуществить свою угрозу вооруженной защиты “братьев по крови”. Снова нависла угроза войны. “Мое терпение, что касается судето-немецкой проблемы, уже исчерпано”, – заявил Гитлер в речи 26 сентября 1938 г. Ни Англия, ни Франция не были готовы прийти на помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии. Якобы во имя “дела мира” они предпочли проигнорировать интересы этой страны и дали принципиальное согласие Гитлеру на прямую аннексию Германией чехословацких пограничных районов, населенных преимущественно немцами. Прага, по существу, была поставлена перед ультиматумом; ее мнение уже никто не интересовался. Собравшись в Мюнхене 29–30 сентября 1938 г., Гитлер, Муссолини,

Чемберлен и Даладье подписали соглашение, в соответствии с которым пограничные районы Чехословакии с немецким населением до 10 октября должны были быть переданы Германии, а в районах со смешанным населением в ноябре проведен плебисцит. Бенеш в своих воспоминаниях приводит такие цифры: на территориях, которые сразу и безусловно должны были отойти к Германии проживали 820 тыс. чехов; 450 населенных пунктов имели чисто чешский характер; на так называемых смешанных территориях проживали 1 116 тыс. чехов и только 144 тыс. немцев [6. S. 291]. Части вермахта оккупировали все эти территории в начале октября, плебисцита не был проведен. Одновременно польские войска заняли Тешинскую область. В ноябре на основании третейского решения министров иностранных дел Германии и Италии (так называемый первый Венский арбитраж) к Венгрии отошли южные и юго-восточные части Словакии, а также южная часть Подкарпатской Руси, где венгры составляли большинство населения. Территория Чехословакии с конца 1937 г. до конца 1938 г. сократилась со 140 до 98 тыс. кв. км, а население – с 15 182 тыс. до 10 627 тыс. человек, т.е. приблизительно на треть. При этом Германия получила примерно 30 тыс. кв. км., Венгрия – около 12 тыс. кв. км, а Польша – немногим более тысячи кв. км. [1. S. 519]. Вместе с тем ЧСР лишилась свыше 40% промышленности, значительной части сырьевых и топливных ресурсов, важнейших шоссежных, железнодорожных и водных коммуникаций, а также мощных оборонительных сооружений на границах. Страна оказалась практически нежизнеспособной. Гитлер при попустительстве, если не сказать поддержке, Англии и Франции, сделал первый шаг к ее ликвидации.

Чехо-Словакия – так она стала называться – оказалась ввергнутой в состояние глубочайшего политического и морально-психологического кризиса. Чехословацкое общество – особенно чехи – было потрясено предательством своих западных союзников, Англии и Франции, что окончательно утвердило впоследствии Бенеша в необходимости корректировки внешней политики страны по прагматической формуле “50% – на Запад, 50% – на Восток”. В неменьшей степени чехи были потрясены предательством немецкого населения пограничных районов страны, большая часть которого, охваченная националистическим угаром и верой в “светлое будущее” под эгидой третьего рейха, приветствовала случившееся. Те же, кому не по душе оказались нацистские порядки, – чехи, словаки, евреи, цыгане, а также антифашисты, коммунисты и прочие “неполноценные” и несогласные, – были либо арестованы и заточены в тюрьмы, либо самыми варварскими способами изгнаны с мест своего длительного проживания, лишены недвижимого и значительной части движимого имущества. Все это, а также последовавшие затем в марте 1939 г. расчленение Чехо-Словакии и оккупация чешских земель оставили глубокий след в национальном сознании чехов и словаков, и прежде всего того поколения, которое явилось свидетелем случившегося и испытало огромный психологический шок. Вина “чехословацких” немцев в происшедшем представлялась неоспоримой, и это, естественно, сказало на их дальнейшей судьбе.

И в оккупированных Чешских землях, получивших название Протекторат Богемия и Моравия, и в Словацкой республике по сведениям, приводимым советскими дипломатами, в конце 1940 г. проживало немногим менее 5% немцев. На территории Протектората с населением 6 795 247 человек они составляли 4,6%, т. е. примерно 300 тыс. человек. Немцы проживали компактно в районах Чешске Будейовице (52% населения), Йиглава (50–80%), Брно (50–65%), Оломоуц (50–65%), Ростенице (около 90%) [5. Ф. 1386. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 62–63]. В Словакии по переписи конца 1938 г. значились 128 547 немцев (4,83% всего населения). По сведениям Немецкой партии Кармазина, их количество в 1940 г. составляло 150 тыс. человек. Примерно треть всех “словацких” немцев проживали в Братиславе (27 тыс.) и в деревнях Братиславской жупы. Остальные – в районах Кремница, Приевидза, Турчанский Св. Мартин, Кежмарок, Левоча, Гельница [5. Ф. 1386. Оп. 2. П. 1. Д. 4. Л. 12–13]. И в Протекторате, включенном в состав третьего рейха, и в Словакии, фактически контролируемой

Германией, немцы ощущали себя привилегированной нацией и вели себя в соответствии с этим.

Бенеш, после Мюнхена подавший в отставку с поста президента, эмигрировал сначала в Англию, а затем уехал в Америку, где читал лекции в ряде университетов. Окончательное расчленение Чехо-Словакии в марте 1939 г. заставило его снова активно включиться в политику и возглавить за границей борьбу за восстановление страны в домюнхенских границах. В июле 1939 г. Бенеш вернулся в Европу и обосновался в Лондоне, поддерживая тесные связи с родиной и возникшим там движением Сопротивления. Судя по известным ныне документам, именно в оккупированной стране родилась идея о выселении немцев из восстановленной после войны Чехословакии. Толчком к ее появлению, скорее всего, было следующее: во-первых, стало известно о мнении Бенеша, высказанном им в частной беседе в январе 1939 г., о том, что возможен отказ от некоторых пограничных чехословацких территорий в целях снижения численности немцев в ЧСР примерно на 1 400 тыс. человек; во-вторых, летом 1939 г. началось добровольное переселение “чехословацких” немцев в Германию; в-третьих, 23 июня 1939 г. между Германией и Италией было подписано соглашение о добровольном переселении немцев Южного Тироля на их историческую родину. После оккупации Польши Гитлер сам полагал, что переселение немцев из восточных и юго-восточных областей Европы относится к задачам “дальновидной организации европейской жизни” [7. S. 14, 19, 21, 23]. Таким образом, идея, что называется, носилась в воздухе. Надо было лишь перенести ее на “чехословацкую почву”, соответственно продумав специфику и детали.

Но еще в конце августа 1939 г. Бенеш считал, что “хотя идеальным было бы национально единое государство, не удастся сделать так, чтобы какие-либо немцы не остались в республике”, поэтому им необходимо подготовиться “к дальнейшему сосуществованию с чехами” в ней. “Мы вообще им ничего не обещаем, – говорилось в его послании на родину, – только то, что не будем плохо относиться к тем, кто останется в республике, и что хотим, чтобы все в республике было лучше, чем в старой, то есть и отношение к немцам” [7. S. 20]. Стратегическая задача – восстановление после войны Чехословакии – была намечена, и сторонники Бенеша в оккупированной стране строили планы ее будущей организации. В частности, в Лондоне был получен меморандум об обмене населением, подготовленный в августе 1939 г. профессором З. Пешкой, который возглавлял юридическую комиссию нелегальной организации – “Политический центр”. Остановимся на документе подробнее, поскольку он отражал настроения, довольно широко распространенные тогда в Праге. “Опыт послевоенных лет (имелась в виду Первая мировая война. – *В.М.*) свидетельствует, что одним из способов решения вопроса о (национальных. – *В.М.*) меньшинствах является принудительное переселение или обмен населением”, – говорилось в меморандуме. Мотивация такого рода решения вопроса для Чехословакии сводилась к следующему: 1. “Чехословакия любой ценой должна избавиться от тех, кто оказался ненадежным и кто даже содействовал ликвидации ЧСР”. 2. “Большая часть немцев была готова в любое время стать орудием и слепым экспонентом политики германской империи, не взирая на интересы нашего государства и даже не взирая на свои собственные интересы”. 3. “Многие немцы извлекли значительную пользу из ситуации 15 марта 1939 г. и получили личные, по большей части материальные, выгоды. Однако они будут лишены этих выгод и понесут наказание. Если они останутся в стране, то станут постоянно недовольным элементом, который будет непрестанно упрекать государство в своем “обнищании”». 4. “Немецкий элемент, особенно буржуазия в Чехии, из-за своей ограниченности, надменности и намеренного ограждения от чешского влияния, покончил со своей исторической ролью связующего звена и посредника обеих культур и стал препятствием чешско-немецкого сближения. Интересы доброго сосуществования обоих народов и государств требуют, чтобы указанный элемент был, насколько это возможно, сокращен”. 5. “Германия непрестанным подстрекательством привела немецких граждан ЧСР к ситуации, в которой они

никогда не оказались бы, будучи предоставлены сами себе. Таким образом, Германия несет тяжелую моральную ответственность за этих людей и обязана в новых условиях о них позаботиться”.

Что касается размеров переселения, то предусматривалось несколько вариантов. Самым радикальным решением было бы выселение из Чехии всего немецкого населения, но в домюнхенских границах оно мало осуществимо, поскольку “переселение примерно трех миллионов лиц в центрально-европейских условиях является чересчур большим. За ним скрывается опасность и для нас: сделать безлюдными наши земли и полностью забросить некоторые края, потерять потребителя, рабочую силу, и тем самым обеднеть. Кроме того, значительное число немцев выступало за ЧСР, и многие из тех, кто вследствие этого эмигрировали, рассчитывают вернуться в свободную ЧСР. Поэтому интегральное осуществление этой возможности, нельзя рекомендовать”. Другой вариант предусматривал избавление от всех лиц, которые не могли доказать, что активно помогали сохранению Чехословакии. Третий вариант сводился к выселению тех, кто участвовал в ликвидации ЧСР. Автор меморандума склонялся к поддержке второго предложения. Рассматривались и пути решения проблемы. Первый – принятие чехословацких законов о выселении соответствующих лиц в одностороннем порядке. Второй – взаимная договоренность об этом с Германией без участия других государств. Третий – вынесение этого требования на европейскую или мировую конференцию, и обеспечение великими державами или Лигой Наций гарантий его выполнения. Этот последний представлялся Пешке наиболее предпочтительным.

Предполагалось, что выселяемые немцы будут лишены всего недвижимого и части движимого имущества, за которое они получают от чехословацкого правительства соответствующие бонусы, оплачиваемые впоследствии германскими властями в счет частичного возмещения причиненного Чехословакии ущерба. Оставшееся на чехословацкой территории имущество намечалось использовать для последующей передачи чешским переселенцам. Выводы гласили: 1. Пограничные области, если там останутся немцы, должны в национальном отношении иметь “сильно смешанный” характер; туда следует переселить как можно больше чехов, создав хорошие условия их существования. 2. Небольшие “немецкие островки” внутри государства должны исчезнуть (Прага, Брно, Оломоуц, немецкое меньшинство в Словакии и т.д.) [7. S. 21–23]. Думается, что это был наиболее продуманный и детально разработанный проект решения проблемы, многие принципиальные положения которого затем были использованы в чехословацких предложениях международному сообществу.

Между тем в чешских землях, население которых непосредственно испытывало на себе последствия германской оккупационной политики и имело возможность оценить на практике поведение “чехословацких немцев”, продолжался рост радикальных настроений, касающихся судьбы “немецкого элемента” в будущей освобожденной ЧСР. Об этом свидетельствует, в частности, письмо одного из членов “Политического центра”, полученное в Лондоне в ноябре 1939 г. Указывая на усиление подобных настроений, автор подчеркивал, что и расплата будет им соответствовать, что “месть будет ужасной” и что тот, кто выступил бы против подобной расплаты и “говорил бы о демократии, гуманности или оглядывался на то, что скажет за граница”, был бы немедленно сметен разъяренным народом. “Народ сегодня живет лишь надеждой на месть, – говорилось в письме, – и не позволит ее у себя отобрать, свои старые счета он должен свести, и какое-либо менторство в этом плане лишь подлило бы масла в огонь!” [7. S. 34–35].

Бенеш, авторитет которого в оккупированной стране после того, как он возглавил за границей движение Сопротивления, необыкновенно возрос, не мог не считаться с подобными взглядами. Это требовалось и в интересах поддержания репутации экс-президента на родине. Вместе с тем Бенеш как искушенный дипломат и политик, понимал, что без поддержки мирового общественного мнения реализовать

идею выселения немцев будет невозможно. Возникла необходимость убедить Запад в правильности такого решения. И тут, как всегда, Бенеш был осмотрителен и острожен. Первый “пробный камень” был пущен на лекции, прочитанной им в Royal Empire Society в январе 1940 г. Речь, по сути, шла о восстановлении Чехословакии в домюнхенских границах, включая Судето-немецкую область, с возможностью их незначительной корректировки [8. D. 1. S. 67, 69]. Далее, 9 марта 1940 г., последовала лекция в оксфордском филиале Института международных отношений, где Бенеш заявил, что послевоенная ЧСР “в любом случае будет иметь в своих границах определенное число немцев”, “поскольку нельзя выселить 3,5 миллиона немцев”. Однако при корректировке границ вместе с отошедшими к Германии территориями Чехословацкую республику должно покинуть “как можно большее число немцев”. Путем внутреннего переселения намечалось “ликвидировать все языковые островки, обеспечить, чтобы стратегически важные районы, особенно в северо-восточной Моравии, были чешскими”, немцы же “сосредоточенные в определенных областях, преимущественно на западе и севере чешских земель”, могли получить функции местного самоуправления [8. D. 1. S. 83–84]. Примерно в таком же плане ставился этот вопрос и в меморандуме “Чехословакия после войны”, подготовленном Бенешем для заместителя государственного секретаря США С. Уэллеса, совершавшего в марте 1940 г. поездку по некоторым европейским странам [7. S. 46–48].

В это же время проблема положения немцев в возрожденной Чехословакии активно обсуждалась в кругах чехословацкой эмиграции в Лондоне. Большинство участников дискуссии понимали, что немецкое меньшинство непременно останется в ЧСР и что с ним необходимо будет договариваться. Однако мысль о создании национальных немецких районов и предоставлении им автономии не находила большого числа сторонников. Значительная часть судето-немецких социал-демократов во главе с В. Якшем (примерно 1000–1200 человек), высказываясь за борьбу против нацизма, за восстановление ЧСР в домюнхенских границах, за сотрудничество в этих вопросах с Бенешем, вместе с тем выдвигала определенные условия касательно положения немцев в освобожденной стране, в первую очередь создание национальной немецкой автономии. Бенеш был весьма осторожен в своих отношениях с Якшем: он не хотел отказываться от сотрудничества с ним, но и не давал никаких конкретных обещаний, хотя время от времени и обозначал некоторые туманные перспективы, например, предоставление немцам “кантонов” в рамках возможной центральной-европейской федерации – Польша, Венгрия, Чехословакия, Румыния, Югославия [7. S. 66]. Вопрос об отношении верхов чехословацкой эмиграции, а с лета 1940 г. Временного правительства Чехословакии, признанного Великобританией, к судето-немецким социал-демократам постоянно привлекал общественное внимание в Лондоне¹.

Меж тем в Лондон продолжала поступать информация о настроениях в оккупированной стране с характерными мотивами расплаты с немцами за содеянное ими. В конце ноября 1940 г. Бенеш направил своим сторонникам на родине радиопеши, в которой еще раз подробно изложил собственные представления о решении немецкого вопроса, настаивая на необходимости единого подхода к нему сил внутреннего и заграничного Сопротивления. “Необходимо иметь свою программу, продиктованную не оправданными чувствами расплаты и ненависти к немцам, а постоянными интересами народа и государства”, – говорилось в депеше. “Мы не должны питать нереальных надежд на то, что можно будет ликвидировать или уничтожить три миллиона немцев, как некоторые у нас наивно думают”, – считал Бенеш. Но он полагал,

¹ Об этом свидетельствуют, в частности, опубликованные ныне документы. О программе группы Якша, о расколе в ее рядах, о переговорах с Бенешем и другими деятелями чехословацкой эмиграции в Лондоне, о возникших в связи с этим в 1939–1941 гг. планах решения немецкого вопроса в будущей ЧСР см. подробнее: [7. S. 11–13, 19, 24–27, 28–45, 49–77, 82–83, 99–102].

что можно и нужно рассчитывать на выселение или изгнание сотен тысяч скомпрометировавших себя немецких нацистов, а также переселение из внутренних районов страны в три выделенные для этого жупы или же в Австрию и Германию еще сотен тысяч немцев. Однако ему представлялось, что это переселение может коснуться только немногим более 1 млн немцев. “Мы обсуждаем вопрос с англичанами, имея в руках карту мюнхенских границ. Мюнхенская несправедливость и плачевный крах мюнхенского соглашения убеждают их, что эта программа в принципе правильна”, – писал Бенеш. Президент предлагал смотреть на вещи реально и признать, что немцы в будущей республике останутся. “Игнорировать таким образом проблему немцев у нас было бы принципиальной ошибкой, особенно здесь.... Первым вопросом каждого политически влиятельного англичанина, поставленным перед нами, всегда является: что вы собираетесь делать с вашими немцами? А как только позднее в этот вопрос вмешаются американцы, это будет еще сложнее.... Нельзя забывать, что наряду с вопросом о Гданьске и Восточной Пруссии вопрос о наших немцах будет вообще самым трудным и для послевоенного урегулирования. Поэтому я здесь с немцами с самого начала вел и постоянно веду переговоры. Я ничего не обещаю и не буду обещать от имени народа.... Может, однако, так случиться, что события принудят нас здесь высказаться в вопросе о чешских немцах более определенно и достаточно скоро”, – говорилось в депеше [9. S. 86–88].

Сторонники Бенеша на родине, подчеркивая его мудрость и государственный подход к решению вопроса, все же находили необходимым считаться с настроениями в стране. “Политики поняли бы создание трех немецких жуп, но народ никогда”, – значилось в одном из полученных в Лондоне в декабре 1940 г. сообщений. Рекомендовалось отказаться от переговоров с немецкими эмигрантами, ибо это могло бы привести “к невозможности Вашего (Бенеша. – *В.М.*) возвращения (на родину. – *В.М.*)”. Указывалось также на необходимость готовить английское правительство к пониманию того, что регулировать настроение народа “будет очень трудно, если не невозможно”. Но, впрочем, принцип “как можно больше немцев вон, а с оставшимися – приличное обхождение”, поддерживался и “дома” [7. S. 79, 82]. Политический советник Бенеша П. Дртина, реагируя на эту информацию, писал на родину 9 декабря 1940 г.: “Я сам вас всех хорошо понимаю. Вспоминаю, как я был удивлен здешним беспокойством о Якше и немцах, когда я приехал из страны. Но мотивы президента вам сегодня известны, и факт, что три миллиона немцев мы не сможем ни изгнать, ни ликвидировать. Большинство их останется, и с ними что-то надо будет делать. Нас только семь миллионов против семидесяти миллионов немцев, но они также не могут нас уничтожить. Это, однако, не означает, что наш народ должен отказаться от расплаты в данный момент. Нам всем тут ясно, что в этом ему не должно чиниться препятствий. И Навратил (Бенеш. – *В.М.*) это признает. Но все же должно быть разумное решение. От Вас дома, однако, будет зависеть, чтобы немцы были отгеснены и выжаты как можно больше и как можно дальше. ... Ведь каждому должно быть ясно, что подобная радикальная политика не может проводиться за границей, что за границей необходимо учитывать общую международную ситуацию” [7. S. 80].

Бенеш же, хотя и продолжал переговоры с Якшем, все же полагал, что “чем дальше пойдет война, тем меньше люди будут немцами из Судет заниматься. Сегодня уже каждому ясно, что для Гитлера речь не шла о наших немцах, но совершенно о другом” [8. D. 1. S. 174]. В меморандуме о чехословацких целях на период мира, подготовленном для английского правительства в феврале 1941 г., Бенеш достаточно подробно изложил свой взгляд на проблему национальных меньшинств в Центральной Европе. Его вывод сводился к тому, что она должна быть решена “окончательно и радикально”, что тут никакая половинчатость “не будет оправдана”. Бенеш считал, что система защиты национальных меньшинств, утвержденная Версальскими договорами, не может быть даже при контроле Лиги Наций реализована с такой степенью последовательности и честности, чтобы воспрепятствовать в будущем новым межгосударственным конфликтам. В связи с этим он считал необходимым про-

вести “перемещение населения” примерно по тому же принципу, который был принят нацистской Германией в отношении немецкого меньшинства в Италии, в Советском Союзе и в балтийских государствах. Вследствие этого, по его мнению, все национальные разногласия были бы упрощены, а в Чехословакии, например, были бы созданы “четко очерченные области немецкие, чехословацкие, венгерские и русинские”. При этом все территории со смешанным населением должны были бы “и юридически, и политически” вообще исчезнуть. Бенеш полагал, что лица одной национальности могли бы селиться на территории проживания другой национальности, но меньшинства в таком случае не имели бы никаких особых прав, как это было до сих пор: “Полными гражданскими и национальными правами они пользовались бы только на своей национальной территории, как, например, в Швейцарии” [7. S. 90–91]. Надо сказать, что с выделением чисто немецких жуп в восстановленной ЧСР были не согласны не только сторонники Бенеша “дома”, но и часть его лондонского окружения [7. S. 107]. Президент же, который в это время добивался официального признания эмигрантского правительства Англией (неофициального, по его словам, он уже добился – домюнхенских границ ЧСР), видимо, полагал, что предложенная им постановка вопроса о положении немцев в будущей Чехословакии окажется более приемлемой для английского правительства и английского общественного мнения, по крайней мере, в тот конкретный момент.

Международная обстановка изменилась после нападения гитлеровской Германии на СССР и его вступления во Вторую мировую войну. Чехословацкое эмигрантское правительство было признано не только Англией, но также СССР и США. З. Фирлингера снова занял пост посла ЧСР в Москве. Вопрос о будущих чехословацких границах и “чешских” немцах решался уже в новых условиях, когда голос и позиция Советского Союза приобретали, чем дальше, тем больший вес. 28 августа 1941 г. во время встречи с советским послом в Лондоне И.М. Майским Бенеш среди прочих поставил также вопрос о Судетской области, которую Чехословакия хотела бы вернуть даже если Германия после войны станет социалистической, и о судетских немцах. Майский поинтересовался, не желательнее ли было бы избавиться от этого населения, и Бенеш ответил: “Да, мы хотели бы от него избавиться. Я – за трансфер населения, мы хотели бы от него избавиться, и вы нам в этом должны помочь. Он (Майский. – *В.М.*) сказал, что вопрос обдумает, и что мы об этом снова поговорим” [10. S. 234].

Очевидно, определенное влияние на решение вопроса о дальнейшей судьбе немецкого населения в послевоенной Чехословакии оказала политика в отношении “советских” немцев, которую в 1940–1941 гг. проводила Москва. После присоединения к СССР в 1939 г. Западной Украины и Западной Белоруссии, а в 1940 г. – Латвии, Литвы, Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины численность немецкого населения в СССР возросла. По договоренности с Берлином, который продолжал собирать немцев “под свое крыло”, в августе 1940 г. с присоединенных к СССР территорий было начато их переселение в Германию: 76857 немцев уехали из Латвии и Эстонии, 51049 – из Литвы, 136 463 – из бывших восточных районов Польши, 93329 – из Бессарабии, 95770 – из Буковины [11. S. 142]. После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз началось насильственное переселение “советских” немцев из мест их длительного проживания в отдаленные, восточные, области СССР. 12 августа 1941 г. ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР приняли решение о выселении немцев из района Поволжья, где с 1924 г. в составе РСФСР существовала Автономная советская социалистическая республика немцев Поволжья. Декрет о ее ликвидации был издан Президиумом Верховного Совета СССР 7 сентября 1941 г. На основании этого декрета были переселены до конца сентября 1941 г. 446 480 поволжских немцев. Еще до этого началось выселение немцев из Крыма и из предместий Ленинграда, а затем – из всех мест их проживания на европейской территории РСФСР и из Закавказья. Всего свои жилища вынужденно покинули около 800 тыс. немцев [11. S. 142–143].

Естественно, все эти цифры и подробности стали известны лишь в последнее время, но слухи о политике Москвы в отношении “советских” немцев проникали на Запад и не могли не оказывать влияния на формирование взглядов, касающихся судьбы немецкого меньшинства в странах послевоенной Европы. Надо сказать, что в тех конкретных условиях советская политика в этом вопросе не выглядела чем-то странным и не вызвала массового осуждения в странах, воюющих против гитлеровской Германии. Наоборот, она воспринималась по большей части как должное и становилась неким образцом для подражания, хотя “официальный” Запад не спешил высказывать свое мнение относительно судьбы немецкого меньшинства в послевоенной Европе, поскольку это могло быть связано с пересмотром вопроса о границах. Что касается Москвы, то ее позиция в отношении послевоенных границ Чехословакии была более определенной. Во время встречи с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом в декабре 1941 г. И.В. Сталин, по словам советника советского посольства в Лондоне К.В. Новикова, подчеркнул, что Советский Союз “желает сильной Чехословакии, в ее домюнхенских границах, включающих также и так называемую Судетскую область” [10. S. 277].

Со вступлением в войну СССР активизировалось движение Сопrotивления в Чешских землях, и усилились радикальные настроения, касающиеся решения суде-то-немецкой проблемы. Об этом, в частности, свидетельствовало сообщение из “дома”, полученное в Лондоне в конце августа 1941 г.: “Взгляд на решение судетского вопроса в общем укрепился и радикализировался. Согласно общему убеждению людей, ЧСР должна быть восстановлена в исторических границах и немцы изгнаны. Однако мы осознаем международный аспект решения внутренних проблем и исправления границ. В соответствии с нашей программой мероприятия, касающиеся немцев, будут проводиться в рамках наказания виновников и изменников, исправления несправедливостей, возмещения ущерба и социально-экономических реформ, и ни в коем случае не как репрессии национального характера. Сокращение числа немцев у нас необходимо, обмен населением желателен, но без территориальных потерь” [7. S. 112–113].

Бенеш, много общавшийся с западными политиками, видел проблему выселения немцев из Чехословакии во всей ее сложности. Будучи сторонником решительных мер в отношении немецкого меньшинства, он, тем не менее, старался предостеречь от излишнего радикализма своих единомышленников на родине. В ответном послании им от 6 сентября 1941 г. Бенеш писал, что по вопросам мирного урегулирования и границ могут возникнуть существенные разногласия и споры, в том числе и между нынешними союзниками: “Поэтому рассуждения о том, что все просто, что все то, что мы имели, мы получим без труда обратно, что Германия потерпит окончательное поражение, а наши немцы просто будут изгнаны, могли бы привести нас к большому разочарованию. Поэтому я предостерегаю от всех иллюзий. Ведь и Майский мне заявил, что Россия определенно будет отстаивать принцип самоопределения”. С этой точки зрения Бенеш рекомендовал рассматривать и “наш судетский вопрос”. Отмечая, что “взгляды дома весьма радикальны: сохранить старую (домюнхенскую. – В.М.) границу и изгнать либо переселить всех немцев из республики”, президент писал: “Я не имею ничего против этой радикальной программы. Наоборот, я постоянно размышляю о том, как бы ее осуществить и обеспечить здесь всесторонне, какие только есть возможности такого решения. Но каждый ответственный политик должен в интересах народа и государства поставить вопрос: что и как он должен делать в случае, если эту максимальную программу осуществить не удастся”. И далее Бенеш развивал свою мысль: “Число немцев у нас должно быть, безусловно, сокращено не менее, чем на миллион. Это должно быть нашей *минимальной* программой. Это означает, таким образом, иметь две программы: 1) *максимальную*: сохранение исторических границ при выселении всех немцев; 2) *минимальную*: избавление, *по крайней мере*, от миллиона немцев любой ценой, т.е. насколько возможно с сохранением старых границ, но, возможно, и ценой меньших и для нас приемлемых террито-

риальных уступок”. Президент соглашался с мнением и о том, в каких формах должны быть проведены мероприятия, касающиеся “чехословацких” немцев, а именно: “в рамках наказания виновных за Мюнхен, за 15 марта и за войну, а также за зверства, совершенные в Чехословакии, далее, в рамках наказания немецких, словацких и чешских предателей, в рамках возмещения убытков и социально-экономических реформ” [9. S. 117–120].

Таким образом, общее видение проблемы было налицо. Оставалось склонить к необходимости такого решения мировое общественное мнение и заручиться поддержкой населения Чехословакии, не потеряв при этом авторитет. Задача была не из легких. Бенеш отлично понимал ситуацию и проявлял осторожность. В депеше на родину 8 сентября 1941 г. он снова повторил все сказанное им в предыдущем послании, подчеркнув также необходимость, возможно временную, сотрудничать с представителями судетских немцев на “лондонской” почве [7. S. 116]. Однако, “дома” подобное сотрудничество вызывало решительный протест и грозило, по мнению сторонников Бенеша, падением там авторитета чехословацкого правительства [7. S. 119–120]. Такое мнение разделяли и чехословацкие военные круги в Англии, ссылаясь при этом на то, что, например, ни поляки, ни русские не говорят “о сотрудничестве с немцами”: “Сообщение об эвакуации немецкой колонии из Поволжья показывает солдатам, как русские представляют себе решение немецкого вопроса”. Министерство национальной обороны утверждало: “Командиры частей того мнения, что включение немцев в правительство, Государственный совет и допущение в армию привели бы к расколу армии, от 80 до 90% чехов ушли бы или бы организовали оппозиционные правительству и центральному руководству группы” [7. S. 121]. Тем не менее, опасаясь негативной реакции английского общественного мнения на отказ от сотрудничества с Якшем, Бенеш продолжал осторожное общение с ним. 5 ноября в состав Государственного совета был введен как представитель судетских немцев коммунист К. Крейбих. Одновременно президент начал ставить вопрос о будущем “чехословацких” немцев перед официальными английскими лицами. В частности, 13 ноября 1941 г. Бенеш говорил об этом с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. Упомянув о судетских немцах, президент “весьма решительно заявил, что мы не можем в целом иметь иную границу, чем старую естественную границу. Мюнхенская граница абсолютно невозможна. Однако это означает, что в Чехословакии снова будут немцы, но мы хотим сделать так, чтобы их было не более полутора миллионов. Президент дал понять, что этого можно достичь комбинацией исправления границ и трансфера, т.е. обмена населением между странами на основе международного соглашения. При этом он прямо заявил, что все активные генлейновцы и нацисты должны покинуть страну ... Хотя Иден открыто не высказался, было ясно, что с основными мыслями Бенеша он согласен” [7. S. 132].

Примерно в то же время, 8 ноября, государственный министр чехословацкого правительства Г. Рипка отправил циркулярную депешу чехословацким дипломатическим представительствам, разъяснявшую позиции правительства по некоторым актуальным вопросам, в том числе и по вопросу о судетских немцах. “Мы не можем избавиться от них всех, – говорилось в депеше, – это просто физически невозможно, поэтому ограничиться разговорами о том, что мы их выжнем (так в тексте. – В.М.), является ребячеством. Мы можем лишь стремиться к как можно большему сокращению их числа на территории нашего будущего государства. Единственным путем к этому может быть трансфер населения, идея которого понемногу здесь также пробивает себе дорогу и которую следует постоянно подчеркивать”. Рипка указывал на то, что следует дифференцированно подходить к немецкому населению и ограничить трансфер лишь самыми опасными и непримиримыми лицами, и в первую очередь “кадрами генлейновцев, слоями интеллектуалов и теми слоями, в которых идея пангерманизма всегда была особенно живуча”. Министр указывал на необходимость разумного и реалистического подхода к решению проблемы и предостерегал от то-

го, чтобы создавать программы, которые не имеют шанса “на поддержку ни здесь, ни в Америке, ни в России” [7. S. 136].

Победа советских войск под Москвой в декабре 1941 г., встреча тогда же Идена со Сталиным в Москве и укрепление советско-английского сотрудничества породили у Бенеша, и не только у него, иллюзии о возможности скорого окончания войны в результате разгрома Германии. Отсюда логически следовал вывод о необходимости форсировать решение вопросов, касавшихся будущего Чехословакии, ее границ и судьбы проживавших в ней немцев. Эти вопросы обсуждались на состоявшемся 22 декабря заседании правительства, на котором Бенеш уже не упоминал ни об автономии, ни об организации особых жуп для судетских немцев [7. S. 146]. В начале января 1942 г. на встрече с Якшем Бенеш заявил, что “трансфер является требованием нашей политики”, но “мы не хотим выгонять тех, кто был верен республике, а это – социалистические и коммунистические рабочие, которых представляет Якш и другие социалисты или коммунисты”. Однако вся та буржуазия, среднее сословие и интеллигенция, которые были не только против чехов, но и против социалистов, должны уйти прочь. “Это требование определенно касается судетских немцев в целом, но не нанесет вреда социалистам”, – сказал президент [7. S. 146].

Бенеш активизировал свою деятельность по выяснению позиций Англии относительно границ будущей Чехословакии. На встрече с английским послом при чехословацком правительстве в Лондоне Ф. Николсом 9 января 1942 г. Рипка заявил, например, что вопрос о возможных территориальных уступках со стороны Чехословакии может быть решен лишь в обмен на гарантию трансфера немцев. Англичане в вопросе о границах были очень осторожны. Бенеш пытался давить, сказав, что, если они будут упорствовать в своей позиции, то ему “достаточно договориться о границах и о немцах с русскими, и он убежден, что эти переговоры с русскими не будут представлять особых трудностей” [7. S. 147–149].

Упоминание о “русских” вовсе неслучайно. Бенешу, конечно же, было известно о переговорах между Москвой и Лондоном относительно подписания союзнического советско-английского договора. Он и сам начал подумывать о посещении Москвы, о чем впервые заговорил Рипка во время беседы с послом СССР при союзных правительствах в Лондоне А.Е. Богомоловым в январе 1942 г. Затем об этом же 5 февраля говорил с советским послом и сам Бенеш, который среди вопросов, намеченных им для обсуждения в Москве, назвал и “урегулирование вопроса о судетских немцах” [5. Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 8]. Надо сказать, что за две недели до этой встречи, 21 января 1942 г., президент и Рипка были приглашены на обед к Идену, во время которого, помимо прочего, речь велась также о вопросах будущих чехословацких границ и решении судьбы “чехословацких” немцев. Бенеш, в частности, подчеркнул, что по этим вопросам следует договориться как можно скорее, поскольку “не исключено, что с Германией будет покончено уже к концу этого года”. Он заявил, что признание Англией Мюнхенских соглашений недействительными является недостаточным, и что он хотел бы видеть позицию Лондона по вопросу о границах будущей Чехословакии более определенной, поскольку “русские признали нас безоговорочно”. Настаивая на признании домюнхенских границ ЧСР, Бенеш вместе с тем полагал, что число немцев в ней должно быть сокращено, и что “война предоставляет для этого случай”. Он готов был поступиться некоторыми в прошлом населенными немцами территориями при условии согласия Англии на трансфер немецкого населения, который может быть осуществлен из расчета: за одного немца с уступленных территорий – два немца с остальной территории. При этом, как предполагал Бенеш, в республике осталось бы примерно около одного миллиона немцев, которые наравне со всеми остальными жителями имели бы равные гражданские права, но никак не права меньшинства. Президент полагал также, что в качестве компенсации за уступленные ЧСР территории она должна получить некоторые земли в районах Кладско и Ратиборск. Иден отверг возможность в данный момент гарантий со стороны Англии относительно будущих границ какого-либо государства, в том числе и Чехосло-

вакии [7. S. 149–151]. Беседа в сокращенном виде опубликована в [12. С. 186–187]. Однако фраза – “президент пространно изложил Идену вопрос о границах и решении германской проблемы” – переведена на русский язык неправильно. На самом деле речь шла о решении “немецкой проблемы”, что подразумевало, как следует из всего хода беседы, решение вопроса о судьбе немцев в Чехословакии.

Через несколько дней после встречи с Иденом Бенеш письменно изложил свои представления, касающиеся решения вопроса о границах и выселении немцев из Чехословакии. Покинуть ее должны были все лица германского подданства, те, кто служил в германской армии, в войсках СС и в гестапо, кто был активным членом партии Генлейна и занимал в ней ответственные посты, а также все те, “кто после Мюнхена и до конца войны особенно провинились перед чешским народом”. Демократическая Чехословакия готова была, по словам Бенеша, гарантировать всем оставшимся гражданам, в том числе и немцам, общечеловеческие и гражданские права, однако “международной защиты меньшинств в форме межгосударственных договоров” не предполагалось. Они, как считал президент, “не оправдали себя”. Всем тем, кто не захотел бы принять эти новые правила, можно было бы гарантировать спокойный трансфер в форме какого-либо международного соглашения [7. S. 152–153].

Одновременно сторонники подобного плана рассуждали о возможных положительных и отрицательных последствиях его реализации для Чехословакии. Об этом свидетельствует, в частности, аналитический материал сотрудника Министерства иностранных дел чехословацкого правительства Ф. Черного, подготовленный в январе 1942 г. Указывалось на проблему сокращения налогов в связи с временной остановкой различных предприятий. Поэтому, считал автор, чехословацкое правительство должно заботиться о том, чтобы места выселенных как можно быстрее “занял чехословацкий элемент”, и все предприятия начали снова работать. В целом уход немцев, по мнению Черного, “будет означать для государственного бюджета определенное уменьшение доходов”. С другой стороны, полагал он, трансфером будет сокращена и, возможно, вообще устранена безработица, что имеет очень большое значение для жизни страны: “все безработные смогут занять места, освобожденные немцами”. Вывод гласил: “Все экономические и финансовые невыгоды будут, однако, более чем компенсированы политическим успокоением не только во внутренней жизни республики, но и во внешней политике нашего государства” [7. S. 155].

Однако столь подробно составленные планы не могли заставить официальный Лондон в тот момент дать согласие даже на их рассмотрение. Нежелание Англии заниматься вопросами, которые казались важными Бенешу, и толкнуло его на разговор с Богомоловым, о котором шла речь выше, а также на беседу с Майским 26 января 1942 г. Президент заявил советскому послу, что “мы хотим иметь старые границы и были бы готовы к уступкам, если бы смогли провести обмен населением, особенно немецкого”, на что Майский, по словам Бенеша, ответил: “Мы вам поможем” [10. D. 1. S. 285]. Настоятельная необходимость выяснить позиции Англии и СССР по вопросу о немецком населении Чехословакии диктовалась еще и тем, что из “дома” продолжали поступать сообщения о радикальных настроениях в отношении немецкого населения: “все большее распространение получает убеждение, что немец есть немец, и что между ними нет различия. Для широких слоев народа характерно настроение, что мало кто из немцев сохранил бы жизнь, если бы наступил крах” [7. S. 158].

В марте 1942 г. Бенеш, по словам Богомолова, заявил, “что ему нужна поддержка СССР, так как чехи имеют трудности с англичанами и поляками. Он упрекнул нас в том, что не встречается с нашей стороны поддержки в своем настоятельном желании сблизиться с СССР” [5. Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 9]. Бенеш полагал, что после заключения советско-британского договора, в подготовке которого он принимал участие и получил за это благодарность Идена [13. С. 155], “актуальными станут другие вопросы Центральной Европы”, и считал необходимым “своевременно говорить об этом с Россией” [14. С. 38]. 15 мая 1942 г. Богомолов сообщил Бенешу от имени со-

ветского правительства, что тот “может в любое момент приехать в Москву и повидаться с руководящими лицами СССР” [5. Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 9]. Но именно в мае одно из этих “руководящих лиц”, народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов должен был приехать в Лондон для подписания вышеуказанного договора, и Бенеш надеялся встретиться с ним.

Беседа с Бенешем была включена в программу пребывания Молотова в Англии. За несколько дней до этой встречи, 4 июня 1942 г., Богомолов и Рипка обсудили некоторые вопросы советско-чехословацких отношений. Советский дипломат, как значится в дневнике Рипки, заявил ему официально, от имени советского правительства, что оно хочет видеть Чехословакию, восстановленной в домюнхенских границах. “Потом он сказал с усмешкой: позиция нашего правительства по вопросу о границах определенно успокоит Вас, но, очевидно, у Вас будут трудности с судетскими немцами, однако это Ваше (внутреннее. – В.М.) дело”. Рипка согласился с этим, но заметил: “Несмотря на это, я надеюсь, что советское правительство поддержит нас в нашем стремлении сократить число немцев в нашей республике после этой войны до минимума”. Богомолов, смеясь, заметил: “Вы, конечно, не будете просить, чтобы какой-то миллион ваших немцев взяла Россия”. На это Рипка тоже шутливо заметил: “Я надеюсь, что великий Советский Союз их запросто переварил бы, но об этом речи нет, судетские немцы могут спокойно отправиться в Германию”, численность населения которой значительно уменьшится вследствие потерь “на русском фронте”. “Богомолов же вспомнил о шутке президента, что судетские немцы могли бы быть отправлены куда-нибудь в Сибирь”. Далее Рипка, чтобы подкрепить свои позиции, заявил: “Мы не смотрим на вопрос с узко национальной и националистической точки зрения, ... мы хотим избавиться раз и навсегда от тех социальных слоев чешских немцев, которые всегда, с прошлого века и до Гитлера, были носителями пангерманизма, а это означает, что вся немецкая буржуазия, немецкая интеллигенция, значительная часть националистических немецких крестьян, а также определенная часть попавших под влияние нацизма рабочих должны уйти прочь”. “Меня удивило, – записал далее Рипка, – что Богомолов с этим весьма живо согласился. В конце разговора по этому вопросу он сказал, что и в этом деле мы можем быть полностью уверены, что найдем понимание и поддержку советского правительства, но это мы можем обсудить позднее, когда это станет актуальным” [5. Ф. 0138. Оп. 29. П. 147. Д. 14. Л. 17–24; 10. D. 1. S. 342–343].

Молотов принял Бенеша 9 июня 1942 г. Естественно предположить, что Богомолов доложил ему о результатах своей встречи с Рипкой 4 июня. В советской записи беседы нет свидетельств того, что советский нарком и президент среди прочих обсуждали и вопрос о судьбе судетских немцев, хотя Молотов заявил, что “советское правительство было и остается противником Мюнхена, и, конечно, хорошо бы видеть Чехословакию восстановленной со всеми теми ее территориями, которые были отняты у нее Гитлером” [5. Ф. 06. Оп. 4. П. 5. Д. 48. Л. 13–16]. Из записи Бенеша о беседе явствует, что вопрос о “чехословацких” немцах был затронут: “Он (Молотов. – В.М.) спросил меня о наших немцах. Я сказал ему, что мы хотели бы избавиться от значительного числа или от всех тех, кто провинился как нацист. Он согласился, но это, дескать, наше внутренне дело, они не будут в него вмешиваться; но где будет возможно, помогут” [10. D. 1. S. 350]. Примерно то же самое записал со слов Бенеша о встрече начальник его канцелярии Я. Смутный: “Затем я (Бенеш. – В.М.) изложил ему (Молотову. – В.М.) проблему наших немцев. У нас их 3 миллиона, это много; полтора миллиона из них следует изгнать. В этом вы должны нам помочь. Молотов согласился; я изложил ему свои взгляды на трансфер населения, в чем рассчитываю на их помощь” [8. D. 1. S. 273]. Таким образом, отсутствие в советской записи беседы Молотова с Бенешем 9 июня 1942 г. упоминания о будущем “чешских” немцев могло означать, что Москва тогда считала этот вопрос внутренним делом Чехословакии, к тому же неактуальным в плане его немедленного обсуждения.

Это явствует также из последующего разговора на эту тему Рипки с Богомоловым, состоявшегося 21 августа 1942 г. Тогда советский посол заявил, что понимает трудность проблемы, что немцев в Чехословакии действительно “чересчур много”, “но несвоевременно было бы поднимать этот вопрос уже сейчас официально, поскольку это сплотило бы воедино всех немцев, включая судетских”. В то же время Богомолов, по словам Рипки, снова заверил, что “в этом вопросе Советский Союз с полным пониманием отнесется к жизненно важным для нас потребностям” [5. Ф. 0138. Оп. 29. П. 147. Д. 14. Л. 87–91; 10. D. 1. S. 388].

Хотя Москва и заявила о своей готовности видеть Чехословакию восстановленной в ее домюнхенских границах, но постоянно интересовалась, как видят эту проблему англичане, особенно, что касается Судет. 5 августа Иден и Масарик обменялись нотами, говорящими о недействительности мюнхенских соглашений и их последствий. Однако гарантировать домюнхенские чехословацкие границы Англия пока не собиралась, опасаясь нежелательного прецедента: польское, югославское и прочие функционировавшие в Лондоне эмигрантские правительства могли также потребовать немедленных заявлений о будущих границах своих восстановленных государств. Поэтому когда 21 октября 1942 г. Богомолов спросил у Рипки, как относятся англичане к вопросу о Судетах, тот ответил, что британское правительство смотрит на него как на внутривосточное дело Чехословакии и заинтересовано в таком его решении, которое в будущем не ослабляло бы ее [5. Ф. 0138. Оп. 29. П. 147. Д. 14. Л. 104–109; 10. D. 1. S. 404]. Это утверждение, скорее всего, было основано на результатах встречи Бенеша, Масарика и Рипки с Иденом и английским послом при чехословацком правительстве Ф.Б. Николсом 7 июля 1942 г., на которой министр иностранных дел Великобритании заявил, что “кабинет высказался в поддержку принципа трансфера немцев”. Когда Бенеш попросил, чтобы это было подтверждено официальной нотой или письмом, Иден не возражал, однако на деле позиция Англии была подтверждена письменно только в июле 1945 г. Во время указанной встречи Бенеш настаивал на том, что вопрос о судетских немцах является внутренним чехословацким делом, что с англичанами и другими своими друзьями он готов обсуждать его и выслушивать советы, но возражал против выдвижения каких-то условий его решения. А условием было включение представителей Якша в Государственный совет, против чего решительно выступали сторонники Бенеша в Чехословакии. Иден же мотивировал свою позицию тем, что “британское правительство взяло на себя обязательство помогать тем судетским немцам, которые прибыли в Англию после Мюнхена”. Каждая из сторон продолжала настаивать на своей позиции, и после встречи с Николсом 9 июля 1942 г. Рипка в письме на имя Бенеша сделал такой вывод: “Я думаю, что для нас может быть даже выгоднее, если этот вопрос останется нерешенным между нами и англичанами. В этом случае мы также будем иметь совершенно свободные руки” [7. S. 169–171, 172–175].

Однако вскоре диалог возобновился. 18 сентября 1942 г. Бенеш обсудил вопрос о трансфере с Николсом. Свои впечатления от этой встречи Бенеш изложил Я.Смутному так: “Англичане признают, что обмен нотами 5 августа означает по сути признание Первой республики. Они также понимают, что следует решить вопрос о границах уже теперь, а ни в коем случае не во время переговоров о мире. Англичане признают необходимость трансфера немцев. Эту точку зрения они сообщили также Якшу. На этой основе они будут вести с нами переговоры о границах. При решении судетской проблемы необходимо учитывать британское общественное мнение. ... Ни один англичанин не мог бы понять того, что немцы должны быть из Чехословакии выселены, но при этом вся населенная ими территория должна остаться в Чехословакии”. Николс рекомендовал подготовить несколько вариантов решения, касающегося трансфера и границ. Бенеш согласился, что рядом приграничных территорий Чехословакия может пожертвовать, но в качестве компенсации должна получить некоторые районы Кладска. В разговоре со Смутным президент подчеркнул, что “хочет иметь территорию республики единую и чистую в национальном отноше-

нии”. “Только глупый и наивный человек, – сказал он, – может думать, что мир смирится с тем, чтобы мы выбросили 3,5 миллиона человек, а вся населенная ими территория осталась в государстве”. Поэтому Бенеш хочет, записал Смугны, “1. Изгнать не всех немцев, а столько, сколько будет возможно без большого ущерба для территории государства. 2. Оставить в республике такое число, с которым мы сможем справиться и которое исчезнет (видимо, подразумевалось, что будет ассимилировано. – В.М.). 3. Немцев же разместить так, чтобы, если бы и оставшиеся захотели когда-нибудь отделиться, как во времена Генлейна, нам это не нанесло бы вреда – это значит, поселить их за линией укреплений. 4. Дать за этот трансфер как можно меньшую территорию, наименее полезную и еще сделать это в форме обмена территории на что-то в Кладско” [8. D. 1. S. 293–294].

После официального признания Мюнхенских соглашений недействительными англичане более активно стали размышлять над судьбой “чешских” немцев и приходиться к выводу о неизбежности трансфера. Соглашаясь с мнением о том, что их судьба – внутреннее дело Чехословакии, они, вместе с тем, справедливо полагали, что вопрос неизбежно приобретет международный характер, и что в его решении будут заинтересованы также “американцы и русские”, поскольку нельзя, чтобы “судетонемецкий вопрос стал для Германии новым предлогом для развязывания новых конфликтов или войн”. Об этом вел разговор Николс с Рипкой 23 сентября 1942 г. “Из того, как говорил Николс о трансфере, – записал чехословацкий государственный министр, – мне было совершенно ясно, что этим вопросом они занимаются и будут заниматься им все интенсивнее”. Дело было в том, что из частного, касавшегося только Чехословакии, вопрос о “чешских” немцах перерастал в общий вопрос о политике в отношении национальных меньшинств после войны и становился, по крайней мере, общеевропейским. Николс в связи с этим заявил, что после приобретенного в этом плане опыта “не будет желания возвращаться к системе защиты меньшинств”, и считал, что Бенеш должен в одной из речей “развить свою мысль о том, что инациональные граждане должны иметь лишь индивидуальные общечеловеческие права, а не какие-то коллективные права меньшинств” [7. S. 182–183].

Рипка еще до указанного разговора изложил свое мнение на этот счет в лекции, прочитанной 7 октября 1942 г. в Клубе чехословацко-английской дружбы. Он высказался за пересмотр реализации принципа самоопределения наций таким образом, чтобы “самоопределение одного народа не ограничивало и не ставило под угрозу право на самоопределение для другого народа. Немецкий народ не может претендовать на большую свободу и самоопределение, чем другие народы, он должен иметь свое государство, но в нем не должны находиться все немцы” [7. S. 183]. Подобных взглядов, как уже говорилось выше, придерживался и Бенеш, который изложил их в книге “Демократия сегодня и завтра”, вышедшей в Лондоне примерно в то же время. “Вопрос о меньшинствах – считал он – станет одной из самых больших трудностей на пороге новой организации Центральной Европы”. Критически проанализировав концепцию решения вопроса о защите национальных меньшинств, зафиксированную в Версальских договорах, он пришел к выводу, что на практике она не оправдала себя. “Поэтому невозможно восстановить эту абсурдность. Прежде чем будут определяться права меньшинств, надо также определить, с одной стороны, права большинства, с другой – обязанности меньшинств”, – полагал Бенеш. Не предлагая никаких “идеальных рецептов” решения вопроса, он считал необходимым исходить из ряда принципов при подходе к нему: во-первых, после войны нельзя будет в Европе “создать национально гомогенные государства”; во-вторых, после войны, вероятно, будет необходимо осуществить перемещение населения в гораздо больших масштабах, чем после Первой мировой войны; в-третьих, защита меньшинств в будущем должна основываться, прежде всего, на защите всех *общечеловеческих* прав; в-четвертых, необходимо дать возможность переезда из одного государства в другое, чтобы национальные меньшинства, если они не захотят жить в чужом для себя государстве, могли постепенно соединиться со своим собственным народом. Однако,

по мнению Бенеша, все это могло быть реализовано лишь в течение долгого времени и при наличии длительного международного мира. Впрочем, он не исключал и возможность “сосуществования и сотрудничества” при определенных условиях больших и малых народов в рамках национально “негомогенных” государств [15. Sv. 2. S. 173–177].

Еще более четко и конкретно эти позиции были сформулированы Бенешем в документе, переданном им Якшу 1 декабря 1942 г. В нем говорилось, что вопрос трансфера не является лишь чехословацким вопросом. Он касается многих европейских государств и поэтому должен рассматриваться как имеющий международное, прежде всего общеевропейское, значение. “Чехословацкое правительство выработает по отношению к нему окончательную точку зрения на основе событий конца войны, событий у нас дома и в зависимости от того, как отнесутся к нему остальные одержавшие победу государства в ходе своей подготовки к перемирию и миру”, – значилось в документе. Чехословацкий народ, как считал Бенеш, никогда не примет принцип самоопределения трех миллионов немцев, сформулированный так, как это было после Первой мировой войны: “Ни президент Масарик, ни д-р Бенеш никогда не скрывали этого, поскольку такое понятие самоопределения априори ликвидирует существование самостоятельного чехословацкого государства”; “немцев 80 миллионов, и малый чехословацкий народ не может жить с постоянно приставленным к его груди револьвером”. “Принцип территориального и коллективного права на самоопределение (Selbstbestimmungsrecht) для национальных меньшинств или национальных групп, уже имеющих свои национальные государства, – по мнению Бенеша, – является политическим динамитом, который вообще не даст возможность существования и мира всем государствам и народам в центральной Европе”. Соглашаясь с опасениями меньшинств быть майоризированными, т. е. по необходимости подчиняться решению большинства, Бенеш полагал, что защитой против этого является достижение “наивысшей степени демократии”: “в своей политической борьбе меньшинство может использовать все права и методы, кроме одного: территориального и коллективного права на самоопределение, а также угроз и программы отделения от государства. Иначе между ним и большинством никогда согласия не будет” [7. S. 198–204]. События конца XX в. показали, что Бенеш был прозорлив в своих теоретических рассуждениях и прогнозах: Европа под лозунгом права наций на самоопределение продолжала дробиться на мельчайшие национальные государства, хотя одновременно и наметилась тенденция к новым формам их объединения.

К концу 1942 г. официальный Лондон готов был принять идею трансфера судетских немцев, хотя никаких публичных заявлений на этот счет не делалось. Николс в беседе с Бенешем 3 декабря 1942 г. объяснял позицию правительства тем, что оно не хочет пока брать на себя обязательства, касающиеся конкретного числа выселяемых немцев. На это президент шутливо заметил: “Может произойти так, что Вам уже некого будет обменивать”, и добавил, что его политика состоит в том, чтобы предотвратить массовую резню и незаконные действия. Рипка, кстати, весьма сомневался в том, что чехи способны на такое поведение, и утверждал: “не в характере чехов допустить убийства женщин и детей” [7. S. 182, 205].

Американские официальные круги пока предпочитали не делать каких-либо заявлений о судьбе Судет и “чехословацких” немцев. Однако эксперты активно обсуждали указанные вопросы. Большинство их полагало, что эта область, как насильственно отторгнутая Гитлером, должна быть возвращена Чехословакии, и что желателен обмен населением, особенно на территориях, представляющих взаимный интерес для Польши, Чехословакии и Германии [7. S. 222].

Эта полученная Бенешем информация была весьма ценна, поскольку он перед предполагаемой поездкой в СССР готовился посетить США и прояснить там для себя некоторые вопросы, касающиеся, в частности, подписания советско-чехословацкого договора, будущих границ Чехословакии и трансфера немецкого населения.

Пока же он продолжал убеждать Лондон и Москву в правильности своих позиций и старался привести их к единому взгляду на проблему. 19 марта 1943 г. Богомоллов пригласил Бенеша на беседу, чтобы обсудить некоторые вопросы советско-чехословацких отношений. Президент затронул и проблему трансфера “части наших немцев”, прежде всего “немецкой буржуазии и интеллектуалов на основе их вины за 1938 год и за нынешнюю войну”. При этом он подчеркнул, что “англичане с принципом согласны” и что в Америке, куда он собирается, его тоже будут спрашивать об этом, и он должен будет дать ответ. “Я хотел бы и здесь действовать в согласии с Москвой, – заметил Бенеш. – До сих пор Вы мне всегда отвечали, что это наше дело, как поступить с немцами, что это наше внутреннее дело и что Вы весьма осторожны; вы не хотите вмешиваться во внутренние дела других государств, особенно учитывая то, как все особенно внимательны к Вам в этом плане. Однако я обращаю Ваше внимание на то, что из-за наших немцев возник кризис 1938 г., Мюнхен и, собственно, вся теперешняя война”. В связи с этим Бенеш полагал, что, являясь внутренним с точки зрения будущих чехословацких границ, вопрос “по крайней мере частично становится делом международным”. Богомоллов, согласно записи беседы, сделанной Бенешем, не высказал своего мнения, но обещал запросить Москву. [10. D. 1. S. 448–449].

Несколько дней спустя, 24 марта 1943 г., тот же вопрос обсуждал Рипка с Николсом, который подчеркнул, что “единственно правильное решение судето-немецкого вопроса следует искать в трансфере немцев, и уверял, что сегодня определенно 90% британской общественности понимает эту необходимость”, что “споры ведутся только о формах осуществления этой идеи”. (По словам Фирлингера, например, посол Великобритании в СССР А.К. Керр думает, “что мы должны избавиться от всех немцев” [10. D. 1. S. 468].) Рипка же заявил, что ни британская, ни советская позиции в указанном вопросе до сих пор не обозначены достаточно четко: “Как нам недостаточно ... довольно общих уверений британской стороны, что она за трансфер, так нам и недостаточно, когда с советской стороны нам говорят, чтобы мы с немцами делали, что хотим”. Николс отметил, что в решении вопроса о трансфере многое зависит от того, будет ли после войны на международном уровне снова поддержан принцип защиты меньшинств или же принята доктрина Бенеша, т.е. что иностранное население получит лишь общечеловеческие и гражданские права и ни в коем случае не национальные права на основе организованных национальных меньшинств [7. S. 223].

И Бенеш, и Рипка обратили внимание своих собеседников на позиции коммунистов в указанном вопросе. Президент еще ранее говорил Рипке, что “коммунисты своим лозунгом о самоопределении наций захотят коммунизировать судетских немцев и тем самым держать под шахом чехов”. В беседе с Богомолловым Бенеш подчеркнул, что “с точки зрения нашего географического положения Германия есть и будет для нас всегда опасна, будет ли это Германия императоров, генералов, Штрессмана, Брюннига, социалистов или коммунистов”. “Я говорю Вам совершенно открыто, – продолжал он, – что если бы в Германии и произошла коммунистическая революция, мы, хотя и не пойдем ни в чем против, не будем вмешиваться, но если бы они (немецкие коммунисты. – В.М.) начали вмешиваться и пытаться оказывать влияние, например, в Судетах, возникнет конфликт, и мы будем защищаться. Я хочу, чтобы Москве это было ясно” [10. D. 1. S. 448]. Примерно той же позиции в разговоре с Николсом придерживался и Рипка. Он обратил внимание Николса на то, что чехословацкие коммунисты не любят проблему судетских немцев, что они не могут принять решение, поскольку не знают еще, что будет в Германии. “Нам ясно, – продолжал он, – что, если бы будущая Германия стала коммунистической, немцы были бы заинтересованы в том, чтобы использовать судетских немцев, которые в этом случае в большинстве быстро бы поддержали коммунизм, чтобы держать нас под шахом, тем более, что им известно, что наш народ коммунистическую доктрину и коммунистический режим никогда не примет” [7. S. 223].

Еще в мае, перед поездкой Бенеша в Америку, Москва не торопилась с определением своей позиции в вопросе о трансфере. Это явствует, в частности, из беседы Фирлингера с заместителем наркома иностранных дел СССР А.Е. Корнейчуком 7 мая 1943 г., содержание которой было направлено Бенешу уже в Вашингтон. “Относительно переселения (немцев из ЧСР. – *В.М.*) Корнейчук и Новиков думают, что трудно на Ваш вопрос ответить, поскольку он касается нашей внутренней политики, – писал Фирлингер. – Само собой разумеется, что мы должны дома навести порядок, и советское правительство нам в этом препятствовать не будет. Я думаю, что это искренний ответ, и Москва лишь одобрит, если мы позаботимся ликвидировать немецкие островки и переселить шовинистическую часть немецкого меньшинства. Как говорит Корнейчук, наш народ сам позаботится о том, чтобы нацисты у нас исчезли” [10. D. 1. S. 466].

27 мая Рипка снова встретился с Богомоловым и сообщил ему, что поездка Бенеша в США “проходит весьма успешно”, что “американское правительство согласилось на восстановление домюнхенской Чехословакии и на выселение около 2-х миллионов судетских немцев в Германию”, “но без всякой детализации”. Это новое обстоятельство позволило Рипке снова поставить перед советским послом вопрос о “перспективах выселения из Чехословакии большинства судетских немцев в Германию”. Подчеркнув, что “такое согласие было дано и со стороны англичан”, государственный министр просил и советское правительство “дать принципиальное согласие на такого рода акцию, так как, только имея твердую уверенность в возможности унификации населения Чехословакии, чехословацкое правительство могло бы наметить точно как свою внешнюю, так и свою внутреннюю политику”. Рипка сказал, что его вопрос можно истолковать как зондаж со стороны чехословацкого правительства, и в случае благоприятного результата оно “поставит этот вопрос официально”. Богомолов, как следует из его дневника, заявил, что этот вопрос может быть поставлен двояко, во-первых, как вопрос “о выселении за пределы страны части чехословацкого населения, которое по тем или иным обстоятельствам нежелательно в Чехословакии”, во-вторых, “как вопрос об обмене населением, поскольку на германской территории проживает известное количество германских граждан, чехов или словаков по происхождению”. В заключении Богомолов писал: “Я не обещал Рипке поставить этот вопрос перед советским правительством, так как предполагаю возможным, что советское правительство, занятое войной, не ставило еще перед собой такого детального вопроса, как обмен населением между различными странами в послевоенный период” [5. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 397. Л. 40–42].

Сопоставление записей этой беседы, сделанных Богомоловым и Рипкой, позволяет прийти к выводу, что у последнего впечатление от встречи было более оптимистичным. “Богомолов мне открыто заявил, – записал Рипка, – что если советское правительство до сих пор колебалось в том, чтобы определенно высказаться, так это, конечно, потому, что еще не знало, какую политику вести в отношении Германии. И это, по его (Богомолова. – *В.М.*) мнению, сегодня уже зреет, и поэтому был проведен внутренний трансфер немцев в Советском Союзе, он думает, что трудностей не будет. Он предложил мне далее, чтобы дело, о котором советское правительство, конечно, уже информировано, было представлено в такой формулировке, что речь идет принципиально не о депортации судетских немцев, а о вынужденном обмене населением, с одной стороны, немецкого на чехословацкое, с другой, чехословацкого на немецкое, поскольку и в Советском Союзе трансфер был осуществлен на принципе обмена украинцев на немцев и т.д. Принцип обмена был бы более приемлем для советской общественности, причем вопрос, сколько немцев было бы транспортировано из Чехословакии, рассматривался бы как конкретное осуществление принципа обмена. Он обещал, что немедленно проведет зондаж таким образом, чтобы вопрос был уже подготовлен перед приездом президента Бенеша в Москву. Богомолов сказал, что хотя дело неспешное, но все же было бы хорошо также подготовить и этот вопрос”. Таким образом, налицо расхождение в оценках результатов

одной и той же беседы Рипкой и Богомоловым. Гипотетических версий, объясняющих это, может быть несколько: либо недопонимание Рипкой того, что хотел сказать Богомолов; либо неточное воспроизведение им сказанного (ведь беседы записывались по памяти); либо каждый из собеседников зафиксировал то, что считал для себя наиболее важным; либо советский посол говорил одно, а думал другое; либо, наконец, со стороны Богомолова это был обычный дипломатический прием: говорить вообще, когда вопрос еще не назрел, оставляя в то же время у собеседника надежду на благоприятный для него исход дела. Возможно, имело место все это, вместе взятое.

Тем не менее Богомолов довел до сведения Москвы пожелания Рипки. 5 июня 1943 г. был получен ответ советского руководства, о чем он немедленно сообщил Рипке, а тот, в свою очередь, Бенешу в Вашингтон: “В субботу вечером мне за город позвонил Богомолов с информацией о том, что как раз получил телеграмму о согласии советского правительства с идеей трансфера немцев. Богомолов буквально попросил, чтобы я немедленно Вам позвонил” [10. D. 1. S. 492]. Уверения Рипки в том, что англичане и американцы признали, хотя бы на словах, необходимость трансфера, заставили поторопиться и Москву, которая, будучи внутренне готова к такому решению вопроса, сочла необходимым и своевременным присоединиться к мнению союзников. Судя по имеющимся данным, Англия и США согласовали этот вопрос во время посещения Иденом Соединенных Штатов в марте 1943 г., когда английский министр иностранных дел сообщил о решении своего правительства от 6 июля 1942 г. дать согласие на трансфер немецкого меньшинства в регионе Центральной Европы. В разговоре с Бенешем 22 апреля 1943 г., говоря о своей поездке в США, Иден сказал, что в беседах с американцами он “высказался против восстановления системы международной защиты национальных меньшинств в том виде, как она существовала после последней (т.е. Первой мировой. – *В.М.*) войны, и что высказался за трансфер меньшинств всюду там, где это будет необходимо”. Он сказал, что американцы разделяют это мнение [7. S. 240–241]. Одновременно с Бенешем в США находился и премьер-министр Великобритании У. Черчилль, который, по некоторым сведениям, также в беседах с Рузвельтом касался вопроса о судьбе немецкого национального меньшинства в ряде европейских стран.

7 июня 1943 г. Бенеш сообщил чехословацкому Министерству иностранных дел в Лондон о своей последней встрече с Ф.Д. Рузвельтом, во время которой речь, помимо прочего, велась и о судьбе судетских немцев. По словам Бенеша: “Он (Рузвельт. – *В.М.*) согласен с трансфером (национальных. – *В.М.*) меньшинств из Восточной Пруссии, Трансильвании и от нас. Я буквально снова спросил его, согласятся ли Соединенные Штаты с трансфером немцев. Он ясно заявил, что да. Я сказал ему, что Англия и Советы нам также уже сообщили о своей аналогичной точке зрения” [10. D. 1. S. 493]. Бенеш был доволен своими дипломатическими ходами, касающимися вопроса о “чехословацких” немцах: принципиальное согласие союзников по антигитлеровской коалиции на их выселение было получено, оставалось продумать детали и представить в нужный момент соответствующий проект.

18 июня 1943 г. Богомолов посетил Бенеша в его загородном доме, чтобы узнать о впечатлениях президента о поездке в Америку. Бенеш подробно говорил о тех вопросах, которые он обсуждал там не только с Рузвельтом, но и с Черчиллем. В частности, он отметил, что получил от последнего “полное одобрение его (Бенеша. – *В.М.*) намерения выселить часть судетских немцев в Германию” и что также положительно отнеслись к этому и американцы [5. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 379. Л. 53]. Вопрос трансфера казался Бенешу принципиально решенным, и он ослабил дипломатический нажим в этом направлении, решив обсудить вопрос более подробно с советскими руководителями во время поездки в Москву для заключения советско-чехословацкого союзнического договора. Поскольку вокруг его подписания закрутилась международная интрига, все силы чехословацкой дипломатии в этот период были брошены на то, чтобы, во-первых, заключить договор, а во-вторых, чтобы Че-

Чехословакия при этом не стала яблоком раздора между союзниками по антигитлеровской коалиции, а точнее между Англией и СССР (подробнее см.: [13. С. 151–165]).

В конце концов, все недоразумения были улажены, Англия согласилась на заключение указанного договора, и Бенеш в декабре 1943 г. прибыл с этой целью в Москву, имея при себе подробно разработанный план трансфера судетских немцев из Чехословакии [7. С. 264–265]. Этот вопрос, среди прочих, был им поставлен перед Молотовым уже во время их первой официальной встречи 14 декабря 1943 г. (подробнее об этом см.: [16]). В советской записи беседы эта часть разговора выглядит так: “Бенеш заявил, что англичане дали ему официальную ноту о своем согласии на выселение немцев и венгров из пределов Чехословакии. Заметив, что т. Сталин в беседе с ним также выразил свое согласие с этим, Бенеш изложил свои планы насчет выселения немцев. Проблема выселения немцев, сказал он, очень сложна; английский военный кабинет занимался этим вопросом и вынес решение по нему; Черчилль и Иден заверили Бенеша в согласии с его позицией, но обязали его публично об этом не высказываться. Бенеш подчеркнул, что разработанного плана выселения немцев он дать им не хотел до завершения своих переговоров в Москве. Чехословацкие немцы самая богатая часть населения в Чехословакии. Все они были фашистами. Они являются виновниками войны и должны быть наказаны. Бенеш передал т. Молотову свою записку о принципах переселения нацменьшинств, оговорив ее конфиденциальность, и просил отнестись к ней, как к первому наброску, подлежащему обсуждению. Он не ожидает немедленного ответа на свои предложения, но просит, чтобы вопрос был изучен в Москве. По его мнению, проблема переселения нацменьшинств скоро встанет на обсуждение великих держав, так как она выдвинута поляками и греками на заседаниях мининделов (министров иностранных дел. – В.М.) малых держав в Лондоне. По его мнению, его предложение радикально решает вопрос, и он готов выбросить из Чехословакии все 2 800 тыс. немцев, если это будет возможно” [5. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 4].

Чехословацкий вариант записи беседы по сути мало отличается от советского, но он более подробный и, вследствие этого, более нюансированный [10. D. 2. S. 134–144] (перевод см.: [16]). Следует отметить, что и в первой, и во второй записях значится, что Бенеш говорил об официальной английской ноте относительно трансфера немцев. Однако о существовании подобной ноты на сегодняшний день ничего неизвестно. Известно лишь, что англичане, в частности Иден, Черчилль, Николс, от имени английского правительства неоднократно *устно* заверяли Бенеша, Рипку в согласии поддержать идею трансфера. На этот счет существовало также, по словам президента, личное послание Николса, который заявил, что “англичане за трансфер как можно большего числа немцев из Чехословакии”. Так что, думается, Бенеш несколько приукрашивал, мягко говоря, ситуацию, утверждая существование ноты.

Весьма категоричной в чехословацкой записи выглядит позиция Сталина по вопросу о трансфере, якобы изложенная им в беседе с Бенешем (11 декабря. – В.М.): “Об этом (трансфере. – В.М.) мы также говорили за ужином, если Вы помните, с маршалом Сталиным. Он категорически заявил: мы согласны”. Несколько по иному выглядит то место беседы, где говорится о разработанном Бенешем плане выселения немцев и отношении к нему в Англии: “Я должен добавить, что эти мои планы казались чересчур радикальными некоторым людям из Форин Оффис, они не очень понравились им. Но я увязываю этот вопрос трансфера с социальной проблемой. Среди наших немцев – 70% богатых; они должны быть удалены прежде всего, все они были фашистами”. (В советской записи последнее относится ко всем немцам.) О переданном Молотову письменном плане Бенеш говорил: “В нем содержатся принципы трансфера ... я хочу только, чтобы вы видели принципы, в соответствии с которыми мы хотим действовать, чтобы вы имели возможность это изучить ... Потом нам выскажете свои замечания, свои возражения, и мы это обсудим”. В конце беседы Бенеш снова вернулся к этому вопросу: “Я сам считаю это решение радикальным и буду счастлив, если оно осуществится. И хотя я не хотел бы в этом деле

идти на компромиссы, я – реалист, и поэтому буду стремиться достичь по крайней мере максимума, если не всего. Немцев у нас примерно 2 800 000. Если можно будет переселить всех – хорошо; если нет, то хотя бы два миллиона. Я готов делать уступки и с нашей стороны, чтобы все это было более приемлемо, осуществимо, я верю, что наш народ это одобрит”. Среди тех, кто заинтересован в решении проблемы переселения меньшинств, в чехословацкой записи, помимо поляков и греков, названы также югославы. (“Молотов: соглашается, что для поляков эта проблема будет особенно острой”.)

Во время второй встречи Бенеша с Молотовым 16 декабря 1943 г. вопрос о трансфере в разной связи тоже затрагивался, но это не нашло отражения в советской записи беседы [5. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 11–19]. Это следует из более пространной записи, сделанной начальником канцелярии президента Я. Смутным [10. D. 2. S. 148–160]. Бенеш снова говорил о выселении в связи с территориальными проблемами: “Я уже упоминал о том, что возможно я захочу поступиться некоторыми частями республики в пользу Германии, если бы это нам могло помочь выселить всех немцев из республики. ... Я согласен на компромисс, если это будет необходимо ... они (англичане и американцы. – В.М.) будут более сговорчивы, если я им объясню, что хочу не только выселить от нас немцев, но уступить вместе с ними кусок территории. (Берет карту и объясняет, где и какие уступки он хотел бы сделать. И, напротив, какие немецкие территории опять присоединить к нам из стратегических соображений, так что территориальная проблема предстала бы как территориальный обмен, и ни в коем случае не только как наша односторонняя уступка.) Молотов выслушал объяснения без всякой реакции”. Видимо, Москва считала, что пока еще рано ставить указанные вопросы в практической плоскости. Бенеш снова подчеркнул, что проблему выселения немцев и венгров из Чехословакии обсуждал с Рузвельтом, который высказался за такое решение: “Он сказал мне, что не только понимает, но что такое решение должно было бы быть проведено не только в ЧСР, но и в других странах”. Молотов поинтересовался, насколько искренни обещания англичан и американцев относительно трансфера. Бенеш ответил утвердительно, но заметил, что за это они потребуют от него определенной платы в виде поддержки нужных им решений: “Они будут действовать так, чтобы сохранить определенное влияние в Центральной Европе”. Объясняя отношение Москвы в тот период к проблеме раздела Германии и ее будущего, Молотов как бы косвенно коснулся и вопроса о сдержанной советской позиции в вопросе о трансфере немцев: “Американская и английская печать упрекают нас в том, что мы не хотим сказать, каковы наши намерения в отношении Германии. Мы ведем войну на своей территории, немцы находятся у нас, наши красноармейцы расплачиваются кровью, ведь 90% военных действий ведется у нас, так что мы не можем ради пропаганды говорить, что мы намерены предпринять в отношении Германии. Мы не должны делать ничего, что каким-либо образом помогло бы Гитлеру, хотя бы и на короткое время. И если бы мы заявили, что все хотим Германию разделить, то это помогло бы Гитлеру на короткое время опять встать на ноги, и немцы станут драться до последней капли крови”. Очевидно, эти же соображения заставляли Москву пока не делать никаких публичных заявлений относительно судьбы немецкого национального меньшинства в различных европейских странах.

18 декабря 1943 г. состоялась еще одна встреча Бенеша со Сталиным, запись о которой, по всей вероятности, была сделана Фирлингером [10. D. 2. S. 177–182]. Советский руководитель, согласно этой записи, “полностью соглашается с нашим меморандумом относительно трансфера немецкого и венгерского населения и советует нам в связи с этим, чтобы мы выровняли границу с поляками так, чтобы наша пограничная линия с поляками была как можно более продолжительной”. Из записи ясно, что Сталин ознакомился с меморандумом “Выселение части немецкого населения Чехословакии”, врученным Бенешем Молотову 14 декабря. Документ был разослан Сталину, Молотову, Ворошилову, Микояну, Берии, Маленкову, Деканозову,

Литвинову, Корнейчуку [5. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 1–7]. Чехословацкая версия документа имеет название “Трансфер населения в ЧСР”. Сравнение этих двух текстов показало, что по сути они идентичны, но в переводе на русский язык есть некоторые неточности (судя по стилю, перевод был сделан чехословацкой стороной), не меняющие смысл. Состоящий из десяти пунктов меморандум свидетельствовал о том, как представлял себе Бенеш процесс выселения немцев из Чехословакии. Поэтому остановимся на нем подробнее.

Был принят принцип, установленный законами третьего рейха, что все проживающие в Чехословакии немцы являются гражданами германской империи. Чехословацкое правительство оставляло “за собой право устанавливать, кто из немцев может получить или сохранить чехословацкое гражданство”. Предлагалось выселение провести в течение пяти лет, установив, сколько и какое имущество выселяемые могут взять с собой. На оставшуюся часть имущества они должны были получить расписку от Чехословацкого государства, которое использовало бы это для погашения репараций, причитающихся Чехословакии от Германии. Германия обязана была дать компенсацию всем переселенцам, “согласно собственного решения и законодательства”. Провозглашался принцип, что в Чехословакии не будет населенного пункта, в котором менее 67% населения принадлежало бы к чешской, словацкой или карпато-русской (украинской) национальности. “Чехословакия будет национальным государством, – говорилось в меморандуме. – Граждане, принадлежащие к меньшинствам, будут иметь все индивидуальные, демократические и гражданские права, но по закону они не будут считаться национальным и политическим коллективом”. Государственные школы, как предполагалось, будут только чехословацкие и украинские; исключение из этого принципа может быть сделано только для немецких народных школ. Языком делопроизводства в государственных, краевых и областных учреждениях будет чехословацкий (и украинский) язык. Намечалось разработать в рамках общего пятилетнего плана реконструкции республики подробный план выселения немцев, включающий политические, экономические, технические и финансовые аспекты вопроса. Основная часть выселяемого немецкого населения должна была покинуть Чехословакию в течение двух лет, а некоторые лица, если они не будут арестованы для их наказания в республике, – в течение первых же месяцев после разгрома Германии. Таких было пять категорий: а) все бывшие граждане Чехословакии и их семьи, которые служили в гестапо, частях СС, немецкой полиции, а также все чиновники немецкой национальности, которые открыто перешли на сторону нового режима или были назначены на должности после Мюнхена и 15 марта 1939 г.; б) функционеры партии Генлейна, члены ее вооруженных формирований, члены союза гитлеровской молодежи; в) те, кто служил во время войны Германии на фронте и в тылу, “за исключением тех, кто сможет доказать свою антигитлеровскую (в чешском тексте: антинемецкую. – *В.М.*) деятельность или же принадлежит к чешской, словацкой или карпато-русской (украинской) национальности”; г) учителя, профессора, члены нацистских студенческих организаций, юристы, инженеры – участники общественно-политической жизни специальных (в переводе на русский: профессиональных. – *В.М.*) нацистских организаций; д) все немцы, которые извлекли или пытались извлечь для себя какую-либо материальную выгоду из факта оккупации Чехословакии. Предполагалось финансирование выселения той части населения, которая не принимала активного участия в деятельности, направленной против Чехословацкой республики. Намечалось “подумать” (в переводе на русский: “будет предусмотрено”. – *В.М.*) о возвращении соотечественников из Вены, Австрии и, возможно, из Югославии. Говорилось о выработке плана систематической организации населения пограничных районов в рамках несения государственной, военной, полицейской, таможенной и финансовой службы. Наконец, указывалось, что все эти принципы будут применяться и при трансфере венгерского населения из Словакии и Подкарпатской Руси, причем здесь речь пойдет преимущественно об обмене населе-

нием, поскольку на территории Венгрии проживает значительное число словаков и подкарпатурсин [5. Ф. Об. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 8–10; 7. S. 264–265].

Бенеш, получив заверения Сталина в принципиальном согласии с этим планом, не торопил Москву с официальным ответом на свой меморандум. Дальнейшие переговоры по этому вопросу возлагались на Фирлингера. В тексте заключительного протокола об обмене мнениями между Бенешем, Сталиным и Молотовым, предложенном чехословацкой стороной (но не подписанном) по проблеме трансфера констатировалось: “Президент д-р Бенеш изложил доводы, согласно которым выселение с территории ЧСР немецкого населения, несущего огромную и первоочередную долю вины Германии за эту войну, является как вопросом справедливости в отношении ЧСР, так и гарантией против того, что германская империя в будущем сможет снова использовать немецкие меньшинства для подготовки своих агрессивных планов против мира и против славянства. Выселение значительной части фашистского немецкого населения с пограничных территорий позволит республике обеспечить безопасность ее границ, разрешит проблему репараций за ущерб, причиненный республике, и даст основу для решения больших социальных задач, которыми правительством ЧСР замышляет завершить после этой войны дело окончательного национального, экономического и социального объединения республики... Констатировано, что правительство Советского Союза, которому президент д-р Бенеш передал меморандум, содержащий принципы проведения трансфера, также рассматривает с полным пониманием эту жизненную для ЧСР проблему и с этой стороны окажет ЧСР свою полную поддержку в ее решении”. Хотя советское руководство сочло ненужным подписание заключительного протокола, но Корнейчук заверил Бенеша, что его содержание “полностью отвечает тому, что говорилось и было согласовано между нами” [10. D. 2. S. 185].

Помимо советских руководителей Бенеш встречался также с находившимися в Москве чехословацкими коммунистами. Всего с 13 по 18 декабря состоялось шесть бесед, запись которых в переводе на русский язык сразу сообщалась в ОМИ (Отдел международной информации) ЦК ВКП(б) Г. Димитрову, а затем немедленно передавалась Корнейчуку. Во время последней встречи, состоявшейся в ночь с 18 на 19 декабря, т.е. уже после заключительного приема Бенеша Сталиным, речь, помимо прочего, велась и о выселении немцев из Чехословакии. Надо сказать, что еще до своего приезда в СССР Бенеш пытался обсудить этот вопрос с коммунистами, находившимися в Лондоне. Однако те отнеслись с осторожностью к этой теме. “В разговорах с ним (Бенешем. – *В.М.*), – говорилось в сообщении, подготовленном для Заграничного бюро КПЧ в Москве, – часто поднимается вопрос о судетских немцах. Мы придерживаемся в этом вопросе Ваших указаний и не выдвигаем вопрос о будущем положении судетских немцев на передний план. Но с его стороны проблема будущего положения судетских немцев ставится: у него самого нет относительно него ясности, он полагает, что это можно решить путем трансфера всех тех, кто каким-либо образом провинился перед чешским народом, поддерживая прямо или косвенно Генлейна” [17. S. 36]. Приступая к обсуждению с коммунистами в Москве вопроса о выселении немцев, Бенеш сразу заявил о том, что он согласовал его со Сталиным, и изложил, по существу, содержание меморандума, переданного им советскому правительству. “Восстановленная республика будет государством чехов, словаков и карпатских украинцев. Будет государством национальным и славянским, – сказал он. – Чехословакию должны безусловно покинуть все немецкие учителя, профессора, члены СС, гестапо, гитлерюгенда, все активисты генлейновского движения и в общем немецкая буржуазия, богатые немцы. Должны исчезнуть немецкий университет, два немецких технических учебных заведения, средние школы и т. д. Немецкое имущество, курорты, шахты, предприятия, поместья перейдут в государственное управление. Это будет национальная революция, соединенная с социальной революцией. Через мероприятия национального характера и через мероприятия против немецких богачей откроется путь к радикальному вторжению в экономику и к соци-

альным преобразованиям в чешских областях. ... Из немецкого населения с нами останутся антифашисты, демократы, коммунисты, все, кто и за границей участвовал в антигитлеровской борьбе". Бенеш еще раз подчеркнул, что имеет согласие Советского Союза на трансфер немцев из Чехословакии, и что "уже ранее получил на это письменное согласие Англии и Рузвельта". К. Готвальд сформулировал точку зрения коммунистов, акцентировав внимание на тактических вопросах. Он считал, что чехословацкого гражданства должны быть лишены сначала все немцы, а потом судетские немцы могут получить право оптации либо в Германии, либо в Чехословакии, причем во втором случае лишь в индивидуальном порядке. По его словам, "наказание судетонемецких виновников должно проводиться не под национальным знаменем, а под титулом обвинения в деяниях против демократии, республики и человечности и т.д.". "Бенеш проявил с этим тактическим подходом согласие" [2. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 58; 18. С. 56–57].

22 декабря 1943 г. президент сообщил чехословацкому министерству иностранных дел в Лондон, что "со всеми переданными меморандумами Сталин высказал принципиальное согласие" [10. D. 2. S. 188, 190]. На обратном пути в Лондон Бенеш встретился в Маракешше (Алжир) с Черчиллем, которому сообщил о результатах своего визита в Москву, и который, по его словам, признал необходимость "полного трансфера немцев из (Чехословацкой. – В.М.) республики" [10. D. 2. S. 197]².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Střední a jihovýchodní Evropa ve válce a v revoluci. 1939–1945. Praha, 1969.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17.
3. Klimek A. Cesta k odsunu // Soudobé dějiny. Praha. 1994. № 2–3.
4. Серапионова Е.П. Чешские земли, чехи и немецкий вопрос (1918–1945 годы) // Славяноведение. 2000. № 5.
5. Архив внешней политики Российской Федерации.
6. Beneš E. Mnichovské dny. Paměti. Praha, 1968.
7. Češi a sudetoněmecká otázka 1939–1945. Dokumenty / Ed. J. Vondrová. Praha, 1994.
8. Dokumenty z historie československé politiky 1939–1943. Praha, 1966. D. 1, 2.
9. Beneš E. Vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války / Ed. J. Šolc. Praha, 1996.
10. Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Praha, 1998.
11. Vnitřní fronta. Sovětský stát a společnost. 1941–1945. Praha, 2000.
12. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1981. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 г. – декабрь 1943 г.
13. Марьина В.В. Э. Бенеш: второй визит в Москву (декабрь 1943 г.) // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995.
14. Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1960.
15. Beneš E. Demokracie dnes a zítra. Londýn, 1943(?). Sv. 2.
16. Марьина В.В. Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.) // Вопросы истории. 2001. № 1, 3.
17. Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. I–I svazek. Praha, 1965.

² Продолжение статьи будет опубликовано в № 3 2003 г.

© 2003 г. Я. ПАНЕК, И. ПЕШЕК

ИСТОРИКИ ПРОТИВ НАСИЛИЯ НАД ИСТОРИЕЙ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ СОДРУЖЕСТВА ИСТОРИКОВ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В настоящее время Центральная Европа подверглась атаке агрессивного историзма – журналисты, публицисты, политики и другие непрофессионалы, объединив усилия, используют историю как оружие нападения. Они целенаправленно начинают ее переоценивать и находят в ней аргументы для обоснования своих сиюминутных программ и интересов. Используя непрофессионализм в интерпретации прошлого, они стремятся убедить народы Центральной Европы, что путь к их будущему цивилизованному сосуществованию идет не от нынешнего, пусть несовершенного, положения вещей, а с оглядкой на прошлое. Актуализация истории, наводящая мосты между настоящим и будущим, порой доходит до ошибочных утверждений, которые не имеют ничего общего с научными знаниями и их критической интерпретацией. Путем целенаправленной селекции фактов, использования полуправды и “убедительной” лжи картина истории деформируется до такой степени, что общественность перестает в ней ориентироваться.

В настоящее время, когда дилетантски некритическое и произвольное толкование истории становится причиной противоречий между государствами и предметом политических дебатов в парламентах, мы считаем своим долгом четко сформулировать несколько тезисов, касающихся чешской истории XX в., по темам, широко освещаемым и интерпретирующимся в СМИ. Мы убеждены, что познание истории представляет собой открытый процесс, но опыт подсказывает, что утилитарное искажение знаний о прошлом, проверенных в международных дискуссиях, может стать одним из действенных инструментов обострения противоречий внутри отдельных стран и отчужденности народов. Своим заявлением мы хотим обратить внимание на эту опасность и привести несколько положений для ориентации в предстоящей дискуссии.

Центральная Европа представляет собой с этнической точки зрения чрезвычайно сложное пространство, в котором проблемы мирного совместного проживания и конфликтов этносов существовали более тысячелетия, вплоть до драматических событий, связанных с миграцией населения, в канун, в ходе и вскоре после окончания Второй мировой войны. Так же, как и в других частях света, в центральноевропейском регионе никогда не было сколько-нибудь долговременного периода гармонии и справедливого урегулирования этнических и межнациональных отношений. Даже после завершения драматических метаморфоз, нередко происходивших в ходе исто-

рического процесса, состояние их было далеко от идеального. Единственно, что оставалось делать населению этой части света после каждой из катастроф, это заниматься поисками путей нового, относительно равноправного сосуществования, взаимопонимания и сотрудничества.

Стабилизирующим фактором в Центральной Европе в ретроспективном идеализированном представлении часто считается монархия Габсбургов. В действительности Австро-Венгрии никогда не удавалось более менее оптимально решать сложные центральноевропейские проблемы, наоборот ее самое можно признать одной из неудачных попыток государственной интеграции. Чешская политическая элита с 80-х годов XIX в. последовательно боролась за реформу федеративного устройства монархии, за равноправие всех ее народов. Эти попытки, несмотря на постоянные неудачи, продолжались до 1917 г.

Австро-Венгрия (при интенсивной и целенаправленной поддержке Германской империи) стала первым агрессором в Первой мировой войне, за что несет ответственность прежде всего династия Габсбургов и политические элиты ее титульных наций – австрийских немцев и венгров. Но даже колоссальные военные потери не побудили правительство монархии к федеративным реформам и заключению мира. После окончания Первой мировой войны на развалинах Германской империи и Австро-Венгрии возникли национальные государства-наследники, и бывшим господствовавшим нациям, вследствие поражения и революционного хаоса достались значительно урезанные территории.

Возникновение и создание Чехословацкой республики стало выражением процессов внутреннего развития чешской государственности, а также воли, готовности и способности ее руководителей взять на себя ответственность за измученную войной страну и одновременно следствием обширной и успешной политической и военной заграничной акции. Ее международное признание отразило уверенность союзников в способности чехов создать и поддерживать в сердце Европы стабильность и демократию в период разрухи и всеобщего хаоса. Немецкое меньшинство в Чешских землях, как позднее констатировали его собственные представители, явно во вред себе сначала не осознало масштабов поражения центральных властей и эфемерности левацкого упоения революционной стихией, и потому не встало на сторону республики.

Конечно, Чехословакия не была совершенным государством, но в Центральной и Восточной Европе она наиболее последовательно боролась за создание демократического строя и выработала высокие стандарты государственной поддержки культурного, общественного и политического развития национальных меньшинств. Немцы стали полноправными гражданами демократического государства, а избранные ими представители с 1926 г. участвовали в его правительстве, причем в значительно большей степени, чем чехам некогда было позволено участвовать в правительстве Австро-Венгрии.

В 1930-е годы Чехословакия стала пристанищем для многих немецких демократов и лиц, преследуемых нацистами по расовым причинам. Однако многие представители немецкого меньшинства, кроме всего прочего тяжело пострадавшие от последствий мирового экономического кризиса, нашли, тем не менее, свой идеал в национал-социализме. Лояльность судетских немцев по отношению к Чехословакии радикально снизилась, что проявилось на парламентских выборах 1935 г. и еще разительнее – на муниципальных выборах 1938 г., где Судетонемецкая партия Генлейна, подчинявшаяся гитлеровскому третьему рейху, собрала до 88% всех голосов немецкого населения (1 279 000). На стороне демократии остались только немецкие социал-демократы. Последние также вместе с теми чехословацкими немцами, которые нацистами были признаны евреями, горше всего заплатили за мюнхенский диктат и отторжение чехословацкого пограничья в пользу третьего рейха.

Судетские немцы, сочувствовавшие нацистам, (более полумиллиона из них вступило в НСДАП, судетонемецкая партийная организация составила 17% всего насе-

ления и, тем самым, с большим отрывом заняла наиболее высокое место во всем рейхе) активно участвовали в оккупационном терроре в Чешских землях. Избранные, ими представители вместе с имперскими нацистами подготовили план полной ликвидации чешской нации. Нацистская Германия, гражданами которой стали судетские немцы, начала с 1939 г. реализацию проекта обширного принудительного переселения заграничных немецких меньшинств обратно в рейх и принудительного выселения славянских меньшинств с территорий, предназначенных для немецкой колонизации.

Несмотря на обещания, данные в Мюнхене, нацистская Германия 15 марта 1939 г. оккупировала чешско-моравские земли урезанной Чехословакии и развязала Вторую мировую войну, начав планомерное истребление восточноевропейских народов. Таким образом, она стала главной виновницей самой большой трагедии в истории человечества, которая унесла жизни 60 млн человек и привела к Холокосту евреев и цыган и к огромному по своим масштабам геноциду других народов. Потерпев поражение и вынужденная безоговорочно капитулировать, Германия заплатила за это преступление потерей трети своей территории, бегством, изгнанием и переселением из Центральной и Восточной Европы 12 млн человек, разделом страны и временной потерей суверенитета.

Сразу после начала Второй мировой войны в кругах союзников стало расти убеждение в том, что послевоенная стабилизация на континенте будет возможна только в том случае, если в Центральной и Восточной Европе будет ликвидирован феномен меньшинств. Поэтому в 1942 г. британское правительство приняло решение о перемещении (или выселении) немецких меньшинств с освобожденных территорий. В 1943 г. к этому мнению присоединились правительства США, Свободной Франции и, наконец, СССР. Чехословацкое и польское правительства в эмиграции также выступили сторонниками этой концепции, с начала войны наиболее активно пропагандировавшейся группами Сопротивления на их родине и воинскими подразделениями в эмиграции.

Поражение Германии нигде в Европе не обошлось без страданий невинных жертв из числа немцев. К политизированным эксцессам относится “дикое выселение” немцев из Чехословакии. Это было связано с последствиями войны, фашистского террора, что вело к вопиющим нарушениям правовых и этических норм также и с чешской стороны. Согласно общепринятому в то время в Европе и Америке принципу коллективной вины все судетские немцы (даже истинные антифашисты и жертвы нацистских репрессий) были лишены чехословацкого гражданства, большинства гражданских прав и имущества.

Приблизительно 3 млн немцев, изгнанных из Чешских земель (с августа 1945 г.) составляли только четверть от общего числа выселенного немецкого населения. Перемещение стало составной частью демографических, политических и международных правовых перемен в послевоенной Европе и было утверждено Потсдамской конференцией, также как и новые границы Германии по Одру и Нейсе и другие территориальные изменения в Центральной и Восточной Европе.

Конфискация имущества нацистского рейха и немецких меньшинств была во всей Европе прямым следствием войны и экономических потерь в оккупированных нацистами странах. На основе выработанных союзниками во время войны норм, было принято соответствующее решение на Парижской конференции, по которому Чехословакия должна была получить большие военные репарации (из них было выплачено только несколько тысячных частей от утвержденной суммы).

Декреты президента республики Э. Бенеша, изданные в период деятельности джуре избранного правительства в эмиграции и де-факто в освобожденной Чехословакии, после одобрения временным Национальным собранием приобрели силу законов. Они стали, подобно аналогичным мероприятиям в других странах победившей антифашистской коалиции, инструментом борьбы против фашизма, послевоенной денацификации и обновления демократического правового строя на территории Че-

хословакии. И хотя после принятия Чехословакией в конце 1992 г. Конституционной хартии прав и свобод они уже недействительны, эти акты относятся к истории правового развития Чешской республики и Европы в период, когда начали преодолеваться последствия нацистской агрессии.

Амнистия 1946 г. за насильственные действия, совершенные во время борьбы против нацизма и освобождения Чехословакии, априори не распространялась на послевоенные преступления против немецкого меньшинства в ЧСР. После ее объявления (до начала 1948 г.) было проведено около 40 судебных процессов против виновников послевоенных убийств.

Чехословакия стала жертвой агрессии со стороны фашистской Германии и ее население подверглось выборочному, но массовому экстремальному террору, который развернули представители и члены вооруженных и репрессивных формирований и другие граждане третьего рейха, в том числе судетские немцы и австрийцы. Из них понесла наказание (включая бегство, изгнание и перемещение) только меньшая часть. В Чехии и Моравии были убиты нацистами или погибли в рядах чехословацких воинских подразделений до 300 тыс. чехословацких граждан разных национальностей. Более 200 тыс. судетских немцев пали за гитлеровскую Германию, более 6 тыс. покончили жизнь самоубийством и 25–40 тыс. судетских немцев погибли в процессе изгнания или переселения.

История Центральной и Восточной Европы в XX в. отличалась чрезвычайной жестокостью. Страдания изгнанных продолжались еще по меньшей мере десять лет на новой немецкой родине. Чехословакия же попала вследствие войны в сферу державного влияния Советского Союза и в тенетах несвободы томилась вплоть до 1989 г. Все эти факты и процессы в начале XXI в. можно, конечно, осветить более полноценно, и оценить по-новому, учитывая накопленный опыт. Нельзя их только изменить. Нас не должно смущать и то обстоятельство, что взгляды в Европе и мире на такие явления, как коллективная вина или вынужденная миграция, в течение десятилетий диаметрально изменились.

Однако попытки выдать преступников за жертв агрессии в своей основе несостоятельны и публицистически ангажированы. Если бы они предпринимались не только на словах, но и на политико-государственном уровне, то могли бы представлять угрозу стабильности и миру в Европе. Граждане Чешской республики, территория которой в рамках бывшей Чехословакии стала первой жертвой нацистской агрессии, будут, несомненно, размышлять о судьбах своих предков и их самих в XX в. Но они не имеют ни малейших оснований принимать на себя какую-либо коллективную вину за преступления и рассуждать о других альтернативах ясно определенных результатов Второй мировой войны. Стремление к критическому освещению отечественного прошлого в чешской историографии очевидно. В этой связи появилось значительное число аналитических работ чешских историков, критически оценивающих отечественную историю, которые, к сожалению, недостаточно известны как чешской, так и зарубежной общественности.

Памятуя о прошлом своего отечества, граждане Чешской республики не должны поддаваться мифологизированным представлениям о своей исключительности в положительном или отрицательном смысле. Хотя в двух великих конфликтах первой половины XX в. они приложили усилия, чтобы оказаться в стане победителей, но во второй половине прошлого века не смогли успешно использовать эту ситуацию для своей и общей пользы. Они прошли сквозь горнило современной европейской истории с приобретениями и потерями, иногда проявляя чрезмерную гибкость, однако, никогда не оказывались в рядах агрессоров, нарушителей европейского мира и виновников геноцида. Составляя небольшое общество с более или менее стандартной структурой и определенным историческим опытом, они всегда были и остаются частью Европы.

Наши граждане имеют достаточно оснований вступать в будущее с сознанием, отвергающим любые манипуляции отечественной историей. Свободная и критичес-

кая оценка прошлого облегчает пути в будущее. И это будущее в ряду европейских наций необходимо обогащать совместным критическим поиском предпосылок современности в глубоком прошлом.

Прага, 7 апреля 2002 г.

От комитета Содружества историков Чешской республики

Ярослав Панек и Иржи Пешек

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ МЕНЬШИНСТВА НА ПРОТЯЖЕНИИ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ ЧЕШСКИХ ЗЕМЕЛЬ

ВВЕДЕНИЕ

Международная дискуссия о взаимосвязи истории и современности, а значит, и об обучении истории, едва ли могла бы найти более актуальную тему, чем проблема отношений между большинством населения и меньшинствами. Актуальность этой тематики в общемировом масштабе чрезвычайно возросла после распада биполярного мира. На наших глазах ясно проявилось противоречие между тенденциями к глобализации в экономике и возрастанием политических противоречий между некоторыми государствами при решении региональных проблем.

В европейском пространстве, где в начале 90-х годов XX в., казалось, была неизбежна быстрая интеграция, именно в это время завершился столетний процесс утверждения национальных государств (в этом контексте можно рассматривать такие случаи, как объединение Германии и распад Чехословакии, Югославии и Советского Союза). Напряженность между большинством этноса и радикальными представителями меньшинств в конце концов проявилась и в стабильных странах Западной Европы (напомним только североирландскую, баскскую и корсиканскую проблемы). Более того, само начало XXI в. обнажило экстремальное обострение интересов религиозных меньшинств, подготовленных вести войну против западной цивилизации как из центров мирового исламизма, так и при помощи боевиков из мусульманских меньшинств, живущих в государствах с немусульманским большинством. Вновь открывшийся спектр проблем и возможных конфликтов поставил под вопрос действенность давно утвердившихся представлений, что только высокий уровень демократии предоставляет наибольшие возможности для полного удовлетворения требований меньшинств. В этой ситуации все настойчивее заговорили о том, что необходимо уважать права большинства, и никогда не допускать положения, когда экстремистски настроенное и военизированное меньшинство может устрашать и терроризировать большинство.

Чешская республика с этой точки зрения являлась до сих пор относительно спокойной территорией. Отчасти это определяется доминантным положением абсолютно преобладающего большинства, которое является этнически гомогенным и традиционно религиозно терпимым; отчасти – специфическим развитием Чешских земель, которые во время Второй мировой войны и непосредственно после ее окончания были очищены от основной части этнических меньшинств. Несмотря на это в Чешской республике есть серьезные проблемы, имеющие исторические корни и используемые для политических манипуляций в европейских государствах в период обострения внутривнутриполитической борьбы и предвыборных кампаний, и имеет, конечно, международное влияние. Причем меньшинство, которое обладает территориями за границей, с большой долей вероятности становится предметом споров между заинтересованными государствами. Наоборот, там, где нет достаточного интереса со стороны политиков, не происходит широкого освещения спорных точек зрения в СМИ, и проблемы меньшинства остаются на периферии политических интересов (об этом, например, свидетельствует положение лужицких сербов в Германии).

Приведем здесь для иллюстрации несколько дискуссий, которые сейчас разворачиваются в Чешской республике. Каждая из них определенным способом очерчива-

ет часть проблематики меньшинств в ее внутренних и международных политических взаимосвязях.

СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ О МЕНЬШИНСТВАХ И ИХ ПРОБЛЕМАТИКА

Без сомнения самым взрывоопасным инструментом современной политической борьбы, а в дальнейшем и осложнения международных отношений стала ретроспективная оценка роли *немецкого* (судетского) меньшинства на территории Чехословакии в уже достаточно отдаленный период, начавшийся непосредственно после Второй мировой войны. Эта полемика в ходе последних 13 лет претерпела значительные изменения. Она касается не только положения нынешнего немецкого меньшинства в Чешской республике, которое насчитывает около 50 тыс. человек (согласно переписи населения 1991 г. было зарегистрировано 48 556 человек). Главным предметом споров стали приблизительно три миллиона немцев, которые жили в Чешских землях перед Второй мировой войной. Большинство из них (после больших потерь на фронте и в результате спонтанного бегства части из них перед наступающей Красной Армией) в 1945–1947 гг. было насильственно выселено в Германию и отчасти в Австрию.

Представители судетонемецкого меньшинства после поселения на новой родине укрепились в крайне одностороннем, но единодушном мнении о том, что являются невинной жертвой чешского (тогда чехословацкого) насилия. Они долго ждали удобного случая, чтобы снова предъявить претензии на реституцию прав и собственности. Такой случай представился после падения коммунистического режима в ноябре 1989 г. В то время как воинствующие представители судетонемецкого краевого содружества (*Sudetendeutsche Landsmannschaft*) выработали ясную доктрину и нашли средства для ее пропаганды, чешская сторона не была готова дать отпор этому давлению. Коммунистическая идеология была отвергнута, новое понимание государства только зарождалось в хаосе распада Чехословакии. Чешская историография в начале 1990-х годов была неспособна выработать ясную и аргументированную точку зрения. Благодаря усилиям Я. Кржена, В. Курала, Р. Квачека, И. Пешека и других чешских историков, а также сотрудничеству с некоторыми немецкими историками (в первую очередь с Д. Брандесом, Г. Лембергом и В. Циммерманом) эту концепцию освобожденная от пут идеологии чешская историография только начала разрабатывать.

Возникла парадоксальная ситуация. С одной стороны, отношения между объединенной Германией и Чешской республикой достигли на межгосударственном уровне небывалой степени добрососедства, а неформальные человеческие контакты помогали обоюдостороннему преодолению недоверия. Этому способствовали некоторые реалистические мыслящие немцы родом из Чехословакии (например, из Чешско-немецкого фонда *Brücke-most*). Однако, с другой стороны, в чешской среде была начата беспрецедентная кампания по убеждению чехов в том, что неизбежной предпосылкой их “возвращения” в Европу может стать только принципиальная переоценка их отношения к судетским немцам (в смысле восприятия судетонемецкой точки зрения).

Благоприятные условия для этой пропагандистской кампании создал посткоммунистический хаос в чешских СМИ, приватизация ежедневной печати и постепенное сосредоточение подавляющего большинства пражских и региональных еженедельников в руках немецких издательских концернов. Хотя эти газеты и не представляли односторонне интересы агрессивной судетонемецкой пропаганды, но все же давали простор для распространения ее взглядов в большей степени, чем это было возможно сделать в газетах, оставшихся в руках чехов. В связи с целенаправленным влиянием этих газет на телевизионное вещание, управляющее общественным мнением, в 1990-е годы сформировалась влиятельная группа журналистов, которые с большей или меньшей откровенностью стремились внушить чешской общественности суде-

тонемецкую трактовку отечественной истории, которую представляли как единственно правильную ее интерпретацию. Несмотря на то, что тут в некотором смысле просматривается остаточная редукция нацистского взгляда на немецко-чешские отношения и на роль немецкого меньшинства в первой Чехословацкой республике, односторонняя пропаганда выдавала это мнение как единственно правильное (“европейское”) решение по урегулированию отношений между чехами и прежним немецким меньшинством.

Была предпринята примечательная попытка создания чешского автостереотипа, который включал бы в себя основные черты судетонемецкого гетеростереотипа: выселение судетских немцев было казуистически отделено от Второй мировой войны и трактовалось как проявление чешской (или коммунистической) ксенофобии по отношению к немецкому меньшинству как к какому-то невинному жертвенному агнцу; правовая преемственность Чешского (Чехословацкого) государства была поставлена под сомнение, и его важнейший представитель президент Э. Бенеш был провозглашен “виновником геноцида” и таким же преступником, как Гитлер и Сталин. Чешская история интерпретировалась как цепь националистических актов и как выражение неспособности чехов иметь суверенное государство. Проявлением этой неспособности исполнять государственные обязанности на европейском уровне провозглашались “геноцидные” декреты Бенеша об изгнании немцев и венгров из Чехословакии, без отмены которых чехи не могут быть приняты в Европейский союз.

Усилия по навязыванию этого стереотипа в Чешской республике явно провалились и не были приняты ни правительственной элитой, ни подавляющим большинством населения. Наоборот все чаще высказываются мнения о причинной связи нацистских преступлений с выселением или изгнанием судетских немцев, об участии судетских немцев в развязывании Второй мировой войны; о перемещении немецких меньшинств из освобожденных стран Центральной и Восточной Европы как общепринятом способе решения военного кризиса 30–40-х годов XX в., и, наконец, также о международном одобрении их перемещения союзными державами, которые победили нацистскую Германию и воспрепятствовали тем самым действительному гитлеровскому геноциду европейских наций.

Несмотря на все усилия Европейской комиссии (особенно комиссара Г. Ферхеугена) воспрепятствовать интернационализации споров о событиях, отдаленных от нас более чем на столетия, началась новая фаза полемики на международном уровне. Этому способствовал страдающий ксенофобией популизм Й. Хайдера и его Свободной партии Австрии и стремление венгерского премьера В. Орбана к профанации собственных национальных интересов, а также неудачное, крайне недипломатичное и провокационное выступление чешского премьера М. Земана.

С января 2002 г. в Центральной Европе начали формироваться непримиримые идейные блоки, которые хотя и говорили о давних исторических судьбах немецкого и венгерского меньшинств, но вольно или невольно стремились к крайне опасной ревизии относительно стабильного устройства Европы, которое сложилось после Первой и Второй мировых войн.

В начале 2002 г. в Чешской республике разгорелась страстная полемика вокруг другого меньшинства – цыган. Ей предшествовали мелкие аферы с переселением сотен цыган под предлогом их расовой дискриминации в Чехии в Западную Европу, где они надеялись обрести лучшие условия жизни, и споры о возможности совместного проживания цыган и нецыган. Теперь, однако, речь шла об особом комплексе проблем, на что обратил внимание ведущий режиссер мультимедиа М. Книжак. Он высказал мнение о положении цыган в Чешской республике и, между прочим, проявил скептицизм в отношении способности цыган проживать на общем пространстве с нецыганским большинством. Вследствие того, что М. Книжак выступал в дискуссии не как “свободный художник”, а как директор Национальной галереи в Праге и как политически ангажированный консерватор, то его сентенции вызвали

бурную реакцию. Против него выступили лидеры некоторых цыганских организаций, с ними солидаризировались представители чешской еврейской общины и особенно члены политических партий – оппонентов Книжака. Судя по письмам читателей в редакции ведущих пражских газет, взгляды общественности равным образом разделились.

Если принять во внимание конъюнктурные интересы политических оппонентов, то в дискуссии можно найти отражение тем, которые имеют давние исторические корни, но сегодня вышли на поверхность, приобретая в значительной степени эмоциональную окраску. Это можно выразить в следующих итоговых тезисах:

1. *Существование носителей разных цивилизационных ценностей* – в какой мере меньшинство имеет право утверждать свою специфику (отличный способ жизни, отношение к труду и недвижимому имуществу, подход к образованию, отношение к шумности общественных проявлений в пространстве, где обитают цыгане и нецыгане и т.д.);

2. *Социальная солидарность* – насколько оправданно требовать от государства и большинства общества стандартного социального обеспечения; можно ли допустить, чтобы сами цыгане при подавляющей незанятости цыганского населения недостаточно заботились о начальном и высшем образовании собственных детей и активном включении взрослых цыган в общественно полезный труд.

3. *Позитивная этническая дискриминация* – допустимо ли длительное время предоставлять меньшинству значительные льготы в решении его социальных проблем вместо реализации принципа открытого соревнования. До сих пор рассуждения на эту тему только акцентировали эту проблему, но не проводили удовлетворительного анализа и вообще не способствовали ее общему благоприятному решению.

Следующая дискуссия касается еврейского меньшинства, которое отличается высоким уровнем образования, социальной и политической интегрированностью в общество, хотя и сохраняет свою религиозную и культурную идентичность. Скандал вызвало издание в 2000 г. чешского перевода программного сочинения немецкого нацизма А. Гитлера “Mein Kampf”. Предметом обсуждения стал вопрос, допустимо ли издание откровенно антисемитского произведения большим тиражом, если оно не снабжено критическим комментарием для исследовательских целей. Хотя квинт-эссенция нацистской ксенофобии направлена не только против еврейского населения, но публикация была воспринята именно в этом смысле, и ее издатель был приговорен даже к условному тюремному заключению и высокому денежному штрафу. Снова встали самые обычные вопросы: 1. *Право на распространение информации* – проблема, могут ли в некоторых специфических случаях судебные или административные органы выступать в роли цензуры; 2. *Право на свободу мышления* – вопрос, может ли гражданин в демократическом обществе быть лишен права на собственное суждение об источниках нацистской идеологии только потому, что в прошлом эта идеология сыграла преступную роль и в настоящее время могла бы спровоцировать антисемитские выступления расистски настроенных скинхедов или других экстремистов.

Во всех указанных единичных случаях дискуссия велась, в первую очередь на темы о *правах личности по отношению к правам группы* или, другими словами, о положении меньшинства по отношению к большинству (и к лицам, представляющим это большинство). Однако при более глубоком взгляде на этот предмет речь идет об интерпретации прошлого и его актуализации для потребностей современного общества при его заинтересованном соучастии. Поскольку истоки современных противоречий и конфликтов имеют не только давнюю, но и чрезвычайно запутанную историю, рассмотрим проблематику меньшинств в тысячелетней ретроспективе. Предпримем это, сознавая, что здесь речь идет только о части очень сложной истории межэтнических отношений в Центральной Европе, тем не менее рассмотрев проблемы региона можно выявить некоторые основные тенденции их развития.

История заселения Чешских земель известными ныне этносами начинается примерно в середине I тыс. до н.э. Тогда на территории Чехии и Моравии проживали кельтские племена, которые на рубеже нашей эры продвинулись далее на запад и были истреблены германскими племенами. Германцы, пробыв здесь примерно пять столетий, также мигрировали далее на запад. В период так называемого переселения народов здесь поселились славяне, пришедшие из области восточнее Карпат. В период с V по VII в. чешские и моравские славяне ассимилировали остатки более древних этносов и стали практически единственными обитателями этого региона. Их государства – в IX в. Великоморавская держава, а с рубежа IX–X вв. – усиливающееся Чешское княжество (с 1198 г. – Чешское королевство) – имели моноэтническую структуру: от крестьянского и ремесленного населения до вельможной элиты и правящей династии.

В средние века экономические, политические и культурные контакты между европейскими странами способствовали тому, что в Чешских землях образовались мелкие группы представителей других национальностей. Международная торговля постепенно привлекла в Прагу и другие крупные центры купцов преимущественно немецкого и еврейского происхождения, но действительно сильное национальное меньшинство возникло в течение XIII в. Стремясь ускорить основание городов по западноевропейскому образцу чешские короли призвали немецких колонистов, которые преуспели в быстром развитии горного дела и городской экономики. На этнически чешской территории возникли города, в которых большая часть патрициата была немецкой, в то время как остальное население в большинстве своем было чешским. Но уже в середине XIV в. в процессе естественной ассимиляции ряд городов “чехизировался”.

Таким образом, вследствие успешной в экономическом отношении колонизации впервые возникли заметные межэтнические противоречия, с одной стороны, между политически амбициозным немецким патрициатом и чешской шляхтой, с другой – между немецким торговым патрициатом и чешскими ремесленниками. Напряжение возросло в середине XIV в., когда во время правления римского императора и чешского короля Карла IV Прага стала столицей Священной Римской империи и, следовательно, магнитом, притягивающим иностранцев, главным образом из немецких земель. Социальные и политические конфликты углубились в начале XV в., когда Чешские земли первыми в Европе созрели для великой реформы церкви и общества. Гуситская революция стала отражением борьбы за очищение христианской церкви и одновременно великим столкновением с католической Европой, которая видела в чехах достойных осуждения еретиков и стремилась уничтожить “чешское еретическое племя”.

Ошеломляющая победа гуситских войск над отрядами крестоносцев способствовала созреванию чешского самосознания, которое отождествляло чешскую нацию не только с языком, но и с гуситской верой. Поскольку походы крестоносцев в Чехию предпринимали прежде всего этнические немцы и венгры, сформировалось враждебное к ним отношение и наоборот – сильнее укрепилось сознание родства чехов с другими славянами, особенно с поляками. В ходе гуситских войн часть немцев из Чешских земель бежала за границу или погибла в боях; остатки немецкого меньшинства сохранились только в приграничных областях Чехии и Моравии. Бесспорно доминантное положение чехов отразили религиозные и языковые законы второй половины XV в., согласно которым чешский язык был признан единственным официальным языком в Чехии и Моравии, вытеснив ранее преобладавшую латынь.

Гусизм также впервые сформулировал проблему религиозного меньшинства. Поскольку первоначальные стремления к всеобщей реформе христианства удалось лишь отчасти (в Чехии и Моравии удержались остатки католиков), необходимо было искать новый способ межконфессионального согласия. После десятилетий борь-

бы большинство гуситов (или утраквистов) достигло взаимопонимания с католиками, заключив в 1485 г. Кутногорский религиозный мир. Это был первый в Европе пример признания равноправия двух вероисповеданий и церковных организаций, когда религиозное меньшинство получило такие же права, как и большинство; более того, право выбирать одно из двух признанных вероисповеданий получили не только представители привилегированных слоев (дворяне и свободные горожане), но и зависимые крестьяне. Эти гарантии коэкзистенции, конечно, не распространялись на все население, ибо здесь жили и другие меньшинства, на которые религиозный мир не распространялся. Прежде всего это касалось более радикальной Общины чешских братьев и других возникавших то и дело реформаторских церквей. Вне всего этого стояла еврейская община, которая формально пользовалась правовой охраной чешского короля, но, несмотря на это, временами подвергалась стихийным погромам.

Столетнее напряжение между чехами и немцами получило разрядку после выступления Мартина Лютера в 1517 г. и позже, когда немецкая реформация признала своих чешских предшественников. Большая часть немцев, жившая в Чехии и Моравии, присоединилась к лютеранству, ликвидировав тем самым религиозные поводы для этнической дискриминации. Сотрудничество чешских утраквистов и немецких лютеран перешагнуло государственные и языковые границы. Сближению способствовало и завершение сословной организации Чешского государства, которое получило название *Corona Regni Bohemiae* и состояло из пяти земель. В двух южных землях (Чехия и Моравия), которые были ядром страны, абсолютное большинство составляли чехи и меньшинство – немцы; в трех северных землях (Силезия, Верхние и Нижние Лужицы) большинство составляли немцы, но наряду с ними жили меньшинства чехов, поляков и лужицких сербов. В этой сложной государственной структуре в XVI в. удалось достичь высокого уровня национального согласия и сосуществования этнического и религиозного большинства и меньшинств. Более того, в Праге, которая на рубеже XVI–XVII вв. (в правление Рудольфа II) опять стала резиденцией императора, наряду с чешским утраквистским большинством наблюдалась весьма пестрая палитра этносов и вероисповеданий. Чехи, немцы, итальянцы, голландцы, утраквисты, католики, кальвинисты и другие жили друг с другом, хотя и не всегда в совершенном согласии, но на таком его уровне, который мог служить образцом для тогдашней Европы, измотанной религиозными войнами.

В то же время многообещающий опыт в решении вопросов меньшинств вступил в противоречие с политикой правящей династии. Габсбурги, связавшие с 1526 г. в единое целое Чешское, Австрийское и Венгерское государства, в основу своей концепции положили принцип сосредоточения власти в руках государя и установления единой государственной религии. Поэтому они неизбежно встретились с отпором сословной оппозиции, которая защищала принцип власти, разделенной между государем и сословиями, и принцип религиозной свободы. Конфликт достиг своего апогея в чешском сословном восстании 1618–1620 гг. Евангелическим сословиям еще удалось издать сформулированную на основе современных представлений конституцию (*Confoederatio Bohemica*, 1619), которая могла стать базой для легализации мирного сосуществования большинства и меньшинства в сложном центральноевропейском пространстве. Однако вслед за этим Габсбурги возобладали в военном отношении, а после поражения сословий в битве при Белой Горе в ноябре 1620 г. начала претворяться в жизнь программа габсбургско-католического политического и конфессионального абсолютизма.

Хотя казням, арестам, конфискации имущества и изгнанию из страны были подвергнуты немцы-лютеране и новокрещенцы (анабаптисты), но, следует признать, что габсбургский произвол был направлен прежде всего против чешского этноса. Десятки тысяч некатоликов – горожан и дворян, были изгнаны из страны, что имело катастрофические последствия для чешской политической и культурной жизни. Чешский народ, который с XIII до начала XVII в. по уровню развития занимал одно из первых мест в Центральной Европе, был самым жестоким способом лишен своей

политической элиты и творческой интеллигенции. В течение нескольких десятилетий после Белогорской битвы его социальная структура изменилась настолько, что на своей родине он стал второстепенным этносом, систематически подозреваемым к тому же в еретичестве и бунтарстве. Таким образом, в период расцвета средневекового и гуманистического образования чешская культура переживала глубокий упадок. Хотя она и поддерживалась низшим католическим клиром, но могла сохраниться только на плебейском уровне.

Чешский этнос, который численно составлял явное большинство населения Чехии и Моравии, во второй половине XVII и XVIII в. фактически был поставлен в положение подчиненного меньшинства. Габсбургская монархия, разумеется, не питала сочувствия и к действительным меньшинствам. Десять тысяч немецкоязычных анабаптистов, которые в XVII в. бежали от преследования из ряда европейских стран, на своей новой родине, в Моравии, переживали “золотой век”, но после 1620 г. были немилосердно изгнаны оттуда. Погибла своеобразная культура, которая могла обогатить всю Европу. Евреи были выдворены из королевских городов и сосредоточены в организованных государством гетто. Но самые суровые меры Габсбургская монархия предприняла против цыган. В первой половине XVIII в. политика геноцида по отношению к кочевникам-цыганам достигла апогея. Массовые репрессии против цыган, которые целенаправленно преследовались и подвергались казням, стали зловещим предзнаменованием цыганского геноцида во время Второй мировой войны. Тем не менее и в период действия драконовских законов кочевые цыгане и особенно их дети находили проявления милосердия и сочувствия со стороны униженного и зависимого населения чешской деревни.

В отличие от относительно слабых меньшинств чешский этнос имел довольно сильную социальную основу. Эта сила стала заметно проявляться в конце XVIII в., когда Чешские земли вступили в период модернизации. Падение гнета рекатолизации, отмена крепостного права, миграция сельского населения в города, индустриализация и оживленное предпринимательство, наряду с быстрым ростом образованности, начали менять картину отношений в Чехии и Моравии. Новому гражданскому обществу уже не требовалась защита дворянства, ибо оно опиралось на образование, предпринимательство и творческие способности людей “низкого” происхождения.

Благородная идея чешско-немецкого гуманиста Бернардо Больцано о том, что бы чехи и немцы составили единый двуязычный земский народ (Böhmen), оказалась только красивой утопией. Ни господствовавшие немцы, ни подчиненные им чехи не проявляли к ней интереса. Чехи в XIX в. не принимали заметного участия в политическом управлении страной, но зато за три поколения стали в экономическом отношении самой динамической нацией Габсбургской монархии. Если в начале XIX в. они были отверженными плебейми, то в конце его стали опасными конкурентами австрийских немцев. Это наглядно продемонстрировала юбилейная земская выставка в Праге в 1891 г., в которой немецкие предприниматели отказались участвовать потому, что иначе были бы вынуждены признать, что из господствующего сословия превратились снова в меньшинство в Чешских землях.

Мирное сосуществование больших и малых народов в многонациональном государстве Центральной Европы в то время еще не исчерпало своих возможностей, разумеется, при условии справедливой федерализации Габсбургской монархии. Представители немецкого этноса, однако, готовы были пойти на уравнивание в правах только с венграми, в то время как усилия чехов по признанию их государственно-правового статуса даже в рамках Великой Австрии поддержать отказались. Чешское этническое большинство в Чешских землях должно было и далее оставаться неполноправным меньшинством в рамках всей монархии. Поскольку австрийским немцам не удалось достичь численного перевеса над чехами и другими славянскими народами, подавление Чехии должно было обеспечить превращение Габсбургской монархии в объединенную вторую Германскую империю. В связи с этим во второй половине XIX – начале XX в. нарастало недовольство Австрией со стороны чеш-

ской интеллигенции, приобретшей новое самосознание. Но только террор, который австрийское правительство развернуло против чехов во время Первой мировой войны, укрепил их решимость отделиться от Габсбургской монархии.

Распад Австро-Венгрии и возникновение стран-наследниц в 1918 г. изменил положение меньшинств в Центральной Европе. Новая Чехословацкая республика не была ошибочной конструкцией (*Fehlkonstruktion*), как утверждали ее недруги, а напротив – попыткой урегулировать хаос этнических отношений после Первой мировой войны. Она, конечно, не была лишена многих недостатков и проблем. В ее основу были положены комбинация из двух в значительной мере противоположных принципов – естественного права на самоопределение титульной нации и исторического государственного права. Вследствие этого ее лидеры должны были оперировать конструкцией чехословакизма (единой нации чехов и словаков) и предпочесть форму унитарного государства, чтобы ослабить центробежные тенденции национальных меньшинств, которые проживали на территории Чехословакии. Следует признать, что за два десятилетия между Первой и Второй мировыми войнами, эта задача не была решена, но одновременно добавить, что с трудной проблемой национальных отношений в тогдашних неблагоприятных политических условиях не справилось ни одно государство Центральной Европы.

Первая Чехословацкая республика не смогла удовлетворить все притязания этнических меньшинств – немцев, венгров, поляков и русин. Но она создала для них благоприятные условия демократического развития, обеспечила высокий уровень школьного дела у меньшинств, возможность существования различных обществ и представительств, что не могло гарантировать своим меньшинствам ни одно из соседних государств. Она дала возможность представителям меньшинств достойно участвовать в управлении государством и поддерживала усилия по пополнению меньшинств демократами, которые были вынуждены бежать от диктаторских режимов. Чехословакия стала новой родиной как для русских и украинцев, которые бежали от диктатуры коммунизма, так и для немцев и австрийцев, которым угрожал нацизм. Экзаменом на аттестат зрелости в подходе к меньшинствам стало создание толерантной среды обитания для евреев, невзирая на то, на каком языке они говорили – на чешском или немецком. Только в открытой атмосфере межвоенной Праги могло вспыхнуть созвездие великих деятелей искусства – Ф. Кафки, Ф. Верфла и М. Брода, с одной стороны, или Э. Басса, К. Полачека и О. Гуттфройнда – с другой.

Трагедия политики Чехословакии по отношению к меньшинствам заключалась в том, что она не могла достаточно долгое время совершенствовать ее и доказать тем самым свою способность находить относительно удовлетворительные решения в условиях нестабильности Центральной Европы. Путь к стабилизации пресекла, разумеется, не Чехословакия, а нацистская Германия. Как недавно подтвердил известный австрийский историк А. Зуппан, первый цивилизационный перелом в этих отношениях возвестили мюнхенский диктат об отторжении чехословацкого пограничья в сентябре 1938 г. и оккупация Чехии и Моравии в марте 1939 г. Вследствие оккупации чехи снова превратились в подчиненное меньшинство в “новом порядке” третьего рейха. Они подверглись репрессиям: систематически истреблялась интеллигенция, политическая элита и все лица, симпатизировавшие антифашистскому движению Сопrotивления. Наибольшие преступления были совершены по отношению к чехословацким евреям и цыганам. Их должны были в корне истребить первыми, после них та же участь должна была постичь тех чехов, которые по расовым или политическим причинам не проявляли готовности к онемечиванию.

Шестилетний террор ликвидировал межвоенные усилия по чешско-немецкому сближению. Обоюдосторонняя ненависть обострилась тем более, что в самом конце войны наглядно проявились самые уродливые стороны нацистского режима: “марши смерти”, обнаружение известий о концлагерях и, наконец, уничтожение чешского гражданского населения подразделениями СС и фанатиками-нацистами. Было бы большой натяжкой даже по прошествии десятков лет утверждать, что мирное со-

существование могло наладиться вскоре после этих ужасов. В условиях военного и послевоенного хаоса произошел цивилизационный перелом в чешско-немецких отношениях. Это была расплата за преступления, приобретающая иногда страшные формы. Политизированные эсцессы касались преимущественно коллаборационистов, которых некогда нацисты привлекли на свою службу и которые теперь пытались найти алиби для оправдания своей жестокости. В возбужденной атмосфере происходило так называемое дикое изгнание немцев, которому, несомненно, подверглись и невинные люди.

Трагизм той эпохи заключался прежде всего в том, что Вторая мировая война притупила представления людей о справедливости и индивидуальной вине. Но войну и связанные с ней преступления вызвала гитлеровская Германия вместе со своим сателлитом – судетонемецкой партией Генлейна, сторонниками которой объявили себя каждые девять из десяти судетских немцев еще при существовании первой Чехословацкой республики. В этих условиях совместное проживание чехов и судетских немцев в одном государстве было невозможно, и потому абсолютное большинство немецкого меньшинства выселили в оккупированные зоны под управлением победивших держав антифашистской коалиции.

В современных дебатах критики переселения забывают о том, что примерно три миллиона судетских немцев, высланных из Чехословакии, составляли только четверть от общего числа немцев, изгнанных из стран Центральной и Восточной Европы, что это выселение расценивалось как самое оптимальное из возможных решений ситуации, спровоцированной Второй мировой войной и как гарантия против использования немецких меньшинств для развязывания новой войны; что это несомненно жесткое решение было одобрено державами-победительницами как составная часть усилий по преодолению последствий самой страшной войны в истории человечества.

ОПАСНОСТЬ НОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Критика выселения судетских немцев с точки зрения соблюдения прав человека сейчас, разумеется, возможна, но антиисторична. Обстановка, в которой произошло выселение немецкого населения, была усугублена тотальным попранием общественных и этических норм, причем те, кто принимал решение о переселении и реализовал его, не были виновны в их расшатывании, а, наоборот, стремились достичь новой европейской стабильности. Попытки провозгласить выселение геноцидом строятся на столь шатком аргументационном основании, что должны расцениваться как целенаправленная дезинформация и явная ложь.

Ярые критики послевоенной депортации немцев ныне сосредоточиваются исключительно на Чешской республике (в меньшей степени на Словакии и Словении) и целенаправленно абстрагируются от других государств, от которых справедливо ожидают решительного отпора. В чешском случае они пытаются связать мнимую вину за выселение немцев с несправедливым утверждением об участии чехов в истреблении цыган, а в последнее время даже с утверждением об участии “чешских четников” в уничтожении Лидице. В данном случае не представляется возможным проанализировать всю намеренную дезинформацию, поэтому сделаем хотя бы небольшое примечание к последнему утверждению.

Уничтожение Лидице в июне 1942 г. в отместку за покушение на заместителя имперского протектора Р. Гейдриха является далеко не единственным нацистским зверством такого масштаба, в котором участвовали представители СС не только из Германии, но и из Австрии и Судетской области. Но Лидице стала одним из символов гитлеровского произвола на оккупированных землях и потому сейчас атака ведется именно в этом направлении. Утверждение о чешском участии основано на том, что в лидицкой акции участвовал один представитель полиции протектората, который, однако, задолго до оккупации Чешских земель нацистами объявил себя представителем немецкой народности. Этого ненавистного коллаборациониста вскоре после па-

дения нацистского режима линчевали и повесили на месте его предательской деятельности в Кладно (недалеко от уничтоженной Лидице). Интересно в этой связи посмотреть, можно ли этого преступника, ныне целенаправленно связываемого с чехами, одновременно включить в многократно завышенную статистику “невинных” жертв чешского произвола?

Судьба Лидице и пример одного выродка – чешско-немецкого коллаборациониста, составляет лишь малый фрагмент мозаики общей картины порой дружественных, порой, к сожалению, очень конфликтных отношений между чешским большинством и немецким меньшинством в Чешских землях. Это песчинка в море трагической истории Европы первой половины XX в., которая никак не соответствовала позднейшему пониманию прав человека. Произвольная трактовка этой истории развертывается в плоскости “святой лжи”. Так же как отрицание Холокоста, небезопасно и отрицание ответственности за преступления, совершенные представителями своего народа. Сожаление о том, что при выселении судетских немцев пострадали многие невинные люди, неоднократно звучало из уст президента Чешской республики. С другой стороны, однако, нельзя допустить, чтобы чехи под давлением современной политической пропаганды взяли на себя вину за ход и последствия Второй мировой войны. Во всяком случае любое насильственное принуждение к этому не осталось бы только их личным делом. Из-за этого мог бы разгореться пожар, который однажды уже охватил всю Европу.

СЛОВО В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные политики и политически ангажированные публицисты с большой охотой используют целенаправленно избранную “историческую аргументацию” для подкрепления своих актуальных сегодня утверждений и намерений. Это прежде всего касается истории меньшинств. Критически мыслящий историк должен проявлять особую сдержанность. Пока же считаем уместным сделать два предостерегающих вывода:

1. Отношения большинства населения и этнических меньшинств в Чешской республике (так же как и в любом другом государстве) являются следствием очень сложного динамичного процесса и имеют глубокие корни; попытки реституции (особенно правовой и имущественной) этнических отношений, которые существовали три и более поколений назад на пороге Второй мировой войны, не реальны; более того, речь идет о материале столь взрывоопасном, что настаивание на проведении такой реституции могло бы привести к полной дестабилизации Центральной Европы, и даже к новой военной катастрофе.

2. Хотя современная ситуация отношений большинства и меньшинств имеет исторические корни, их дальнейшее развитие является объектом долговременной культивации в будущем; селекционное использование истории для взаимных обвинений и оживления старых обид может стать удобным инструментом для краха подобных усилий.

История международных отношений и конфликтов и особенно история меньшинств, является чрезвычайно важной темой исторического исследования, популяризации и обучения истории. Очень часто она становится жертвой политических интересов и инструментом политической борьбы. Поэтому историки и учителя истории должны стремиться к объективной трактовке проблем меньшинств в их историческом контексте. Дело чести ученых и педагогов – воспрепятствовать использованию этой исторической тематики против жизненных интересов настоящих и будущих поколений.

Ярослав Панек, председатель Содружества историков Чешской республики.

(Текст лекции, произнесенной на английском языке на Европейском конгрессе учителей истории в Праге 13 марта 2002 г.).

Перевод *М.Ю. Досталь*

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РУСИН И ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ

Изучение истории русин относительно молодо, началось только в середине XVIII в. Историографические же работы начали появляться только с конца XIX в. [1] Философские идеи просветителей, развитые в эпоху романтизма, стали основой национального возрождения безгосударственных народов Центральной Европы. Поскольку русины в прошлом не только не имели своего государственного образования, но и их территория не составляла отдельную административную единицу в государствах, в которые она входила, то единственной структурной единицей оставалась церковь и церковная организация. Соответственно и первые исторические работы касались прежде всего истории церкви. Появление их вызвано противостоянием между Мукачевской греко-католической епархией и римско-католическим Эгерским епископом, претендовавшим на патронат или юрисдикцию над Мукачевской епархией.

Первыми из таких работ стали книга с изложением истории Мукачевской епархии известного просветителя при дворе императрицы Марии-Терезии в Вене словака А. Коллара [2] и труд подкарпатского историка, “Геродота” подкарпаторусинской историографии И. Базиловича [3], содержащий аргументацию аутентичности так называемой Грамоты Корятовича об основании Мукачевского монастыря. Эти историки сформулировали пять основных тезисов, ставших основой романтической концепции истории русин, а именно: 1) русины жили в Дунайском бассейне еще в I в. н.э.; 2) русины были христианизованы до прихода Кирилла и Мефодия; 3) Мукачевская епархия была основана в VI в.; 4) независимое “руськое княжество” (Marchia Ruthenorum) существовало уже в начале IX в.; 5) приток “руських” колонистов продолжался в Угорскую Русь и позже, среди них были и крестьяне из Подолии, пришедшие сюда с князем Федором Кориатовичем (Корятовичем). На основании указанных тезисов делался общий вывод, что русины жили в Дунайском бассейне до прихода сюда мадьяр (896 г.) и, более того, имели уже свою Мукачевскую епархию. В XVIII в. эти идеи развивали в своих неопубликованных работах Даниил Бабила (“Historia Diocesana”), и Иоанн Пастелий (“Historia Diocesis Muncatsiensis”, “De origine Ruthenorum”).

Русины не имели своего летописания (таковым нельзя считать так называемые покрайние записи, или глоссы, сельских священников на полях книг умерших), но историки охотно использовали сообщения из венгерской хроники “Gesta Hungarorum” анонимного автора (Анонима) XII в., сообщения немецкого хрониста “Фульдских анналов” (IX в.), русского летописца “Повести временных лет”. Упоминание Анонимом легендарного русинского князя Лаборца, побежденного уграми, давало

возможность доказать не только автохтонность русинов в Центральной Европе, но и наличие у них княжества, т.е. традиции государственности, и поэтому сюжет о князе Лаборце стал чуть ли не обязательным в работах всех русинских историков эпохи романтизма [4] и деятелей русинского национального возрождения [5]. В этом же духе писали о ранней истории русин и венгерские историки конца XVIII – середины XIX в. [6].

Следует отметить, что в XX в. археологи подтвердили выводы о наличии славянских поселений на северных и южных склонах Карпат, в предгорье и в целом в Верхнем Потисье уже в середине I тыс. н.э. Некоторые из них считают, что славяне в Верхнем Потисье были прямыми наследниками земледельческой культуры кельтов как носители пшеворской и пряшевской культур и культуры карпатских курганов [7].

Романтической концепции ранней истории русин придерживались также русские историки славянофильского и неославянского направлений [8]. Все они не только приняли вышеуказанные пять тезисов русинской романтической интерпретации истории, но и значительно их расширили. Они считали подкарпатских русин частью единого русского восточноевропейского массива. Более того, некоторые (Н.Н. Надеждин, И.П. Филевич) считали Карпаты прародиной славян, центром древнерусской цивилизации.

К славянофильскому направлению интерпретации истории русин принадлежали также галицкие и буковинские русофилы [9]. Концепцию автохтонности русин, наличия их поселений в Карпатском ареале до прихода мадьяр развивали в 60-х годах XIX в. австрийский ученый Г.И. Бидерман, написавший первую европейского уровня научную историю русин [10], а также венгерский краевед, археолог Т. Легоцкий [11].

В конце XIX – начале XX в. европейская историческая наука переходит на позиции позитивизма, меняются акценты и во взглядах ученых на историю подкарпатских русин. Новая методологическая школа начинает систематическое выявление, публикацию и критический анализ документов, известных хроник. Русская позитивистская историография развивала тезис, выдвинутый еще в 40-х годах XIX в. русским ученым А.А. Куником о религиозном, а не этническом содержании терминов “Русь”, “русский” и об одновременном с мадьярами или более позднем появлении русин в Дунайском бассейне.

Такой взгляд сначала поддержал лингвист А.И. Соболевский [12], детально же его разработал в своих фундаментальных трудах по истории Угорской Руси петербургский историк А.Л. Петров [13]. Известные пять тезисов, на которых базировалась русинская историография, А.Л. Петров назвал чистой мифологией. Осуществляя на практике идеи позитивистской школы, русский ученый выявил, детально изучил и опубликовал документы по истории Угорской Руси. В своих аналитических трудах он назвал сообщение хроники Анонима легендой. Русины, по мнению Петрова, в силу географических условий не могли появиться в Дунайской котловине раньше XII в., соответственно никакого их государственного образования типа *Marchia Ruthenorum* не было, как и князя Лаборца.

Не были русины, по мнению А.Л. Петрова, связаны и с Великой Моравией и миссией Кирилла и Мефодия. Он развенчал также мифы о “русинском магнате” Петре Петуне и князе Федоре Кориатовиче (Корятовиче). Как установил А.Л. Петров, “национальный герой”, каким Петуня представляла и представляет русинская романтическая, марксистская и украинская историографии, вовсе не был ни “защитником православия”, ибо в этом в начале XIV в. не было необходимости, ни русинским воеводой. Он идентифицировал его с венгерским магнатом-католиком, королевским жупаном Петером Петё (Pető Péter), участником фронды феодалов против короля Карла Роберта из династии Анжу.

На основании палеографического анализа “фундационной грамоты”, данной будто бы подольским князем Кориатовичем Мукачевскому монастырю в 1360 г.,

А.Л. Петров объявил ее фальшивкой, хотя и очень ранней. Поселение в Угорской Руси 40 тыс. подольских крестьян, приведенных будто бы князем Кориатовичем, изгнанным из Подолии великим князем литовским Витовтом, считал чистым вымыслом, легендой. Ибо победитель, князь Витовт, не мог позволить, чтобы побежденный обесценил тем самым его победу. Да и переход такой массы крестьян не мог пройти незамеченным для хронистов конца XIV в. и остаться только в народных преданиях. По мнению русского историка-позитивиста творцом русинской истории были не мифические вожди и князья, а сам “карпаторусский народ” [14]. Критическая интерпретация русинской истории А.Л. Петровым не была принята ни русинской, ни украинской, ни русской неоромантической историографией начала XX в. по причине их сильной политизации.

По моему мнению, А.Л. Петров ошибся только в отрицании наличия славян в Дунайском бассейне до XII в., как и их христианизации византийской миссией. Он считал, что славяне в регион могли прийти только с востока, ибо были русскими, а восточные перевалы в Карпатах слишком трудны для массового перехода. Современный археологический материал свидетельствует об ином, а именно, о проникновении славян в Верхнее Потисье уже в первой половине I тыс. н.э. с востока, севера, запада и юга.

Позитивисткой интерпретации русинской истории придерживались также младшие современники А.Л. Петрова, русский историк Е. Перфецкий, эмигрировавший в Чехословакию после революции и гражданской войны в России и работавший в университете в Братиславе [15] и украинский историк Д.И. Багалея [16].

Венгерские историки использовали выводы и подход позитивистской школы для аргументации недоверности сообщений хроники Анонима о карпатских славянах и их вождях. С этого времени в венгерской историографии надолго утвердился тезис о цивилизаторской роли мадьяр в Дунайском бассейне, где они не нашли никакого государственного образования, а русин венгерские короли пригласили сюда намного позже как “гостей”, колонистов [17]. Эти же тезисы восприняли и популяризировали их в конце XIX – начале XX в. мадьяризованные русины [18].

Такие взгляды пытались развенчать украинские ученые В. Гнатюк [19], М. Грушевский [20], русинские историки конца XIX – начала XX в., которые упорно отстаивали указанные пять постулатов ранней истории русин [21].

После Первой мировой войны русины в целом и Подкарпатская Русь как часть Чехословакии вышли из политического небытия, что вызвало значительный интерес ко краю и его народу у исследователей и публицистов европейских стран, в частности во Франции [22], Италии [23], Великобритании [24], Германии [25] и Швейцарии [26]. В то же время в Чехословакии появилось значительное количество русских и украинских эмигрантов, в том числе и ученых из Петрограда, Москвы, Киева, Львова, Черновиц. Большинство из них обновляли старые, разбитые к этому времени позитивистской школой, тезисы ранней истории русин и создали неоромантическое направление в историографии Подкарпатской Руси. Разница между русскими и украинскими авторами была только в том, что первые считали русин самой западной ветвью “общерусского народа” [27], а вторые – самой западной веткой украинского народа [28]. Украинские историки всячески гиперболизировали государственное развитие русин в раннем средневековье, “находили” даже княжескую линию от Лаборца (IX в.) до Кориатовича (XIV–XV вв.) (В. Пачовский), широкие связи Подкарпатской Руси с Галицией, не брезговали даже прямой подтасовкой фактов, выдавая контакты А. Духновича, А. Добрянского с галицкими русофилами за их ориентацию на “украинское единство”, игнорировали антиукраинские настроения подкарпатских русинских будителей, как и подкарпатской русинской интеллигенции XIX – начала XX в.

В 1920-х годах украинские авторы еще мирились с терминами “русин”, “руський”, но уже в 1930-х решительно их отбросили, считая архаичными, идентичными определениям “украинец”, “украинский”. Но была одна проблема, где выступали вместе

как русские, так и украинские эмигрантские авторы. Они отрицали не только существование самобытного русинского народа, нации, но даже теоретическую возможность ее возникновения.

Большой интерес к восточной провинции Чехословакии проявили чешские ученые: историки К. Крофта, написавший сравнительный исторический очерк трех славянских народов республики, чехов, словаков и подкарпатских русин [29], Ф. Габриэл, автор серии исследований по истории Ужгородской доминии [30], географ Й. Крал, под редакцией которого в 1920-х годах вышли географическая библиография Подкарпатской Руси, имевшая в то время значение общей библиографии края, ряд монографических работ по истории и социоантропологии края [31]. Чешские ученые издали также антологии по проблемам Подкарпатской Руси [32]. В 1920-х годах видные чешские исследователи, такие как Л. Нидерле [33], В. Халоупеcki [34] склонялись к мысли об автохтонности славянского населения Подкарпатской Руси, его появление в крае относили к середине I тыс. н.э. Исходя из языковых данных, признавали его родство с восточнославянским массивом и конкретно с украинцами Галиции, Подолии и Поднепровья. Только во второй половине 1930-х годов некоторые из них [35] пришли к мысли о развитии самостоятельной этнической общности, русинского народа.

Непримиримую позицию занимала в межвоенный период венгерская историография, а именно историки так называемой школы “духовной истории” (szellemtörténeti iskola) Б. Гоман и Д. Секфю. Теория имела четко выраженный националистический характер и возникла как реакция на потерю Венгрией после Первой мировой войны двух третей земель Святостефанской короны. Например, Б. Гоман и Д. Секфю считали единственным государствообразующим народом в Дунайском бассейне мадьяр. Славянские народы, в том числе и русины, по их мнению, впервые заявляют о себе в этом регионе в XIII–XIV вв., а на политическую арену вступают только в XIX в. благодаря Габсбургам, которые использовали их в качестве противодействия политическим устремлениям венгров [36].

В конце XIX в. появился первый обобщающий очерк истории культуры русин, дополненный антологией литературных текстов, русинского ученого Е. Сабова [37], рассматривавший русинскую литературу как отдельное целое, независимое как от литературной жизни России, так и Украины. Русский ученый Е. Недзельский [38], как и галицкий русофил Ю. Яворский [39] считали подкарпатскую русинскую литературу отдельным разделом “общерусской” литературы. Е. Недзельский написал также монографическую работу (опубликованную под псевдонимом А. Изворинь [40]) по истории изобразительного искусства Подкарпатской Руси, а также по истории театра [41].

Среди украинских литературоведов первым проявил интерес к литературе Подкарпатской Руси, в частности XVII–XVIII вв. писатель и литературовед И. Франко [42]. Общую обзорную историю подкарпатской литературы написал галицкий украинский эмигрант, писатель, литературовед и педагог В. Бирчак [43], рассматривая ее, за исключением произведений некоторых русофилов, как составную часть украинской литературы. Он считал, что даже у А. Духовнича ценность представляют только работы, написанные на близком к народному, разговорному, языке.

Чешские литературоведы А. Гартл [44] и Ф. Тихи [45], анализируя историю подкарпатской литературы и современное ее состояние, признавали право на существование всех ее направлений, русского, украинского и русинского. В то же время считали ее составной частью украинской культуры.

Значительный интерес у историков и публицистов вызвал краткий период существования автономной Подкарпатской Руси (“Карпатской Украины”) в послевоенной Чехословакии (11.X.1938–15.III.1939). Первые работы по истории края этого периода имели мемуарный или публицистический характер [46]. Апологетический характер имеют воспоминания и публицистические работы политических деятелей “Карпатской Украины”, в частности С. Росохи [47], Ю. Ревая [48] и

А. Штефана [49]. Для придания значимости в среде эмигрантов из Восточной и Центральной Европы в США они распространяли миф о “Карпатской Украине” как государстве, которое они строили. Этот миф в деталях разработали позже П. Стерчо [50] и В. Шандор [51]. Работы этих авторов представляют собой смесь непрофессиональной исторической компиляции, воспоминаний маргинальных участников событий и национально предвзятой публицистики.

“Карпатской Украине” значительное внимание уделяли историки 60–70-х годов XX в.: украинский Ю. Сливка [52], чешский – Ф. Лукеш [53], словацкие – Ш. Фано [54], Л. Сушко [55], немецкий – Й.К. Хоэнш [56], польские – М. Кожминьский [57], М. Згурняк [58] и Э. Прус [59]. В отличие от эмигрантских авторов, указанные ученые рассматривают “Карпатскую Украину” как орудие Германии в расчленении Чехословакии.

После Второй мировой войны в Центральной и Восточной Европе доминирующей становится марксистская интерпретация истории карпатских русин. Ее распространению и утверждению способствует и институциональная обеспеченность, а именно, открытие в Ужгороде университета с историческим факультетом, педагогического, а вскоре философского факультета Прешовского университета им. П.И. Шафарика (Словакия) с кафедрами русистики, украинистики. Но именно в этот период, с 1945 до перестройки М. Горбачева история русин и Подкарпатской Руси подвергается систематической фальсификации и мистификации, практически перестает быть предметом объективного научного исследования. Их “анализ”, как правило, начинался с конечного результата, “воссоединения Закарпатья с матерью-Украиной”, к тому же “советской”. К этому тезису подтасовывались “факты” и события истории “закарпатских украинцев” [60]. Иной взгляд на эти же события дают в своих работах американские историки подкарпатского происхождения, придерживающиеся украинофильской ориентации: участник событий В. Маркусь [61] и В. Шандор [62]. Квалифицируя присоединение Подкарпатской Руси к СССР как следствие экспансионизма сталинской империи, они в то же время макиавеллистски его расхваливают как “завершение объединения всех украинских земель в одном государстве – УССР”.

Падение коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе, свыше 40 лет табуизировавших проблему Подкарпатской Руси, позволило чешским, русским и русинским историкам вернуться к раскрытию истинной картины ее “воссоединения” с советской Украиной. обстоятельно рассмотрели эту проблему в своих монографических работах чешские историки К. Каплан и Т. Брод [63]. Оба чешских историка считают потерю Чехословакией ее восточной провинции Подкарпатской Руси осенью 1944 г. следствием экспансионизма СССР. В то же время сам процесс аннексии Подкарпатской Руси они интерпретируют по-разному. Т. Брод видит в ней, с одной стороны, осуществление старых планов русских стратегов захвата важного плацдарма в Центральной Европе, за Карпатами. С другой стороны – передачу Подкарпатской Руси Советскому Союзу считает “первым взносом”, платой президента Э. Бенеша за поддержку Сталиным в период Второй мировой войны принципа восстановления Чехословакии в домюнхенских границах и депортации с территории республики немецкого населения.

К. Каплан считает, что аннексию Подкарпатской Руси Советским Союзом в 1944 г. ускорили “украинские националистические силы”, оказывавшие давление на Сталина! Подобная интерпретация проблемы встречается в высказываниях Э. Бенеша 1944–1945 гг., шокированного действиями советских властей в восточной провинции Чехословакии и внезапным, для него, изменением политики правительства СССР [64]. У Э. Бенеша, часто создававшего иллюзорные комбинации в тупиковых для него ситуациях, такое “объяснение” имеет какую-то логику. У К.Каплана, специалиста по проблеме функционирования коммунистической системы и принятия в ней принципиальных решений, такая интерпретация причин аннексии Подкарпатской Руси вызывает удивление. В системе, созданной Сталиным, инициатором ан-

некции части территории соседнего государства, к тому же союзника по антигитлеровской коалиции, мог быть только сам Сталин.

И уж совсем странно, когда “украинское давление” на Сталина в вопросе “воссоединения Закарпатской Украины с Советской Украиной” допускает в своей обстоятельной статье, хоть и очень осторожно, российский историк В.В. Марьина [65]. В целом же она считает “движение за воссоединение” в Подкарпатской Руси 1944–1945 гг. хорошо отработанным советскими службами спектаклем.

Другой российский историк – М. Россовская [66] и русинский историк И. Поп [67] в своих работах раскрывают двойственность политики президента Э. Бенеша в эмиграции в вопросе о будущем Подкарпатской Руси. С одной стороны, его готовность передать восточную провинцию республики СССР как плату за поддержку Сталиным чехословацкой эмиграции на международной арене. С другой – попытку удержать Подкарпатскую Русь в составе Чехословакии по крайней мере до момента урегулирования проблемы послевоенных границ Чехословакии с Германией, Польшей и Венгрией в смысле соблюдения принципа континуитета домюнхенских границ республики. И. Поп [68] раскрывает также закулисную сторону подготовки и осуществления аннексии Подкарпатской Руси Советским Союзом.

Полностью подтвердили экспансионистский характер политики СССР в вопросе судьбы Подкарпатской Руси новые публикации документов из российских архивов. Советско-украинский миф о “спонтанном движении за воссоединение” в Подкарпатской Руси осенью 1944 г. окончательно опровергают “рекомендации” московской “Комиссии по проблемам мирных переговоров и послевоенного устройства”, принятые в начале сентября 1943 г. и 9 марта 1944 г. об “уступке Чехословакии Подкарпатской Украины” Советскому Союзу [69].

Модифицированный марксистский вариант изложения этих событий дает в своей работе М.П. Макара [70]. Признавая, что “воссоединение” было результатом экспансии СССР, а “движением за воссоединение” управляли агенты НКВД, присланные из Москвы, он в то же время продолжает восхвалять “руководящую роль коммунистов Закарпатья”, “революционную прогрессивность изменений”, реанимирует давно дискредитированный и отброшенный исторической наукой в посткоммунистических странах термин “народно-демократическая власть”, “народно-демократический этап революции” и т.д.

После Второй мировой войны власти СССР занялись ускоренной “выработкой” политически приемлемой для них истории Подкарпатской Руси. Прежде всего необходимо было “исторически обосновать” факт вхождения Подкарпатской Руси в состав Киевской Руси в период раннего средневековья, что сделал в своей статье М. Лелекач [71]. Несмотря на “политический заказ” другой ученый И.Г. Коломиец [72], при всем марксистском схематизме, прямолинейности экономической детерминированности жизни русинского общества, как добросовестный фактолог не нашел тех “тесных связей Закарпатья с Украиной” на протяжении тысячелетней истории края, которые от него ожидали. В результате эта первая большая марксистская история Подкарпатской Руси признания не получила. К тому же изданная в Томске и словацком Прешове, в крае была мало известна даже специалистам.

Сухая схема экономической детерминированности была дополнена социально-романтическим ударением на “революционной, национально-освободительной борьбе”. Ужгородские, львовские, киевские историки-марксисты даже не задумывались над глубиной содержания таких понятий как “революция”, “революционный”, “нация”, “национальный”. В их изложении подкарпатский крестьянин чуть ли не с X в. “национально-освободительно” и “революционно” “боролся”, при этом лицом всегда был повернут на восток. В конце XIX – начале XX в. эта “борьба” становилась напряженнее, особенно “под влиянием Великой Октябрьской революции” и завершилась в 1945 г. “воссоединением с матерью – советской Украиной”. По этому сценарию писали все марксистские историки [73].

Историки советской Украины применяли марксистскую теорию экономического детерминизма и к более раннему периоду, сосредоточивали свое внимание на тематике “втягивания Закарпатья в капиталистические отношения” и сопровождавшее его “классовое расслоение”. И хотя эти процессы в истории русин и Подкарпатской Руси чаще всего нужно было “искать с помощью микроскопа”, тем не менее были написаны объемистые фактологические труды [74].

В марксистской историографии обновлены были романтические постулаты начала истории русин (“закарпатских украинцев”). Вся история Подкарпатской Руси до 1944 г. квалифицировалась как история колониального придатка Венгрии, Австрии, Австро-Венгрии, Чехословакии. Ее действующими лицами были “опрышки”, добрые разбойники, а по существу асоциальные элементы, и “революционные массы”. Только в конце 1950-х – начале 1960-х годов, в период “оттепели” Хрущева позволено было вспомнить имя А. Духновича, но только ученым нерусинского происхождения [75], или иностранцам [76]. М. Ричалка и О Рудловчак подготовили научное издание творческого наследия А.В. Духновича [77].

Важное место в историографии Подкарпатской Руси занимает история церкви. Серьезные научные труды по истории русинской церкви появились в начале XX в., в том числе общие работы А. Годинки [78], монографические труды Ш. Чипле [79], Е. Перфецкого [80], А.Л. Петрова [81] и В. Гаджеги [82]. Эта традиция научной разработки истории церкви была прервана в 1945 г. после установления советского режима в Подкарпатской Руси. Для марксистской историографии характерно было крайне отрицательное отношение к церкви. Особенно четко это проявилось в отношении греко-католической (униатской) церкви, которая считалась орудием Ватикана и иезуитов в православной среде. Иерархи и священнослужители этой церкви согласно марксистскому постулату тесно сотрудничали с властями в эксплуатации русинского народа. Эти тезисы последовательно доказывал в своих работах М.И. Болдижар [83].

Греко-католические священники и церковные деятели в эмиграции впадали в другую крайность, видели только положительную сторону в феномене греко-католицизма. Наиболее выразительно такие взгляды изложены в работах В. Бойсака [84], А. Пекаря [85], Ю. Кубини [86] и И. Сливки [87], а также в работах М. Лацка [88] и А. Барана [89]. История церкви Подкарпатской Руси стала предметом серьезных исследований в посткоммунистический период. В значительной мере это было связано с празднованием 350-летия Ужгородской Унии. Этой дате были посвящены научные конференции, по материалам которых были изданы два сборника [90]. Вышла также монография Ю. Коссея [91]. История Мукачевской и Пряшевской греко-католических епархий детально задокументирована в работах священников С. Бендаса, М. Федора и П. Штурака [92].

Исследований по истории православной церкви в Подкарпатской Руси сравнительно мало. До последнего времени единственным относительно детально изученным сюжетом была политика правительства венгерской части Австро-Венгрии к православию в связи с судебным процессом о “государственной измене” над православными русинскими крестьянами в Мараморош-Сигете (1913–1914). Сам процесс описан в очерках современника, известного русинского деятеля К.М. Бескида [93], работах историков М. Грабеца и Р. Голеца [94]. С начала 1990-х годов ученые начинают исследовать историю православия в более широком аспекте, в частности проблемы его организационного укрепления в межвоенный период [95], взаимоотношения с венгерскими властями в период Второй мировой войны [96]. Появилась и первая обобщающая работа по истории православной церкви Подкарпатской Руси [97].

Первые обобщающие работы советской марксистской историографии по истории Подкарпатской Руси появились в конце 60-х – начале 70-х годов XX в. [98]. Они должны были показать как достижения марксистской исторической науки в “Закарпатской области Советской Украины”, так и “достижения социализма”, но демонстрировали марксистский фундаментализм и непрофессионализм в изложении и ана-

лизе исторического процесса, абсолютную выхолощенность реальных событий истории.

В результате в Подкарпатской Руси (“Закарпатье”) после Второй мировой войны выросли два поколения, не знавшие, ни собственной истории, ни тем более ее смысла. За 45 лет исторический факультет Ужгородского университета так и не смог создать школу профессиональных историков. Профессора его, как и выпускники, были в лучшем случае механическими иллюстраторами марксистских схем. Исключение составили лишь археологи (Балагури Э.А., Котигорошко В.Г., Пеняк С.И., Попович И.И., Потушняк Ф.М., Потушняк М.Ф. и др.). Таким образом профессионально исследовалась на протяжении полувека практически только древнейшая история края. В этом плане интересные результаты были достигнуты и другими украинскими археологами, В.И.Гладилиным [99], систематически исследовавшим древнейшие палеолитические поселения в Центральной Европе: “Королево”, “Рокосово” и другие, М.Ю. Смишко, В.И. Бидзиля [100]. Им в значительной степени удалось отстоять свое автономное от тоталитарной пропагандистской машины и цензуры развитие [101].

В несколько иных условиях находились словацкие историки, исследовавшие историю русин в целом и Восточной Словакии в частности. Их профессиональная подготовка была выше, да и цензура не видела особой опасности для чехословацкой коммунистической системы в именах А. Духновича, А. Добрянского, А. Павловича и других русинских деятелей XIX в. Поэтому можно уверенно констатировать, что в этот период центрами исследования истории подкарпатских русин были не Ужгород, Львов или Киев, а Братислава, Прешов и Свидник. Уже во второй половине 50-х – начале 60-х годов XX в., после первого кризиса коммунистических режимов в странах Центральной Европы, наступило оживление в исторической науке и литературоведении. В трудах ученых Словакии, посвященных русинской тематике, при всей их марксистской фразеологии, видно живое русинское общество с его проблемами, лидерами, их программами, реальными политическими и социальными процессами [102].

О. Ставровский попытался продолжить разработку результатов, достигнутых в свое время позитивистской школой в трактовке раннесредневековой истории Верхнего Потисья вообще и Подкарпатской Руси и Пряшевщины в частности. Он подтвердил заселение славянами Карпатского ареала до X в., одновременно аргументировано отрицал возможность вхождения Подкарпатской Руси в состав Киевской Руси. На основании тщательного изучения сообщения хроник и документов того времени он пришел к выводу, что территория Восточных Карпат и их западного предгорья, населенная русинами, в период раннего средневековья была какой-то “terra indagines” между Киевской Русью, Польским и Венгерским королевствами. Киевские князья к территории за Карпатами интереса не проявляли. Включение территории Подкарпатской Руси в состав Венгерского королевства произошло сравнительно поздно, в XII–XIII вв., завершено было только в начале XIV в.

Л. Гараксим подверг тщательному анализу сущность русинского национального движения в середине XIX в. как и национального возрождения русин, констатировал кратковременность и ограниченность последнего. Эту же тему он разработывал и позже [103]. Научная аргументация Л. Гараксима резко контрастировала с ортодоксальной марксистской трактовкой этой темы советским историком И.Н. Мельниковой [104]. Сравнительным методом проанализировал ситуацию в русинском обществе (при употреблении как дань времени и ситуации понятия “закарпатские украинцы”) в революции 1848–1849 гг. другой словацкий историк М. Данилак [105]. Выдающимся достижением русинистики этого периода было издание в Словакии (Прешов) “Наукового збірнику Українського музею в Свиднику”, 21 том которого был издан с 1965 до 1998 г. Наряду с важными исследованиями в области истории, языкознания, литературоведения и этнографии, в этом сборнике было опубликовано несколько ранее неизвестных или малоизвестных памятников русинской истории и культуры, в частности поэзия философа В. Довговича, грамматика А. Коцака,

дневники А. Духновича и шеститомный труд (на латинском языке параллельно с украинским переводом) “Historia Carpatho-Ruthenorum. Sacra et civilis” (“Історія карпатських русинів”) Михаїла Лучкая.

Историю карпатских русин второй половины XIX – начала XX в. исследовали также ученые других стран. В Венгрии анализировал социально-экономические отношения в крае в XIX в. Й. Перени [106], его бывшая студентка М. Маер сконцентрировала внимание на исследовании деятельности русинских будителей с одной стороны, и мадьяризованных русин (мадьяронов), пытавшихся мадьяризовать греко-католическую церковь и русинов в целом – с другой [107]. В Германии фундированную монографию о русинском национальном движении во второй половине XIX в. издал историк подкарпатского происхождения И. Жегуц [108]. Самая крупная работа по истории Подкарпатской Руси XIX – первой половины XX в. написана была американским историком П.Р. Магочи. Выход этой работы способствовал знакомству с русинской проблематикой широких кругов общественности Северной Америки, инициировал изучение этой проблемы в разных ее аспектах несколькими молодыми учеными [109]. Его перу принадлежит и очерк по истории русин Пряшевщины [110].

Важным центром русинистики с 1980-х годов стала кафедра украинской и русинской филологии Высшей педагогической школы им. Дьердя Бешенеи в Ниредьгазе (Венгрия). За весьма краткий период кафедра под руководством профессора И. Удвари выполнила работу, к которой даже не приступал исторический факультет Ужгородского университета, а именно, публикацию и анализ аутентичных документов по истории русин вообще и Подкарпатской Руси XVIII–XIX вв. в частности. По этой проблематике И. Удвари написал несколько монографических работ [111], издал перепись русинского населения Мукачевской епархии 1806 г. [112], подготовил и опубликовал работы по истории, языку и этнографии А. Годинки, оставшиеся в рукописях [113], а также сборник статей о научной деятельности этого видного венгерского ученого русинского происхождения [114].

Как видно из вышесказанного, в разных странах вышли фундированные работы по истории русин. На Украине же историки в своем большинстве остаются в состоянии закомплексованности марксистскими идеями, поэтому не могут понять иную, кроме марксистской, методологию и не в могут воспринять концепции ученых других стран. Свидетельством этого является двухтомная история края с древнейших времен до 1945 г., вышедшая под редакцией И. Гранчака [115]. Историческая наука на Украине сильно отмечена беллетризацией и национальным неоромантизмом. Примером таких “исследований” являются многочисленные работы по истории “Карпатской Украины” ужгородского историка М. Вегеша [116], представляющие собой смесь исторической компиляции с провинциальной национально-романтической публицистикой. На порядок выше в стремлении отбросить марксистские стереотипы работы Р. Официнского [117], а также статьи его младших коллег, опубликованные в издававшемся им сборнике “Молодь-Україні” (Т. 1–10, 1994–1996).

В Ужгороде появились также историографические работы украинских ученых, но профессиональный уровень имеют только работы О. Мазурка [118]. Более характерными являются работы Д. Данилюка, в которых он демонстрирует понимание историографии только как суммы библиографических данных об отдельных историках и исторических деятелях. К тому же в них отсутствует научная объективность, ибо написаны они с позиций украинского национального неоромантизма [119]. Украинские авторы не признают национальной самобытности русин, а поэтому не вносят ничего нового в понимание сути их истории. Резко контрастируют с подобными “трудами” историографические работы американского историка П.Р. Магочи, его обстоятельный очерк [120], вступительные статьи к его “национальной библиографии” русин в мире [121].

Попытки некоторых историков вести научную дискуссию [122] оставляют глухими украинских национальных неоромантиков. В то же время антирусинские памфлеты киевского литературоведа О. Мишанича, словацкого прешовского историка

И. Ваната, писателя Ю. Бачи, американского историка В. Маркуся приобретают крайне агрессивную форму [123].

Количественное расширение исторической русинистики бесспорно содействует повышению ее качественного уровня. В результате проблемы истории малого народа, подкарпатских русин, стали составной частью мировой исторической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Zsátkovics K.* A magyarországi oroszok történetírásának történelme // *Századok*. Budapest, 1890. XXIV (перевод на укр. язык: *Жаткович Ю.-К.* Історія історіографії угорських русинів // Карпатський край. Ужгород, 1999. № 1–3 (119); *Филевич И.П.* “Угорская Русь” и связанные с ней вопросы и задачи русской исторической науки // Варшавские университетские известия. Варшава, 1894. V. 3; *Францев В.А.* Обзор важнейших изучений Угорской Руси // Русский филологический вестник. Варшава, 1901. Т. XLV. № 1–2; *Перфецкий Е.* Обзор угорорусской историографии // Известия ОРЯС. С-Пб., 1914. Т. XIX. № 1; *Perfekij J.* Nejdůležitější studie o dějinách Podkarpatské Rusi // *Sborník filozofické fakulty university Komenského*. Bratislava, 1922. Т. 1. № 6; *Яворский Ю.А.* Из истории научного исследования Закарпатской Руси. Прага, 1928; *Петров А.Л.* Задачи угорорусской историографии. Прага, 1930; *Контратович И.* Нови пути подкарпатской историографии // *Зоря-Најнал*. Ужгород, 1941. I. № 1–2; *Racz J.A.* La developpment de la litterature historique carpatho-ukrainienne // *Revue d’histoire comparee*. Paris, 1944. Vol. XXII; *Коломиец И.Г.* Историография, источники и литература // Социально-экономические отношения и общественное движение в Закарпатье во второй половине XIX ст. Томск, 1962. Т. II; *Пальок В.* Історія Закарпаття в українській радянській історіографії. Ужгород, 1974; *Данилюк Д.Д.* Історіографія Закарпаття в новітній час (1917–1985). Львів, 1987; *Олашин М.В.* Проблеми історії Закарпаття в працях російських істориків. Ужгород, 1996; *Досталь М.Ю.* Проблеми закарпатського національного відродження в трудах русских и украинских эмигрантов в межвоенной Чехословакии // *Славяноведение*. 1997. № 6; *Harna J.* Česká a slovenská historiografie a publicistika o Podkarpatské Rusi // *Česko-slovenská historická ročenka* 1997. Brno, 1997; *Danilák M.* Ukrajinská historiografia po 2. svetovej vojne o dejinách Podkarpatskej Rusi // *Česko-slovenská historická ročenka* 1997. Brno, 1997; *Zilynskiy B.* Poznámky k českému výzkumu dějin meziválečné Podkarpatské Rusi // *Česko-slovenská historická ročenka* 1997. Brno, 1997; *Мандрюк І.О.* Закарпаття в працях російських істориків та публіцистів кінця XIX – початку XX ст. // Міжнародні зв’язки України. Київ, 1997. Вип. 6; *Ткачук О.* Досягнення угорських вчених Закарпаття кінця XIX – початку XX ст. у вирішенні проблеми заселення та початкового періоду історії краю // *Науковий Вісник УжУ*. 1999. Серія Історія. Вип. 4; *Данилюк Д.* Історична наука на Закарпатті (кінець XVIII – перша половина XX ст.). Ужгород, 1999.
2. *Kollar A.* Humillium promemoria de ortu, progressu et in Hungaria incolatu gentis Ruthenicae. 1749.
3. *Basilovits J.* Brevis Notitia Foundationis Theodori Koriathovits, olim Ducis de Munkacs, pro religionis Ruthenis Ordinis Sancti Basilii Magni, in Monte Csernek ad Munkatcs, Anno MCCCCLX Factae. 1799–1805.
4. *Орлай И.* История о Карпато-Россах или о переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся. СПб., 1804; *Гуца-Венелин Ю.* Несколько слов о Россиянах Венгерских, и также одно словцо историческое о православной Греко-Восточной Церкви в Венгрии. М., 1822; *Lutskaj M.* Historia Carpatho-Ruthenorum. Sacra et civilis (рукопись), (перевод на укр. язык: М. Орос; *Михайло Лучкай.* Історія карпатських русинів. // Наукові записки Музею української культури в Свиднику. 1983–1998. Т. 11, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 21., отдельным изданием Т. I, II. Ужгород, 1999–2000.
5. *Духнович А.* Истинная история Карпато-Россов или Угорских Русинов // *Русский Архив*. 1914. Т. 52. № 4–5. *Добрянский А.* О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира // *ЖМНП*. СПб., 1880. Т. 208; *Дулишкович И.* Исторические черты Угро-Русских. Ужгород, 1874–1877. Т. 1–3.
6. *Décsy A.* Az magyar oroszokról valy igen rövid emlélkedés. Kassa, 1797; *Mészáros K.* A magyarországi oroszok története. Budapest, 1850.
7. *Budínský-Krička V.* Velký Šariš v pravku a na prahu dejin // *Nové obzory*. Prešov, 1974. R. 16; *Смішко М.Ю.* Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери. Київ, 1960.

8. *Надеждин Н.И.* Записка о путешествии по южнославянским странам // ЖМНП. СПб., 1842. Т. 34; *Срезневский И.И.* Русь Угорская: отрывок из опыта географии русского языка // Вестник императорского русского географического общества. СПб., 1852. Т. 1. № 1–2; *Игумен Арсений.* Русские в Венгрии // ЖМНП. СПб., 1868. Т. 138; *Деволлан Г.А.* Угорская Русь: исторический очерк. М., 1878; *Филевич И.П.* Очерк карпатской территории и населения // ЖМНП. СПб., 1895. Т. 298. № 4, 5; *Липранди А.П.* Забытый уголок Русской земли (Угорская Русь) // Русская беседа. СПб., 1896. Т. 2. № 4; *Францев В.А.* (Путник). Современное состояние Угорской Руси // Русский вестник. М., 1900. Т. 2; *Василевский Л.* Венгерские “руснаки” и их судьба // Русское богатство СПб., 1914. № 3; *Аристов Ф.Ф.* Карпаторусские писатели. М., 1915. Т. 1; *Бахтин Н.Н.* Угорская Русь. Пг., 1915.
9. *Терлецкий В.* Угорская Русь и возрождение сознания народности между русскими в Венгрии. Киев, 1874; *Головацкий Я.О.* Карпатская Русь: Географическо-статистические и историко-этнографические очерки // Славянский сборник. СПб., 1875. Т. 1; *Головацкий Я.О.* Карпатская Русь: Историко-этнографический очерк // ЖМНП. СПб., 1875. Т. 179. № 2; *Свенцицкий И.С.* Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в 1-ой половине XIX в. // Известия ОРЯС. СПб., 1906. Т. 11. Кн. 3; *Купчанко Г.* Угорская Русь и ее русские жители. Вена, 1897; *Свицун Ф.И.* Венгерская Русь. Иллюстрированный русско-американский календарь на 1913 год. Олифант, 1912.
10. *Bidermann H.* Die ungarische Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb, und ihre Geschichte. Innsbruck, 1862–1867. Bd. 1–2.
11. *Lehoczky T.* Beregvármegye monografiája. Ungvár, 1881–1882. Т. 1–3.
12. *Соболевский А.И.* Как давно Русские живут в Карпатах и за Карпатами // Живая старина. СПб., 1894. Т. 4.
13. *Петров А.Л.* Материалы для истории Угорской/Закарпатской Руси. СПб., 1905. Вып. I. СПб., 1906. Вып. II. СПб., 1908. Вып. III. СПб., 1909. Вып. IV. СПб., 1911. Вып. VII; Пг., 1914. Вып. VIII; Прага, 1923. Вып. IX; *Петров А.Л.* Статьи об Угорской Руси // Записки историко-филологического факультета Имп. Санкт-Петербургского университета: Приложение к 81 части. СПб., 1906.
14. *Петров А.Л.* Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии 1391–1498 г. Прага, 1930.
15. *Перфекций Е.Ю.* Угорська Русь-Україна в першій половині XVII віку. Київ, 1917. Кн. 3–4; *Perfekcij E.* Hlavné vyvojove stupně v církevných dejinách Podkarpatskej Rusi. Bratislava, 1924. Т. 8; *Perfekcij E.* Sociálně-hospodářské poměry Podkarpatské Rusi ve století XIII–XV. Bratislava, 1924; *Perfekcij E.* Podkarpatská Rus ve století XIII–XV. Praha, 1995.
16. *Багалея Д.* Очерки из русской истории. Харьков, 1911. Т. 1.
17. *Karácsonyi J.* The Formation of the Nationalities in Hungary. Bern, 1919; *Karácsonyi J.* A görög-katholikus magyarok eredete. Budapest, 1924.
18. *Hodinka A.* A munkási görög katolikus püspökség története. 1910; *Сокырницький Сирохан (Годинка А.)* Утцюзнина, газдуство и прошлость южнокарпатських русинув. Будапешт, 1922; *Hodinka A.* A kárpátaljai rutének lakhelye és multjuk. Budapest, 1923; *Hodinka A.* L'habitat, l'économie, et le passé du peuple ruthene // Revue des études hongroises et finno-ougriennes. Paris, 1924; *Hodinka A.* The Home of the Ruthenian People // Oxford Hungarian Review, 1922; *Hodinka A.* Rákóczi Ferenc fejedelem és a gens fidelissima. Pécs, 1937; *Bonkáló S.* A magyar rutének. Budapest, 1920; *Bonkáló S.* Die ungarländische Ruthenen // Ungarische Jahrbücher. Berlin, 1922. Bd. I; *Bonkáló S.* A Rutének. Budapest, 1940; *Sztripszky H.* Jegyzetek a görög kultura Árpádkori puomairól. Budapest, 1913; *Стрипський І.* Заблудилим сынам Подкарпатя // Литературна неділя. Унгар, 1941. № 14.
19. *Гнатюк В.* Русини Пряшівської єпархії і їх говори // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1900. Т. 35; *Гнатюк В.* Словаки чи Русини: Причинок до вьяснення спору про національність західних русинів // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, Львів, 1901. Т. 42. № 4.
20. *Грушевський М.* Історія України-Руси. Київ, 1913. Т. I.
21. *Гаджега В.* Додатки до історії Русинів и руських церковей. Ужгород, 1922–1937 гг.; *Кондратович И.* Історія Подкарпатської Русі для народу. Ужгород, 1924; *Кондратович И.* К истории стародавнего Ужгорода и Подкарпатской Руси до XIV в. Ужгород, 1928; *Бескид Н.* Карпаторусская древность. Ужгород, 1928; *Beskid N.* Karpatorusskaja pravda. Homsted, Pensilvania, 1933; *Гаджега Ю.* Два исторических вопроса: старожилы ли карпатороссы и о началах христианской религии на Подкарпатской Руси. Ужгород, 1928.

22. *Garennie D.* La Ruthenie tchecoslovaque: Russie subcarpathique // *Annales de geographie*. Paris, 1924. T. 33; *Martel R.* La Ruthenie subcarpathique. Paris, 1935; *Mousset J.* Les villes de la Russie subcarpathique (1919–1938): l'effort tchecoslovaque // *Travaux publics par l'institut d'études slaves*. Paris, 1938. T. XVIII.
23. *Giusti W.* La Russia subcarpathica e la sua letteratura // *Revista di letterature slave*. Roma, 1926. T. 1. 1–2; *Scrimali A.* La regione autonoma della Rutenia dopo il trattato di San Germano. Palermo, 1938; *La Ruthenie subcarpathique et l'Etat tchecoslovaque*. Paris, 1938.
24. *Macartney C. A.* Ruthenia // *Hungary and Her Successors. The Treaty of Trianon and its Consequences*. 1919–1937. London, 1937.
25. *Paneth P.* Umbruch im Osten: ein Tatsachenbericht aus Karpatorussland. Wien, 1937; *Ballreich H.* Karpatorussland: Ein Kapitel tschechischen Nationalitätenrecht und tschechischen Nationalitätenpolitik. Heidelberg, 1938.
26. *Dami A.* La Ruthenie subcarpathique. Geneve, 1944.
27. *Петров А.Л.* К вопросу о словенско-русской этнографической границе. Ужгород, 1923; *Вергун Д.Н.* Карпаторусская литература: краткий очерк. Прага, 1925; *Павлович Н.* Русская культура и Подкарпатская Русь. Ужгород, 1926; *Лукович А.* Национальная и языковая принадлежность Подкарпатской Руси // *Карпатский свет*. 1929. Т. 2. № 1; *Францев В.А.* К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси. Ужгород, 1924; *Францев В.А.* Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX ст. Ужгород, 1930; *Попов А.В.* Карпаторусские достижения. Мукачево, 1930; *Kochannyj-Goralčuk K.* Podkarpacké Rus v minulosti a přítomnosti. Praha, 1931.
28. *Дорошенко Д.* Угорська Україна. Прага, 1919; *Пачовский В.* История Подкарпатской Руси. Ужгород, 1920; *Пачовский В.* Срібна земля: Тисячоліття Карпатської України. Львів, 1938; *Мишуга Л.* Підкарпатська Україна. Сучасний стан. Відень, 1921; *Гнатюк В.* Чи закарпатські українці автохтони? // *Літературно-науковий вістник*. Львів, 1922. Т. 76. № 3; *Творицло М.* (Ортоскон) Державні змагання Прикарпатської України. Ужгород, 1924; *Мицюк О.* Нариси з соціально-господарської історії б. угорської, нині Підкарпатської Русі. Ужгород, 1936. Т. I. Прага, 1938. Т. 2.
29. *Krofta K.* Podkarpacká Rus a Československo. Praha, 1935; *Krofta K.* Ruthenes, Czechs, and Slovaks // *Slavonic and East European Review*. London, 1935. T. 13.
30. *Gabriel F.* Vývoj kolonisace drугetovského panství užhorodského // *Науковий збірник товариства "Просвта"*. Ужгород, 1932. Т. 9; *Gabriel F.* Selský stav v užhorodském komorním panství na sklonku XVIII. století // *Sborník Zemské musejní společnosti v Užhorodě*. Užhorod. 1932; *Gabriel F.* Poddanské poměry na užhorodském panství ke konci XVII. století // *Науковий збірник товариства "Просвіта"*. Ужгород, 1934. Т. 10; *Gabriel F.* Pohyb obyvatelstva v byvalé užské župě v první polovici 18. století // *Науковий збірник товариства "Просвіта"*. Ужгород, 1935. Т. 11.
31. *Král J.* Boržava v Podkarpacké Rusi. Bratislava, 1932. Т. I; 1933. Т. II. 1936. Т. III.
32. *Chmelář J., Klíma S., Nečas J.* Podkarpacká Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. Praha, 1923; *Podkarpacká Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpacké Rusi*. Bratislava, 1936.
33. *Niederle L.* Počátky Karpatské Rusi. Praha, 1922.
34. *Chaloupecký V.* Dvě studie k dejinám Podkarpacka, Praha, 1925.
35. *Húsek J.* Rodi se podkarpatoruský národ // *Podkarpatoruská revue*. Bratislava, 1936.
36. *Homán B., Szekfű G.* Magyar történet. Budapest, 1928–1934. 1–8 k.
37. *Сабов Е.* Христоматія церковнославянских и угро-русских литературных памятников. Унгар, 1893.
38. *Недзельский Е.* Очерк карпаторусской литературы. Ужгород, 1932.
39. *Яворский Ю.* Значение и место Закарпатья в общей схеме русской письменности. Прага, 1931.
40. *Изворинь А.* Сучасни руски художники // *Зоря-Најнал*. 1942. № 1–2. 1943. № 1–4.
41. *Недзельский Е.* Угро-русский театр. Унгар, 1941.
42. *Франко И.* Карпато-руське письменство ХУ –ХУ I вв. // *Записки Наукового Товариства ім. Шевченка*. Львів, 1900. Т. 37–38; *Франко И.* Студії на полі карпаторуського письменства XVIII в. // *Записки Наукового Товариства ім. Шевченка*. Львів, 1901. Т. 41.
43. *Бирчак В.* Літературні стремління Подкарпатскої Русі. Ужгород, 1921, 1937.
44. *Hartl A.* Literární obrození podkarpackých Rusinů v letech 1920–1930. Praha, 1930; *Hartl A.* Die literarische Renaissance der Karpathoruthenen. Prag, 1932.

45. *Tichý F.* Dějiny podkarpatsko-ruského literárního spolku přešovského // Slovenske pohľady. 1924. T. 40.; *Tichý F.* Podkarpatsko-ruské písemnictví v dvojím zrcadle // Slovanský přehled. Praha, 1926. T. 18.
46. *Winch M.* Republic for a Day: An Eyewitness Account of the Carpatho-Ukraine Incident. London, 1939; *Lapica M., Lapica R.* Republic for a Day // The Trident. Vol. III. № 4–5; *Galagan M.* My Last Days in Carpatho-Ukraine // The Trident. New York, 1939. Vol. III. № 7–10; *Бірчак В.* Карпатська Україна: спомини переживання. Прага, 1940.
47. *Росоха С.* Соём Карпатської України. Вінніпег, 1949.
48. *Reyay J.* The March to Liberation of Carpatho-Ukraine // The Ukrainian Quarterly. New York, 1954. Vol. 10. № 3.
49. *Štefan A.* From Carpatho-Ruthenia to Carpatho-Ukraine. New York, 1954.
50. *Стерчо П.* Карпато-Українська держава. До історії визвольної боротьби карпатських українців у 1919–1939 роках. Торонто, 1965; Львів, 1994; *Stercho P.* Diplomacy of Double Morality: Europe's Crossroads on Carpatho-Ukraine, 1919–1939. New York, 1971.
51. *Шандор В.* Карпатська Україна: зфедерована держава. Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Нью-Йорк, Т. CLXXVII; *Sandor V.* Carpatho-Ukraine in the Twentieth Century: A Political and Legal History. New York, 1997.
52. *Сливка Ю.* Підступи міжнародної реакції на Закарпатті в 1938–1939 рр. Львів, 1966.
53. *Lukeš F.* Podivný mír. Praha, 1968.
54. *Fano Š.* Zakarpatská Ukrajina v politických kalkuláciách susedných štátov v období Mnichova po marec 1939 // Slovenske študie. Bratislava, 1971. T. XI. Historia.
55. *Suško L.* Nemecká politika voči Slovensku a Zakarpatskej Ukrajině v období od septembrovej krízy 1938 do rozbitia Československa v marci 1939 // Československy časopis historický. Praha, 1973. Č. 2.
56. *Hoensch J.K.* Der ungarische Revisionismus und die Zerschlagung der Tschechoslowakei. Tübingen, 1967.
57. *Koźmiński M.* Polska i Węgry przed druga wojna światowa październik 1938- wrzesień 1939. Wrocław, 1970.
58. *Zgórnjak M.* Ukrajina Zakarpacka 1938–1939 // Ukrajínska myšľ polityczna w XIX wieku // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków, 1993. T. MLXXXVII. Prace Historyczne, 103.
59. *Prus E.* Ukrajina Zakarpacka w polityce Trzeciej Rzeczy w latach 1938–1939 // Ślaskie Studia Historyczne. Katowice, 1977. T. 3.
60. *Есеев И.Ф.* Народные комитеты Закарпатской Украины – органы государственной власти (1944–1945). М., 1954; *Хайнас В.В.* Роки великих подій: боротьба трудящих Закарпаття під керівництвом комуністичної партії за возз'єднання з Радянською Україною (1944–1945). Ужгород, 1959; *Троян М.В.* Того дня зійшло сонце возз'єднання. Ужгород, 1979, 1997.
61. *Markus V.* L'incorporation de l'Ukraine subcarpathique 1944–1945. Louvain, 1956; *Маркусь В.* Приєднання Закарпатської України до Радянської України (1944–1945). Київ, 1992.
62. *Sandor V.* Annexation of Carpatho-Ukraine to the Ukrainian SSR // The Ukrainian Quarterly. New York, 1957. Vol. XIII. № 3.
63. *Kaplan K.* Pravda o Československu 1945–1948. Praha, 1990; *Brod T.* Moskva – objetí a pouto. Československo a Sovětský Svaz v letech 1939–1945. Praha, 1992.
64. *Táborský E.* Prezident Beneš mezi Západem a Východem. Praha, 1993.
65. *Марьина В.В.* К событиям в Подкарпатской Руси (Закарпатской Украине) осенью 1944 – зимой 1945 г. // Славяноведение, 2001. № 3.
66. *Россовська М.І. Й.* Сталін, Е. Бенеш і Закарпаття восени 1944 року // Carpatica – Карпатика. Актуальні питання історії, історіографії і культури країн Центральної і Південно-Східної Європи. Вип. 2. Ужгород, 1993.
67. *Pop I.* Problém Podkarpatské Rusi v Benešově zahraničně politické koncepci za druhé světové války // Velké dějiny malý národ. O dnešní české státnosti a o současném odkazu velkých dějin zemí české koruny a Československé republiky. Praha, 1995.
68. *Пон І.* Режисери і статисти. “Возз'єднання Закарпаття з Радянською Україною” в дзеркалі московських документів 1944–1945 рр. // Карпатський край. Ужгород, 1995. № 1–4 (110); *Пон І.* Як нас віддавали, або троянди для прислужників Мехліса. Прага 1945 року: урядові і парламентські дискусії навколо питання про передачу Закарпаття СРСР // Карпатський край. Ужгород, 1995. № 5–8, (111); *Pop I.* Podkarpatská Rus v Československé republice // Národnostní menšiny. Historické souvislosti některých aktuálních problémů v Evropě a v ČR. Praha, 2000.

69. Советский Союз и германский вопрос 1941–1949. Т. 1. Москва, 1996; Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. I. 1944–1948 гг. Москва–Новосибирск, 1997; Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. D. 2. Praha, 1999.
70. *Макара Н.П.* Закарпатська Україна: шлях до возз'єднання, досвід розвитку (жовтень 1944 – січень 1946 рр). Ужгород, 1995.
71. *Лелекач М.* Про приналежність Закарпаття до Київської Русі в X–XI ст. // Наукові записки УжДУ. Ужгород, 1949. Т. 2. Серія історико-філологічна.
72. *Коломиец И.Г.* Очерки по истории Закарпатья. Ч. 1–2. Томск, 1953, 1959; Социально-экономические отношения и общественное движение в Закарпатье во второй половине XIX столетия. Т. 1–2. Братислава–Прешов, 1961, 1962.
73. *Мельникова И.Н.* Из истории революционного движения на Закарпатской Украине в 1921–1924 гг. // Ученые записки Института славяноведения. М., 1952. Т. VI; *Усенко В.В.* Вплив Великої Жовтневої соціалістичної революції на розвиток революційного руху в Закарпатті в 1917–1919 рр. Київ, 1955; *Мельник В.М.* Посилення класової боротьби на Закарпатті в другій половині XVII і на початку XVIII ст. // Наукові записки УжДУ. Ужгород, 1957. Т. XXIX; *Сливка Ю.Ю.* Революційно-визвольна боротьба на Закарпатті в 1929–1937 рр. Київ, 1960; *Баженова Н.П.* Нариси історії революційно-визвольного руху трудящих Закарпаття в 1917–1923 рр. Ужгород, 1962; *Слівак Б.І.* Нариси історії революційної боротьби трудящих Закарпаття в 1930–1945 роках. Львів, 1963; *Сміян П.К.* Жовтнева революція і Закарпаття: 1917–1919 рр. Львів, 1972; *Сміян П.К.* Революційний та національно-визвольний рух на Закарпатті кінця XIX–початку XX ст.: 1900–1919 рр. Львів, 1973.
74. *Неточаєв В.І.* Колоніальна політика угорського буржуазного уряду на Закарпатті в кінці XIX і на початку XX ст. // Наукові записки УжДУ. Ужгород, 1958. Т. 36; *Неточаєв В.І.* Закарпаття напередодні першої світової війни 1908–1914 рр. // Наукові записки УжДУ. Ужгород, 1957. Т. 29; *Неточаєв В.І.* З історії формування робітничого класу на Закарпатті в другій половині XIX і на початку XX ст. // Наукові записки УжДУ. 1960, Т. 43; *Шульга И.Г.* Соціально-економічне становище Закарпаття в другій половині XVIII ст. Ужгород, 1962; *Шульга И.Г.* Соціально-економічні відносини і класова боротьба на Закарпатті в кінці XVIII – першій половині XIX ст. Львів, 1965; *Ілько В.І.* Закарпатське село на початку XX ст.: 1900–1919 рр. Львів, 1973.
75. *Микитась В.Л. О.В.* Духнович: Літературно-критичний нарис. Ужгород, 1959; *Науменко Ф.І.* Основи педагогіки О.В. Духновича, Київ, 1964; *Машталер О.В.* Педагогічна і освітня діяльність О.В. Духновича. Київ, 1966.
76. *Ричалка М. О.В.* Духнович: педагог і освітній діяч. Братислава–Пряшів, 1959; *Рудловчак О.* Олександр Духнович: життя і діяльність. Братислава–Пряшів, 1968.
77. *Духнович А.* Твори. В 3-х томах. Братислава–Пряшів, 1967–1989.
78. *Нодінка А.* A munkécsi görög-katholikus röpoksyg története. Budapest, 1910.
79. *Cziple S.* A máramarosi püspökség kérdése. Budapest, 1910.
80. *Перфецкий Е.* Религиозное движение в XVI и начале XVII века в Угорской Руси // Известия ОРЯС. Пг., 1915. Т. 20. № 1; *Перфецкий Е.* Василий Тарасович, епископ Мукачевский: До історії початків церковної унії в Підкарпатті // Наукові записки товариства “Просвіта”. Ужгород, 1923. Т. 2.
81. *Петров А.Л.* “Старая вера” и уния в XVII–XVIII вв. // Материалы для истории Угорской Руси. СПб., 1905–1906. Т. 1–2.; *Петров А.Л.* Отзвук реформации в русском Закарпатье XVI в. 1923.
82. *Гаджега В.* Вплыв реформации на подкарпатских русинов // Зоря-Најнал. Унгвар, 1943. № 1–4.
83. *Болдижар М.И.* Антинародна діяльність уніатської церкви на матеріалах Ужгородської унії. Ужгород, 1980; *Болдижар М.И.* Безслав'я: антинародна діяльність уніатської церкви на Закарпатті в 20–40 роки. Ужгород, 1981; *Болдижар М.И.* Хто і навіщо обілює історію Унії. Ужгород, 1985; *Болдижар М.И.* Уніатство: правда історії та вигадки фальсифікаторів. Ужгород, 1988.
84. *Boysak B.* The Fate of the Holy Union in Carpatho-Ukraine. Toronto, New York, 1963; *Boysak B.* Ecumenism and Manuel Michael Olshavsky. Theologia Montis Regii. Montreal, 1967. Vol. 49.
85. *Пекар А.* Нариси історії церкви Закарпаття. Т. 1–2. Рим, 1967, 1997; *Пекар А.* Ісповідники віри нашої сучасності: причинки до мартиролога Української католицької церкви під Світами. Рим, 1982.
86. *Kubinyi J.* The History of the Prjašiv Eparchy. Editiones Universitatis Catholicae Ucrainorum S. Clementis Papae. Roma, 1970.

87. *Slyvka J.* The History of the Greek Rite Catholics in Pannonia, Hungary, Czechoslovakia, and Podkarpats'ka Rus', 863–1949. Б/м. 1974.
88. *Lacko M.* Unio Uzhorodensis Ruthenorum Carpathicorum cum Ecclesia Catholica. Orientalia Christiana Analecta. Roma, 1955. № 143; *Lacko M.* The Union of Užhorod. Clivlend, 1968, 1976.
89. *Baran A.* Metropolia Kioviensis et eparchia Muкаčoviensis. Roma, 1960; *Баран А.* Церква на Закарпатті в 1665–1691 рр. // Богословія. 1968. Т. 32.
90. Терниста дорога до єдності. Ужгород, 1995; Ужгородській Унії – 350 років. Ужгород, 1997.
91. *Косей Ю.* Церковна Унія. Церковно-історичний нарис, присвячений 400-річчю Брестської Унії – 350-річчю Ужгородської Унії Берегово, 1996.
92. *Бендас С.* Священники-мученики, сповідники вірності. Ужгород, 1991; *Fedor M.* Z dejín gréckokatolíckej cirkvi v Československu 1945–máj 1950. Prešov, 1993; *Šturak P.* Dejiny gréckokatolíckej cirkvi v Československu v rokoch 1945–1989. Prešov, 1999.
93. *Beskyd K.* Marmarošský proces: obrázky z bývalého maďarského ráje. Monstrosní proces v Marmarošském Sihotu. Chust, 1926.
94. *Грабец М.* К истории Мараморошского процесса: Дело 94-х. Ужгород, 1934; *Holec R.* Postoj Čechov a Slováků k Rusínům v predvečer prvej svetovej vojny // Česko-slovenská historická ročenka 1997. Brno, 1997.
95. *Каџур І.* Stručný prehl'ad historie Pravoslavnej cirkvi v bývalom Uhorsku a Československu. Prešov, 1978; *Палінчак М.* Державно-церковні відносини на Закарпатті та в Східній Словаччині в 20–середині 30-х років ХХ ст. Ужгород, 1996.
96. *Данко О.* Політика Угорщини у відношенні до православної церкви Закарпаття в період другої світової війни // Культура Українських Карпат: традиції і сучасність. Ужгород, 1994.
97. *Игумен Гавриил (Кризина).* Православная Церковь в Закарпатье (век XX). Киев, 1999.
98. Історія міст і сіл Української РСР. Закарпатська область. Київ, 1969; Шляхом до щастя / Ред. Міщенко С.О. і ін. Ужгород, 1973.
99. *Гладілін В.Н.* Дослідження палеоліту на Україні та їх перспективи. // Археологія, 1982. Вип. 40; *Смішко М.Ю.* Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери. Київ, 1960; *Бідзіля В.І.* Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ, 1970.
100. Древняя история Верхнего Подгисья / Ред. И.М. Гранчак и др. Львов, 1991.
101. *Добош С.* Адольф Иванович Добрянский. Очерк жизни и деятельности. Братислава–Прешов, 1956; *Шлепечкий А.* Закарпатські будителі та наша сучасність. Братислава–Пряшів, 1957; *Naraksim L.* K sociálnim a kultúrnim dejinám Ukrajincov na Slovensku do roku 1867. Bratislava, 1961; *Ставровський О.* Словацько-польсько-українське прикордоння до 18 століття. Братислава–Пряшів, 1967; *Байцура Т.* Закарпатоукраїнська інтелігенція в Росії в першій половині ХІХ віка. Братислава–Прешов, 1967; *Байцура Т.* Юрій Іванович Венелін. Братислава–Пряшів, 1968; *Байцура Т.* Михайло Андрійович Балудянський. Братислава–Пряшів, 1969; *Рудловчак О.* Біля джерел сучасності. Братислава–Пряшів, 1981.
102. *Naraksim L.* Die Russinen und der Ausgleich // Der osterreichisch-ungarische Ausgleich 1867. Bratislava, 1971.
103. *Мельникова И.Н.* Закарпатская Украина в революции 1848 г. // Ученые записки Института славяноведения. М.-Л., 1949. Т. 1.
104. *Данилак М.* Галицькі, буковинські та закарпатські українці в революції 1848–1849 років. Братислава–Пряшів, 1972.
105. *Перени Й.* Из истории закарпатских украинцев // Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae., Budapest, 1957. Т. XIV.
106. *Mayer M.* Kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések 1860–1910. Budapest, 1977.
107. *Žeguc I.* Die nationalpolitischen Bestrebungen der Karpatho-Ruthenen 1848–1914 // Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München, Wiesbaden, 1965. Bd. XXVII.
108. *Magocsi P.R.* The Shaping of a National Identity: Subcarpathian Rus' 1848–1948. Cambridge, 1978; *Магочі П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород, 1994.
109. *Magocsi P.R.* Rusyns of Slovakia: A Historical Survey. New York, 1993.
110. *Udvari I.* Ruszinok a XVIII században: történelmi és művelődéstörténeti tanulmányok // Vasvári Pál Társaság Füzetei. Nyíregyháza, 1991, IX.; *Udvari I.* A ruszinok XVIII. századi histriográfiája // Szabolcs-szatmári szemle. Nyíregyháza, 1991. XXII. 2.; *Udvari I.* Ruthenisches Schrifttums im Ungarn des 18. Jahrhunderts // Studia Slavica Savariensia. Szombathely, 1993. II, 1;

- Удвари И.* Русинські жерела урбарської реформи Марії Теризії // *Studia Ukrainica et Rusinica Nyiregyhaziensia*. Nyiregyháza, 1999. 6; *Удвари І.* Образчики з історії пудкарпатських русинів XVIII. ст. Ужгород-Nyiregyháza, 2000.
111. *Udvari I.* A munkácsi görögkatholikus püspökség lelkészseégeinek 1806. évi összeírása. Nyiregyháza, 1990.
 112. *Hodinka Antal* válogatott kéziratai-Вибрані рукописи Антонія Годинки // *Vasvári Pál Társaság Füzetei*. Nyiregyháza, 1992. 11.
 113. *Dolgozatok* *Hodinka Antal* tiszteletére-Наукові дослідження на честь Антонія Годинки // *Studia Ukrainica et Rusinica Nyiregyháziensia*. Nyiregyháza, 1993. 1.
 114. Нариси історії Закарпаття / Ред. Гранчак І.М. и др. Ужгород, 1993, 1995. Т. I–II.
 115. *Vegeš M.* Карпатська Україна, 1938–1939: соціально-економічний і політичний розвиток. Ужгород, 1993; *Vegeš M.* Карпатська Україна у загальноєвропейському історичному контексті. Ужгород, 1997. Т. 1–2.
 116. *Офіцинський Р.* Нелегальний перехід угорсько-радянського кордону в 1939–1941 роках. Ужгород, 1993; *Офіцинський Р.* Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини, 1939–1944. Ужгород, 1997.
 117. *Мазурок О.* Юрій Жаткович як історик та етнограф // *Carpathica-Karpatika*. Ужгород, 1993. Вип. 2.; *Мазурок О.* Юрій Жаткович як історик та етнограф Угорської Русі // *Український історик*. Нью-Йорк–Торонто–Київ–Львів–Мюнхен, 1993. XXX, 1–4; *Мазурок О.* “...Історія Угро-Русів, якщо брати до уваги вимоги сучасної історіографії, до цих пір не написана...” // *Карпатський край*. Ужгород, 1999. № 3 (119); *Мазурок О.* Юрій Жаткович як історик та етнограф. Ужгород, 2001.
 118. *Данилюк Д.* Розвиток історичної науки на Закарпатті (Кінець XVIII – до середини XIX ст.). Ужгород, 1994; *Данилюк Д.* Історія Закарпаття в біографіях і портретах. Ужгород, 1997.
 119. *Magocsi P.R.* A Historiographical Guide to Subcarpathian Rus'. Toronto, 1974.
 120. *Magocsi P.R.* Carpatho-Rusyn Studies: Annotated Bibliography. New York, 1988. Vol. I: 1975–1984; New York, 1998. Vol. II: 1985–1994.
 121. *Поп І.* Homo totalitaricus? Історія Закарпаття: критичні роздуми // *Карпатський край*. Ужгород, 1996. VI. 5–7 (114); *Болдижар М.* Закарпаття між двома світовими війнами. Ужгород, 1996; *Болдижар М.* Краю мій рідний. Науково-популярні нариси з історії Закарпаття. Ужгород, 1998.
 122. *Мишанич О.* “Карпаторусинство”, його джерела й еволюція у XX ст. Івано-Франківськ, 1992, 1999; *Мишанич О.* Політичне русинство і що за ним. Ужгород, 1993; “Карпаторусинство”: історія і сучасність / Ред. Мишанич О. Київ, 1994; *Мишанич О.* “Енциклопедія Подкарпатської Русі” і що за нею? Київ, 2002; *Бача Ю.* Політичне русинство – політична провокація. Пряшів, 1996; *Ванат І.* До питання про так звану українізацію русинів Пряшівщини. Пряшів, 1993; *Маркусь В.* Політична і державно-правна еволюція українського Закарпаття. Київ, 1993.

© 2003 г. С. И. МУРТУЗАЛИЕВ

ВКЛАД Ю. И. ВЕНЕЛИНА В ИЗУЧЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ОСМАНСКОГО ГОСПОДСТВА В БОЛГАРСКИХ ЗЕМЛЯХ

(к 200-летию со дня рождения ученого)

Юрий Иванович Венелин (1802–1839) занимает особое место в начальной истории российской болгаристики XIX в. и особо почитаем в Болгарии. Отечественная и зарубежная историография о Венелине и его трудах обширна¹. Объектом нашего внимания являются те сюжеты в работах Венелина, которые связаны с периодом XV–XVI вв. – в этом аспекте труды болгариста изучены недостаточно полно.

Впервые Венелин как специалист по истории Болгарии и сопредельных стран стал известен читателям “Московского вестника” в 1828 г., где была опубликована его рецензия (в виде писем – “эпистол”) на книгу Игнатия Яковенко. В “Замечаниях на сочинение Г-на Яковенки...” Венелин большое внимание уделяет истории болгарского народа, “который больше всех прочих народов заслуживает” особого внимания русских историков в силу того, что “критическая история болгар повлечет за собою сильные перемены и в русской” истории [2].

В первой “эпистоле” рецензент пишет о том, что около 1380 г. “пала вся Болгария под иго турков”, тогда-то “большая часть болгарского дворянства переправилась” через Дунай, а оставшаяся или “плененная с саблею в руках истреблена турками ... вся страна, – заключает Венелин, – сделалась собственностью султанов...”. Главным виновником поражения Болгарии Венелин считает феодальную аристократию. Лишь “один только простой болгарский народ принужден был остаться принятыми от султана мерами, который ему сначала предоставил некоторый призрак свободы” [2. С. 271–272]. Далее он упоминает о разорении, постигшем “сопротивлявшуюся Болгарию” [2. С. 273]. За исключением явной ошибки в датировке завоевания, Венелин прав, говоря о сопротивлении болгар завоевателям, что отрицалось многими сочинителями историй, и верно оценивает общую ситуацию в Болгарии на рубеже XIV–XV вв.

Здесь же Венелин выразил свое отношение к грекам и к Константинопольской патриархии. “Фанариотские греки”, получая привилегии от султанов, “оказывали немаловажные услуги ... Порте” и в точности исполняли ее желания. Рецензент прав, говоря, что именно греки-фанариоты нанесли “болгарам последний удар”, довершив дело истребления дворянства, и, кроме того, изгнали “из судебных мест и из церквей” болгарский язык [2. С. 275–276]. Слабой стороной данного утверждения

Муртузалиев Сергей Ибрагимович – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Дагестанского государственного университета (г. Махачкала).

¹ Оценку научного наследия Венелина в русской и украинской дореволюционной и советской историографии, в трудах болгарских ученых см.: [1].

было то, что неискушенные читатели воспринимали это как констатацию положения болгар и их церкви уже в XV в., тогда как это имело место позже.

Более обстоятельно свое понимание истории Болгарии в первые два столетия османского господства Венелин изложил в книге [3]. Несколькоими краткими пассажами автор характеризует степень изученности истории Болгарии “времен турецкого владычества”, отмечая, что до 20-х годов XIX в. в России не было “полных и верных сведений” о Болгарии из-за “трудности или нерадения” писавших о болгарях [3. С. 1, 6–8]. Он отмечает недостаточное внимание российской историографии к болгарскому народу, считая, что подобное отношение непростительно для России, получившей из рук болгар крещение, письменность и язык богослужения [3. С. 10].

И.С. Достян замечает, что мнение о том, будто Венелин первым “открыл” болгар российскому обществу, закрепилось благодаря В.Е. Априлову и другим болгарам. Впоследствии оно было воспринято исследователями и надолго утвердилось в научных трудах. О болгарях как об одном из южнославянских народов знали и до появления книги Венелина. В России, благодаря болгарским колониям в южных ее областях и в дунайских княжествах, о болгарях знали больше, чем в Западной Европе. Другое дело, что познания эти были скудны и не всегда достоверны, доступны только узкому кругу дипломатов и образованных людей, но они все же составляли некую систему представлений, своего рода стереотип, который следовало преодолеть, сломать, чтобы создать понятие о болгарях, которое бы больше соответствовало реальному положению вещей [4]. Именно такая задача выпала на долю Венелина.

Состояние изученности истории Болгарии в период после завоевания турок-османов оценивается Венелиным как неудовлетворительное – это “краткие и недостаточные” сочинения, написанные без привлечения болгарских источников. Молодой ученый справедливо подчеркивает преобладание сведений о турках и Османской империи, которую считает главным виновником отсутствия научной истории Болгарии: “...падение царства болгар повлекло за собой их неизвестность” [3. С. 8].

Верно заметив, что “вся масса” османской державы “состоит из совершенно разнородных частей, укрепляемых между собою проницательною политикою Порты”, Венелин обращается к одной из сложнейших проблем – к проблеме взаимоотношения “частей” империи “между собою, что, однако, еще никем не исполнено” [3. С. 2]. Дискуссии по данному вопросу велись и в XX в. Поэтому не нужно упрекать молодого ученого в том, что в начале XIX в. он не смог дать развернутого освещения проблемы – следует приветствовать уже саму попытку ее решения.

Согласно концепции Венелина главенствующее положение в империи занимают турки, составляющие “исключительно военный класс, а по сему и дворянское так сказать сословие”. Живут они преимущественно в городах. Автор называет их “имперскими привилегистами”, присвоившими себе право “жить на счет чужих трудов” [3. С. 3, 19]. Причисление Венелиным всех турок к “военному классу”, к “дворянскому сословию” не согласуется с представлениями современной науки. Но в первой трети XIX в. у славистов не было четкого представления о том, что подавляющая часть турецкого населения (сельского и городского) так же, как и завоеванных народов, подвергалась эксплуатации со стороны “людей меча” – аскери и “людей пера”, т.е. меньшей части османского общества.

Говоря о болгарях, Венелин пишет, что в большинстве своем они придерживаются “греческого исповедания” и представляют собой “род мещанского сословия и вообще земледельческий класс”. Они лишены прав и “законов отечественных”, их жизнь и собственность зависят от “свойств и характера областных пашей или комендантов крепостей”, поэтому “участь гражданского ... бытия” болгар “выставлена на произвол военной необузданности их победителей”. Кроме того, “врожденная турецкой черни гордость и ненависть к иноплеменикам и иноверцам бывает весьма часто причиной оскорблений и драк” [3. С. 13–14]. Предвзятое упоминание о “врожденной ненависти” турок и их “невежестве” (см. ниже) следует рассматривать как дань весьма распространенному в XIX в. мнению и как желание Венелина лишний

раз обратить внимание российского общества на тяжелое положение единоверных болгар, которые являются “рабами”, погружены в невежество “общее не только им, но и их господам” [3. С. 14]. Тезис автора о рабском положении болгар также опровергается современной наукой.

Общий упадок болгарской культуры Венелин связывает с османским завоеванием. Он задается вопросом: если “болгарам не дозволено иметь собственных высших сословий”, то не могла бы это зло предотвратить “хорошо устроенная церковь”? Но, изучив этот вопрос, приходит к выводу, что церковь сама находится в плачевном положении [3. С. 14].

С падением Константинополя в 1453 г. Цареградский и Тырновский патриархи оказались “под одним правлением. Порта, лишив христиан собственного их правления, не лишила, однако, их духовного. Константинопольский патриарх получил подтверждение своего достоинства и власти в управлении”. С болгарским патриархом Порта обошлась совершенно иначе: “власть его ... стала уменьшаться со дня на день”. Воспользовавшись этим, греки унизили болгарских патриархов “на степень экзархов”, подчинили их “Цареградскому архипастырю” и тем открыли “путь их монахам на болгарские кафедры” [3. С. 12]. Когда это произошло, Венелин не уточняет, но пишет, что Порта запрещала болгарам сооружать новые церкви и ремонтировать старые. При столь неблагоприятных обстоятельствах, пишет автор, многие болгары бросились “в объятия исламизма”, а незначительная их часть перешла в католицизм [3. С. 14–15].

Большой интерес представляет фраза Венелина о том, что турки “езде смешались” с болгарами “не только в Европе, но даже и в Анатолии” [3. С. 154]. Термин “смешались” может быть истолкован двояко: как совместное проживание (бок о бок) и как ассимиляция. Есть основание предполагать, что Венелин имел в виду второе, так как ниже он говорит о племенах “азийского происхождения”, которые “исправляли свою породу за счет европейцев ... преимущественно славян” путем “совершенного смешения” крови в течение столетий, когда “болгарское юношество доставляло Порте грозных янычар, а прекрасный пол” наполнял гаремы завоевателей [3. С. 164]. Однако дальше “улучшения породы” дело не пошло. Венелин прав, говоря, что одного смешения крови недостаточно для ассимиляции одного народа другим. Несмотря на пребывание “татар-турков” в “совершенной смеси со славянами в продолжении” нескольких столетий, они “не превратились в славян”, хотя Порта старалась “отуречить болгар, а греки огречить” [3. С. 228].

Венелин выделяет несколько факторов, позволивших болгарам сохраниться как этническое целое. Прежде всего он говорит о численном превосходстве болгар над турками на Балканском полуострове. Во-вторых, перечисляя характерные черты болгарского народа, отмечает высокий рост, атлетическое сложение, постоянство, неустрашимость и т.д. [3. С. 16]. Автор уверен, что народ с такими физическими данными и чертами характера не мог совершенно утратить воинственный дух своих предков.

Отношение Венелина к вопросу о воинственности славян созвучно мнению А.М. Спиридова [5], но сильно отличается своей аргументацией. Это может служить косвенным подтверждением того, что Венелин не был знаком со статьей Спиридова и потому не воспользовался его аргументацией для того, чтобы подчеркнуть отрицательную роль фанариотов в жизни болгар. Пассивность болгарского народа в борьбе против угнетателей Венелин объясняет тем, что он просто не имел “ни малейшего случая, в котором бы мог выказать свою храбрость”. Проявлению этой черты характера препятствовали запреты на службу болгар в качестве солдат Турции, на ношение оружия; наличие множества неприступных крепостей с турецкими гарнизонами и, конечно, “бдительный надзор Порты”, делавший “почти невозможным восстание болгар, в котором они могли бы только и отличиться”. При отсутствии такой возможности “народу остается только наблюдать тишину и терпение”. Однако Венелин уверен, что затишье это временное, так как “воинственный дух ...

народа никогда не выходит совершенно из его сердца”, многое зависит от обстоятельств, которые “только утоляют или возбуждают оный” [3. С. 225–226]. Вызывает недоумение тот факт, что Венелин не привлек материалы И. Райча об участии болгар в вооруженной борьбе Михаила Храброго против турок в 1595–1596 гг. [6].

Другим объектом изучения Венелина была проблема “духовного состояния” болгарского народа в Османской империи. По мнению автора, “умственное состояние болгар соответствует их политическому” рабскому положению. О литературе болгар, замечает ученый, “ничего и говорить, ибо она еще не возродилась” [3. С. 14–15]. В данном случае Венелин разделяет точку зрения своих современников. О существовании “Цароставника” (“Истории славяноболгарской” Паисия Хилендарского), он узнал только во время путешествия в Болгарию (1830), но тогда не смог ее приобрести, а присланный в 1838 г. экземпляром рукописи воспользоваться не успел из-за скорой своей кончины.

Общий вывод первой книги автора – несмотря на значительные потери “от долговременного железного ига и убийственной политики Порты, от чумы”, от ликвидации самостоятельности церкви и от потери политической независимости, болгарский “народ однако не перестал существовать” [3. С. 6], и Россия обязана помочь ему возродиться.

Книга Венелина вызвала оживленные споры и самые противоречивые оценки среди ученых и в литературных кругах. Полемика эта давно описана в литературе. Нам важен тот факт, что дискуссия засвидетельствовала рост интереса российского общества к болгарской проблематике, вызванный также действиями русской армии в болгарских землях и публикациями в периодической печати о современном положении болгар.

В 1830–1831 гг. мечта Венелина осуществилась, но в силу ряда обстоятельств и болезни карпаторосс провел в болгарских землях значительно меньше времени, чем планировал. Путешествие способствовало росту Венелина как ученого, расширило круг его интересов, он стал первым в России собирателем и исследователем болгарского фольклора. Изучая фольклорное наследие, Венелин старался сочетать в “одном и том же деле пользу трех предметов: филологии, поэзии и истории”. Попытка комплексного подхода к решению поставленной задачи объясняется тем, что Венелин придавал большое значение фольклору для познания истории, но в неизмеримо большей мере – для выяснения внутреннего мира болгар, их ментальности, так как “песня есть вопль, а вопием всегда о том, что трогает” больше всего. Автор прав, говоря, что героические песни и былины “проистекают ... из действительной народной жизни”. Но поскольку “воображение ... золотит” все реальные события, то подлинная история становится достоверной только с отделением “от героических народных песен”, от “сказколюбия”, т.е. с того времени, когда народ начинает “делаться грамотным и заниматься словесностью” [7. С. 35, 117, 118, 109, 107].

Изучение фольклора позволило Венелину выстроить свою логическую цепочку причин изменения характера болгар. Песни, раскрывающие внутренний мир человека, свидетельствуют о том, что господство турок привело к ожесточению характера ранее миролюбивого народа. Поэтому нельзя “упрекать в зверстве ни болгарина, ни серба”. Болгары не имели возможности заниматься созидательным трудом, “ибо преобладала идея самосохранения, поглощавшая все другие” [7. С. 49, 51, 63].

Одним из проявлений героизма Венелин считает гайдучество, составляющего “главную струну в чувствованиях болгар и сербов”. У них “тот не юнак, а баба, кто сам не нарубил бы кучу голов ...”, – заключает ученый [7. С. 41, 66, 113–114]. Как заметила С. Стойкова [8], Венелин находит в фольклоре у болгар и сербов черты, которых недостает, по его мнению, песням других славян: героизм, ожесточенность и кровожадность. Это дало ему основание противопоставить свою точку зрения пониманию западноевропейских ученых школы романтизма, считавших, что носителями духа благородного рыцарства, стремления к завоеваниям и любви к приключениям являются только германские народы [7. С. 54]. Цикл героических песен о Марко

Королевиче-Вукашиновиче Венелин называет “Одиссеей Задунайских славян” и справедливо считает, что он сочинен не каким-либо отдельным “болгарином или сербом, а целым народом” [7. С. 79, 83].

В брошюре “О зародыше новой болгарской литературы” Венелин обвиняет турок и фанариотов в торможении процесса возрождения болгарской литературы. Внимание Венелина к проблеме духовного развития болгар связано с “нарождающейся болгарской литературой”, намерением ученого “подать ей руку, как ребенку”, пытающемуся встать на ноги [9. С. 8–9, 13, 19, 50]. Помощь Венелина выразилась в изучении болгарской рукописной книжности в источниковедческом труде “Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты” [10], вышедшем в свет уже после его смерти.

Следующим посмертным изданием явилась книга “Древние и нынешние Словене...”, в которой Венелин детализирует ряд сюжетов, к которым он обращался в предыдущих работах. Он замечает, что болгары были закабалены “тимариотами, обязанными военной службою”. Турки поселялись только в хорошо укрепленных местах, которые представляли собой “только гарнизон. Поэтому-то Султан титулуется только Повелителем Османлиев, а не повелителем Болгар. ...Турки, живя гарнизоном в Европе, непосредственно граничат с массой своего народа”, “важную роль в их жизни играет религия, которая “турков всегда поддерживала” [11. С. 66, 69].

В 1849 г. были изданы “Критические исследования об истории болгар Ю.И. Венелина” [12], в которых болгарист сетует на отсутствие “верного описания” и карты Турции, что весьма осложняет изучение ее европейских владений. К тому же, “все статистические сведения о сей державе заключались в нескольких анекдотах”. Стремление к работе с точными статистическими данными – явление новое для Венелина и, вероятно, навечно тем, что подобные исследования о балканских владениях Турции уже стали проводиться и издаваться накануне и в ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Переходя к общей оценке опубликованного наследия ученого, можно заметить, что Венелин не сумел привлечь и критически осмыслить все имевшиеся к тому времени факты по истории Болгарии XV–XVI вв., хотя в своих работах неоднократно говорил о необходимости критического подхода к источникам. Определенную роль в игнорировании уже известного опубликованного материала сыграл, по-видимому, субъективизм ученого, использовавшего лишь те факты, которые соответствовали его “критерию исторической логики” [11. С. 186, 207].

Выяснение характера творческой методики Венелина все еще остается задачей будущих исследователей, хотя определенные наработки в этой области изучения его научного наследия есть. Сложность решения вопроса о творческой методике ученого состоит в имевшемся у Венелина противоречии между методом и обработкой исторического материала, в подмене метода исторической критики источника методом исторического правдоподобия, в том, что серьезные научные выводы соседствуют с романтически преувеличенными идеями.

Справедливые суждения ученых о присущих Венелину “исторических фантазиях” относятся к периоду раннего средневековья, но остаются недоказанными в отношении освещения им периода первых двух столетий османского господства в болгарских землях. В этой части своих трудов Венелин обходится без “фантазий”, но допускает ошибки в изложении хронологии событий, связанных, к примеру, с завоеванием Болгарии, – датирует то 1380-и годами, то XV в.; с временем ликвидации Тырновской патриархии. Автор не всегда может дать верную оценку тем или иным фактам или явлениям, например, болгарскому гайдукскому движению. Однако, отмечая слабые стороны в исследованиях Венелина, следует учитывать тогдашний уровень знаний в области истории, фольклора и т.д.

В первой трети XIX в. наука располагала скудными сведениями о борьбе болгар в период завоевания и в XV–XVI вв. Партизанско-разбойные методы сопротивления гайдуков не позволили Венелину квалифицировать их действия как борьбу за осво-

бождение, подобную той, которую вела Сербия. Этим можно объяснить мнение ученого об отсутствии в истории Болгарии открытой вооруженной борьбы с османами. Фрагментарность материалов по истории Болгарии XV–XVI вв. не дает оснований говорить о славянофильстве ученого. У Венелина отсутствует противопоставление мира славян западному миру [3. С.78–79], которое характерно для работ славянофилов.

Отсутствие зримой эволюции взглядов в той части научного наследия Венелина, в которой затрагивался период первых двух столетий османского господства в болгарских землях можно объяснить следующими причинами: 1) непродолжительный период научного творчества Венелина – все работы написаны в 20–30-х годах XIX в.; 2) краткость самих сюжетов, посвященных или связанных с историей Болгарии XV–XVI вв.; 3) преимущественное внимание автора к периоду раннего средневековья и к современному положению болгар; 4) применение еще неразработанного ретроспективного метода, который в первой трети XIX в. часто приводил к нивелировке более древних периодов истории, к утрате “вкуса, ощущения эпохи”, если так можно выразиться. Неизбежные в таких случаях потери ученый компенсировал детализацией отдельных сюжетов. Но это не помешало Венелину затронуть ряд важных проблем истории Болгарии XV–XVI вв.: ассимиляции, вооруженной борьбы, положения церкви, фольклора и т.д.

Отношение российского общества к идеям Венелина было, как известно, неоднозначно. Острая полемика, разгоревшаяся вокруг “фантазий” ученого, доставила ему и его сторонникам много неприятных минут, но она сыграла и положительную роль в деле привлечения внимания общественности к проблемам средневековой истории Болгарии, к положению болгар в XIX в.

Показателями развития этого интереса служат: с одной стороны – свидетельство М.П. Погодина – одного из самых активных сторонников Венелина, с другой – его оппонентов. В декабре 1829 г. Погодин с горечью говорил о том, что студенты не покупают книгу “Древние и нынешние болгаре”. Но уже через 10–12 лет даже оппоненты Венелина были вынуждены отметить тот факт, что болгарист “увлек многих неопытных в истории на кривой путь исторических исследований”, что “своей славяноманией ... отвлек множество молодых и немолодых людей от хороших занятий к отчаянным гипотезам”.

Влияние “отчаянных гипотез” Венелина чувствуется в “Записках о всемирной истории” А.С. Хомякова, в работах Н.В. Савельева-Ростиславича, Н.Н. Мурзакевича и В.Е. Априлова. У российских ученых Венелин пробудил интерес к болгарской истории, к фольклору, к болгарской рукописной книге. В России XIX в. продолжателями Венелина в этом деле явились В.И. Григорович и О.М. Бодянский.

А болгарский народ по сей день с благодарностью вспоминает Ю.И. Венелина как человека, не только напомнившего миру о болгарях, но и внесшего значительный вклад в их изучение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Байцура Т.* Юрій Іванович Венелін. Братіслава, 1968. С. 7–46; Ю.І. Венелін і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків. Тези доповідей і повідомлень наукової конференції, присвяченої 150-річчю від смерті Ю.І. Венеліна. Ужгород, 1989 и др.
2. *Венелин Ю.* Замечания на сочинение Г-на Яковенки о Молдавии, Валахии и проч. // Московский вестник. М., 1828. 4. 10–11. № XV.
3. *Венелин Ю.И.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1856.
4. *Достян И.С.* Българите в руската литература и периодичен печат през първите десетилетия на XIX в. // Българското възраждане и Русия. София, 1981. С. 209.
5. *Спиридов А.М.* Краткое обозрение народов Славянского племени, обитающих в Европейской части Турецкой империи // Северный архив. СПб., 1825. № XIV. С. 85–117; № XV. С. 191–234.

6. Раич И. История разных словенских народов, наипаче болгар... СПб., 1795.
7. Венелин Ю. О характере народных песен у славян задунайских. М., 1835.
8. Стойкова С. Вклад ученых России в развитие болгарской фольклористики XIX в. // Русский фольклор: В 8 т. М.-Л., Т. 8. С. 274–277.
9. О зародыше новой болгарской литературы. Кн. I. М., 1838.
10. Венелин Ю. Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты. СПб.. 1840.
11. Венелин Ю. Древние и нынешние словене, в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Историко-критические изыскания Ю. Венелина. М., 1841. Т. 2.
12. Критические исследования об истории болгар Ю.И. Венелина от прихода болгар на Фракийский полуостров до 968 года, или покорение Болгарии великим князем русским Святославом. Изданные на иждивение болгарина И.Н. Денкоглу. М., 1849.

© 2003 г. Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

О ДАТАХ ЖИЗНИ Ю.И. ВЕНЕЛИНА

В 2002 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Юрия Ивановича Венелина – одного из известных ученых начального периода истории славяноведения в России, зачинателя отечественной болгаристики. В печати уже появились публикации, посвященные этому юбилею. Первой из них, попавшей в поле нашего зрения, оказалась статья литовского языковеда А. Видугириса, опубликованная в вильнюсском журнале “Родной язык” [1]. Институт славяноведения Российской академии наук 31 мая по случаю этого юбилея провел совместно с Болгарским культурным институтом в Москве научную конференцию на тему “Ю.И. Венелин: 200 лет со дня рождения” (информацию М.М. Фроловой об этой конференции см. в этом номере).

Жизни и ученой деятельности русского ученого Ю.И. Венелина (русина или карпаторосса по происхождению, каким он сам себя считал) посвящена обширная литература. Наиболее полная и надежная библиография его собственных трудов и многочисленных работ о нем – научных и популярных, изданных в России, Украине, Болгарии и других странах до 1994 г., опубликована недавно В.В. Ишутиным [2]. Внушительный список этих работ, в том числе и изданных в последние десятилетия, составляет своего рода Венелиану, свидетельствующую о том, что жизнь и труды ученого привлекали и до сих пор привлекают внимание исследователей истории славяноведения. Известно, что немало положений в его исторических и филологических разысканиях подвергались прежде и подвергаются в настоящее время резкой, хотя и не всегда исторически обоснованной критике. Бесспорно, однако, что Ю.И. Венелин заслуженно вписал свою страницу в начальную историю российского славяноведения, как не менее бесспорно и то, что он сыграл большую роль в национально-культурном возрождении болгарского народа.

К сожалению, в существующей литературе о Ю.И. Венелине встречается большое количество разного рода неточных, ошибочных и просто вымышленных, ни на чем не основанных утверждений, которые, может быть, не столь заметны каждое в отдельности, в своей же совокупности они существенно искажают его жизненный путь. Краткому освещению некоторых из них был посвящен доклад автора этих строк “Необходимые уточнения к биографии Ю.И. Венелина” на упомянутой выше конференции. Его расширенный вариант войдет в сборник материалов этой конференции. Здесь же мы остановимся только на одном из затронутых в докладе вопросов – о датах жизни Ю.И. Венелина, сведения о которых в литературе представляют собой довольно пеструю картину.

Расхождения в датах рождения и смерти Ю.И. Венелина, указываемых в справочно-библиографических изданиях, в литературе уже отмечались. Так, в известном би-

Венедиктов Григорий Куприянович – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

обиблиографическом словаре “Славяноведение в дореволюционной России” в числе лиц, сведения о датах жизни которых расходятся в разных справочных изданиях, значится и Ю.И. Венелин. В составленном здесь А.Н. Горяиновым “Обосновании приводимых в словаре данных” [3. С. 390] дата рождения Ю.И. Венелина 22 IV (4 V) 1802 и дата его смерти 26 III (7 IV) 1839 указаны в соответствии с “Краткой литературной энциклопедией” (автор статьи о Ю.И. Венелине – В.И. Злыднев) [4. Стб. 912] и “Источниками словаря русских писателей” С.А. Венгерова [5. С. 540]. Здесь отмечено также, что в “Советской исторической энциклопедии” (автор статьи о Ю.И. Венелине – С.А. Никитин) [6. С. 320] и в “Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых” С.А. Венгерова (автор статьи о Ю.И. Венелине – В. Перетц) [7. С. 121] рождение ученого датируется 23 апреля. О расхождениях в дате рождения Ю.И. Венелина (2, 22 и 23 апреля, 4 мая) несколько ранее писала Е.К. Потапенко [8. С. 102, прим. 1]. В литературе указываются и другие даты жизни Ю.И. Венелина. Дополнительную пестроту им придает и то, что в современных изданиях эти даты приводятся по разным календарям – только по юлианскому, по юлианскому и (в скобках) по григорианскому или только по григорианскому.

Ниже следует не претендующий на полноту перечень указываемых в литературе дат рождения и смерти Ю.И. Венелина.

Самая ранняя из указываемых в историографии и известных нам дат рождения Ю.И. Венелина – 22 января 1802 г. Д. Райков свою монографию “Юрий Венелин и Болгарское возрождение”, изданную в Софии в 1994 г., начинает словами: “Юрий Венелин родился 22 января 1802 г.” [9. С. 5]. Эту же дату указывает и А. Анчев [10. С. 179, прим. 54]. Другую дату – 22 марта – приводит Т. Байцура, автор известной монографии “Ю.И. Венелин”, изданной в Братиславе на украинском языке. Здесь сказано: “Ю.И. Венелин родился 22 марта (“22 березня”) 1802 г.” [11. С. 47]. Эта же дата (по старому стилю) и 3 апреля (по новому стилю) указывается и в некоторых украинских энциклопедиях [12. С. 177; 13. С. 175]. Фактически эту же дату, но только по новому стилю – 3 апреля – приводит “Украинский советский исторический словарь” [14. С. 280]. Днем ранее – 2 апреля – датирует рождение Ю.И. Венелина Цв. Минков ([15]; согласно с [8. С. 102, прим. 1]). 22 апреля – одна из двух наиболее часто приводимых дат рождения Ю.И. Венелина. Она указана в первом издании “Украинской советской энциклопедии” [16. С. 296], “Украинской литературной энциклопедии” (автор статьи о Ю.И. Венелине – Н.С. Шумада) [17. С. 287], в “Энциклопедии “Болгария”” [18. С. 640], у авторов ряда научных трудов и популярных статей о Ю.И. Венелине [19. С. 91; 20. С. 592; 8. С. 102, прим. 1; 21. С. 24; 22. С. 268¹] и др. Она же фигурирует на мемориальной доске, установленной в мае 1988 г. посольством Болгарии на внутренней стороне стены Данилова монастыря в Москве в память погребенного здесь Ю.И. Венелина [23. С. 2; 24. С. 20]. Эту же дату по старому стилю и (в скобках) по новому стилю – 4 мая указывают, кроме уже упомянутых выше библиографического словаря “Славяноведение в дореволюционной России” [3. С. 98] и “Краткой литературной энциклопедии” [4. Стб. 912], также изданная в Болгарии “Кирилло-мефодиевская энциклопедия” [25. С. 360]. Дату 4 мая (по новому стилю) приводит “Советская энциклопедия истории Украины” (автор статьи о Ю.И. Венелине – Б.И. Спивак) [26. С. 261].

Другая часто приводимая в литературе дата рождения Ю.И. Венелина – 23 апреля. С указания этой даты начинается известная статья П.А. Бессонова о Ю.И. Венелине, опубликованная в 1882 г.: “1802 года, 23 апреля, в северной Угрии ... у протоиерея Верховины Гуцы (Hutza) родился сын Юрий” [27. С. 159]. Позднее эту дату приводят авторы статей о нем в “Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых” [28. С. 232], “Советской исторической энциклопедии” [6. С. 320], М.Г. Булахов в своем фундаментальном библиографическом словаре “Восточнославян-

¹ В заглавии статьи в тексте и оглавлении ошибочно – Веленин.

ские языковеды” [29. С. 57]; ее находим и в ряде статей, изданных в последние годы [30. С. 4; 31. С. 3; 32. С. 84].

Наконец, отметим и дату 24 апреля, которую указывает как день рождения Ю.И. Венелина Б. Николов [33. С. 14].

В чем причина приведенного здесь разнобоя в указании даты рождения Ю.И. Венелина, сказать трудно. Очевидно, однако, что некоторые из указанных дат не имеют никакого обоснования и представляют собой досадную ошибку, опisku или невыправленную опечатку. Таковы, наверное, 22 января, 2 и 24 апреля. Две другие даты – 22 и 23 апреля – подтверждаются источниковыми свидетельствами.

Так, дата 22 апреля указана в метрической записи о рождении Ю.И. Венелина, сделанной в греко-католической церкви в селе Маратонка близ его родного села Велика Тивава, в которой он был крещен: “Год, день и месяц рождения: 22 апреля 1802 г.”. В тот же день он был крещен и миропомазан. Полный текст записи в метрической книге в указанной церкви в 1902 г. напечатал В. Гнатюк [34. С. 4–6]. Эту запись на латинском языке сразу же, в следующем (1903) году, опубликовал, со ссылкой на В. Гнатюка, болгарский ученый В. Златарский [19. С. 91, прим. 1], а в конце 1970-х годов в болгарском переводе она приведена в упоминавшейся статье Е.К. Потапенко [8. С. 102, прим. 1]. Данная запись – важнейшее и бесспорное свидетельство того, что Ю.И. Венелин родился именно 22 апреля 1802 г. Е.К. Потапенко совершенно права, утверждая, что это “верная дата”. Тот факт, что авторы трудов, указывающих иную дату рождения Ю.И. Венелина, не оспаривали обнародованную впервые В. Гнатюком метрическую запись, говорит о том, что этот документ им, вероятно, не был известен.

Дата 23 апреля была указана впервые, по-видимому, в 1882 г. П.А. Бессоновым [27. С. 159]. Есть серьезные основания полагать, что П.А. Бессонов руководствовался в этом записью самого Ю.И. Венелина в его “Путевых записках” – дневнике, который он вел в 1830–1831 гг. во время своего путешествия в Болгарию. П.А. Бессонову “Путевые записки” были хорошо известны, о чем свидетельствует и упоминаемая здесь его статья. Ю.И. Венелин на обратном пути с Балкан в Москву во второй половине апреля 1831 г. посетил своего двоюродного брата И.И. Молнара в селе Брынь Жиздринского уезда Калужской губернии, где тот служил лекарем. В своем дневнике Ю.И. Венелин оставил следующую запись: “23 [апреля] в день моего рождения и именин просил отслужить для меня обедню и молебен в Брыньской церкви” (цит. по: [35. С. 200]). Кажется, свидетельство самого Ю.И. Венелина не должно вызывать каких-либо сомнений: вряд ли он мог не знать точной даты своего рождения. Расхождение указанной им самим даты с датой, зафиксированной в метрической книге, оказывается, таким образом, обстоятельством, ставящим под некоторое сомнение достоверность обеих этих дат. И все же, на наш взгляд, предпочтение в данном случае следует отдать дате 22 апреля в документальной записи в метрической книге, пока не выявлены какие-либо свидетельства в пользу другой из указанных здесь дат.

Что касается даты 22 марта [“22 березня”], которую приводит Т. Байцура [11. С. 47], то это, надо полагать, досадная оплошность или элементарная описка, допущенная автором. Дело в том, что, приводя эту дату, автор ссылается на упоминающуюся статью В. Гнатюка, где, как сказано выше, четко указана дата 22 апреля (“1802, 22. aprilis”).

Обратимся теперь к дате кончины Ю.И. Венелина.

В существующей литературе указываются по крайней мере четыре даты смерти Ю.И. Венелина – 25, 26 и 28 марта 1839 г. (по старому стилю; иногда к дате 26 марта параллельно указывается и дата по новому стилю – 7 апреля) и 26 марта (только по новому стилю). Дату 28 марта находим в “Истории болгар” К. Иречека, изданной на чешском языке в 1876 г., а позднее в немецком и болгарском переводах (цит. по: [36. С. 572]). В статье М.В. Никулиной утверждается, что Ю.И. Венелин умер 26 марта по новому стилю [37. С. 77]. Эти даты не находят документальных подтверждений и

не принимаются никем из исследователей. Дата 25 марта 1839 г. как день кончины Ю.И. Венелина была указана в некоторых публикациях вскоре после смерти ученого. Так, газета “Московские ведомости” писала, что “его постигла смерть 25 марта 1839 г., в самую почти заутреню праздника Воскресения Христова” [38. С. 271]. Эти слова через два года дословно повторяет И.И. Молнар в известной статье о Ю.И. Венелине [39. С. LXXVIII–LXXIX]. Возможно, что автором заметки в “Московских ведомостях” был И.И. Молнар, на руках которого Ю.И. Венелин и умер в Павловской больнице, где Молнар служил доктором. Позднее, в самом конце 80-х годов XIX в., эту дату указывает П.А. Бессонов: “Венелин скончался 25 марта 1839 г. перед самой заутреней на Светлое Воскресение” [40. С. 269]. Дату 25 марта с уточнением времени суток относительно богослужения позднее называли и некоторые другие авторы. Л. Мацеевич, например, писал, что в 1839 г. “25 марта, в ночь на Светлое Христово Воскресение, преждевременная смерть похитила его [Венелина] у науки” [41. С. 398]. В других работах эта дата приводится без упоминания заутрени: [6. С. 320; 21. С. 29; 31. С. 12; 32. С. 84; 42. С. 95; 43. С. 122] и др.

Другую дату – 26 марта – приводит в некрологе Ю.И. Венелина Н. Савельев, который через три недели после смерти ученого писал, что тот скончался “в первый день Светлого Воскресения” [44. С. 322], т.е. на Пасху, первый день которой в том году приходился на 26 марта. Н. Савельев приводит и фрагмент полученного им письма от писателя Н.Ф. Павлова, одного из близких друзей Ю.И. Венелина, свидетеля последнего дня его жизни. В письме Н.Ф. Павлов сообщает, что в Павловской больнице, куда Ю.И. Венелина привез И.И. Молнар, у Ю.И. Венелина “вследствие пяти припадков сделался удар, от которого перед самой заутреней на Светлое Воскресение и отправился несчастный Венелин” [44. С. 323]. Из этих слов следует, что Ю.И. Венелин умер ранним утром на Пасху 26 марта. Несколько позднее ту же дату называли В. Априлов с уточнением “перед самой заутреней на Светлое Воскресение” [45. С. 126], “перед самой заутреней Светлого Воскресения” [46. С. 135]. Эту же дату имеет в виду и П. Бессонов, утверждая, что Ю.И. Венелин “скончался на руках старого друга и брата, перед самой заутреней Светлого Воскресения” ([47. С. XXVI]; то же почти дословно в [27. С. 203]). В. Златарский также указывал, что Ю.И. Венелин “отдал Богу душу перед самой заутреней на Христово Воскресение” [19. С. 120]. Совсем определенно эту же дату называет Н. Барсуков: “26 марта 1839 г., в первый день Святого праздника ... [Ю.И. Венелин] упокоился от земных трудов” [48. С. 269]. Дата 26 марта 1839 г. дается в ряде авторитетных справочно-энциклопедических изданий [5. С. 540; 7. С. 121; 4. Стб. 912; 3. С. 98; 29. С. 57; 18. С. 640; 25. С. 360; 12. С. 177; 13. С. 175; 49. С. 94], в целом ряде специальных трудов о Ю.И. Венелине ([19.: [52. С. 807; 20. С. 624; 53. С. 910] и др.). Дата 7 мая как день смерти Ю.И. Венелина только по новому стилю, соответствующая 26 марта по старому стилю, изредка приводится в некоторых работах последнего времени [14. С. 280; 26. С. 261].

Из приведенного обзора мнений о приводимых в литературе датах кончины Ю.И. Венелина видно, что основное расхождение в сущности сводится к дням 25 и 26 марта. Важно при этом отметить, что в обоих случаях день смерти в целом ряде работ уточняется ссылкой на пасхальную заутреню – “в самую почти заутреню”, “перед самой заутреней” и др. или же он указывается более неопределенно – “в ночь на Светлое Воскресение”. Заутреня (утреня) – “одно из богослужений суточного круга в православной церкви, совершаемое утром” [54. С. 554]. Это богослужение не имеет строго фиксированного часа своего начала: летом и в более торжественные праздники оно совершается раньше, чем зимой и в праздники менее торжественные. Самая же ранняя заутреня совершается, как правило, на день Пасхи [55. С. 23]. Имея это в виду, мы можем утверждать, что Ю.И. Венелин скончался ранним утром в день Пасхи, первым днем которой в 1839 г. было 26 марта. Сама кончина Ю.И. Венелина связывается по времени с заутреней, на наш взгляд, потому, что звон колоколов церковью Данилова монастыря, возвестивший о начале заутрени, был сразу же услы-

шан в Павловской больнице И.И. Молнаром и другими лицами, которые находились возле умиравшего и умершего Ю.И. Венелина: Павловская больница располагается в нескольких минутах ходьбы от Данилова монастыря.

Итак, по нашему мнению, Ю.И. Венелин родился 22 апреля 1802 г., а умер 26 марта 1839 г. по старому стилю или, соответственно, 4 мая и 7 апреля по новому стилю.

В заключение нужно сказать также, что юлианский календарь в греко-католической церкви в католической Венгрии, где родился Ю.И. Венелин, сохранялся до середины 1916 г., когда решением парламента страны он был заменен григорианским [56. С. 34]. Поэтому перевод даты рождения Ю.И. Венелина из юлианского календаря в григорианский вполне правомерен и не может вызывать каких-либо сомнений. Дата же смерти ученого, наступившей в Москве, вообще не требует никаких календарных оговорок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Vidugiris A.* Minint žymaus slavisto Jurijaus Venelino 200-asis metines // *Gimtoji kalba*. 200. № 4.
2. *Ишутин В.В.* Юрий Иванович Венелин (1802–1839): Биобиблиографический указатель литературы за 1828–1994 гг. // Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998.
3. Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979.
4. Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 1.
5. *Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. М., 1900. Т. 1.
6. Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 3.
7. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. 2-е изд. Пг., 1915. Т. 1.
8. *Потапенко Е.К.* Юрий Иванович Венелин и българският народ // Исторически преглед. 1978. № 6.
9. *Райков Д.* Юрий Венелин и Българското възраждане. София, 1994.
10. *Анчев А.* Руската общественост и българското национално възраждане през 30-те и 40-те година на XIX в. // Одринският мир от 1829 г. и балканските народи. София, 1981.
11. *Байцура Т.* Ю.И. Венелин. Братислава, 1968.
12. Українська радянська енциклопедія. 2-е изд. Київ, 1978.
13. Украинская советская энциклопедия. Киев, 1979. Т. 2.
14. Украинский советский исторический словарь. Киев, 1988. Т. 1.
15. *Минков Цв.* Строители на новобългарското образование. София, 1943.
16. Українська радянська енциклопедія. Київ, 1960. Т. 2.
17. Українська літературна енциклопедія. Київ, 1988.
18. Энциклопедия “България”. София, 1978. Т. 1.
19. *Златарски В.* Юрий Иванович Венелин и значението му за българите // Летопис на Българското книжно дружество в Софии. 1901–1902. София, 1903. Т. 3.
20. *Пенев Б.* История на новата българска литература. София. 1933. Т. 3.
21. *Неделчев И.* Юрий Венелин и значението му за Българското Възраждане (По случай 180 години от рождението му) // Духовна култура. 1982. № 7.
22. *Фомин С.* Ю.И. Венелин // Дружба народов. 1982. № 4.
23. *Горенски Д.* Паметна плоча на Юрий Венелин в Москва // Работническо дело. 23 V 1988.
24. *Марк, иеромонах.* В Даниловом монастыре // Журнал Московской патриархии. 1988. № 12.
25. Кирило-методиевска енциклопедия. София, 1985. Т. 1.
26. Радянська енциклопедія історії України. Київ, 1969. Т. 1.
27. *Бессонов П.* Юрий Иванович Венелин // ЖМНП. 1982. № 6.
28. *Венгеров С.А.* Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1897. Т. 5.
29. *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь. Минск, 1976. Т. 1.
30. *Гранчак І.М., Зимомря М.І.* Ю.І. Гуца-Венелін і сучасність // Юрій Іванович Венелін (1802–1839). Бібліографічний покажчик. Ужгород, 1989.
31. *Гранчак І.М., Зимомря М.І.* Ю.І. Гуца-Венелін – засновник болгаристики в Росії та в Україні // Ю.І. Гуца-Венелін і слов'янський світ. Ужгород, 1992.

32. *Павленко Г.В.* Ю.И. Гуца-Венелин в контексте развития славистической науки своего времени // Ю.И. Гуца-Венелин і слов'янський світ. Ужгород, 1992.
33. *Николов Б.* Ю.И. Венелин и новобългарската литература // Родна реч. 1979. № 10.
34. *Гнатюк В.* Кілька причинків до біографії Юрія Гуци (Венеліна) // Записки Наукового товариства імени Шевченка. 1902. Т. 47. Кн. 3.
35. *Медовичева Т.А.* О путевых записках Ю.И. Венелина // Записки Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. 2000. Вып. 51.
36. *Иречек К.* История на българите. С поправки и добавки на самия автор. София, 1978.
37. *Никулина М.В.* Ю.И. Венелин (К 150-летию со дня смерти) // Советское славяноведение. 1989. № 3.
38. *Венелин* // Московские ведомости. 1839. 20 V. № 40.
39. *Молнар И.* Черты частной и ученой жизни Ю.И. Венелина // Ю. Венелин. Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1841.
40. *Бессонов П.* Юрий Иванович Венелин // Всемирная иллюстрация. 1889. 8 апреля. Т. 49. № 15.
41. *Мацевич Л.* К биографии Юрия Венелина // Известия С.-Петербургского благотворительного общества. 1885. № 9.
42. *Венедиктов Г.К.* За паметника на Юрий Венелин в Москва // Език и литература. 1988. № 3.
43. *Тихомиров С.* Под именем Венелина // Дружба. 1982. № 5.
44. *Савельев Н.* Юрий Иванович Венелин // Литературные прибавления в Русскому инвалиду на 1839. 1939. 15 V, № 15.
45. *Априлов В.* Денница новобългарского образования. Одесса, 1841.
46. Справочный энциклопедический словарь / Изд. под ред. А. Старчевского. СПб., 1854. Т. 3.
47. *Бессонов П.* [Статья предварительная] // Ю. Венелин. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. 2-е изд. М., 1856.
48. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1892. Т. 5.
49. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 60.
50. *Минкова Л.* Историята на една история // Литературна мисъл. 1972. № 6.
51. *Венедиктов Г.К.* Ю.И. Венелин и А.С. Пушкин // Советское славяноведение. 1986. № 3.
52. Спомен за Венелина // Периодическо списание на Българското книжно дружество в Средец. 1889. Кн. 28/30.
53. *Попруженко М.Г.* Страници из историята на Българското възраждане // Просвета. 1938. Год. III. Кн. 8.
54. Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1.
55. *Никольский С.* Учебный устав богослужения. М., 1999. Т. 2.
56. *Болдизар М.М.* Антінародна діяльність уніатської церкви. Львів, 1980.

© 2003 г. С. И. ДАНЧЕНКО, И. В. ЧУРКИНА

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.А. НИКИТИНА

Известный ученый-славист и педагог, внесший весомый вклад в становление и развитие отечественного славяноведения и международных научных связей, профессор Сергей Александрович Никитин был учителем для целого поколения ученых, чьи достижения стали гордостью отечественной науки. Его труды высоко оценены не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Научной и педагогической деятельности С.А. Никитина посвящены многие работы. О нем писали академики АН СССР В.М. Хвостов, А.Л. Нарочницкий, Ю.А. Писарев, академик Боснийско-герцеговинской, Сербской и Черногорской академий наук и искусств М. Экмечич. Творчество ученого исследовали его многочисленные ученики, отечественные и зарубежные: В.Г. Карасев, И.В. Чуркина, В.И. Фрейдзон, Л.В. Горина, Б.Н. Билунов, В.М. Хевролина, С.П. Боброва, Н.П. Данилова, А.Н. Горяинов, словацкий ученый В. Матула, академик Болгарской академии наук Н. Тодоров и др. [1]. Уже сам интерес такого большого числа серьезных ученых к трудам С.А. Никитина указывает на то, какое важное место в развитии славяноведения они занимают.

Сергей Александрович Никитин родился 25 июня 1901 г. в Москве. Он происходил из небогатой образованной дворянской семьи, представители которой достойно трудились на ниве науки и просвещения: отец – Александр Васильевич Никитин был преподавателем Николаевского Сиротского института; дядя – Дмитрий Васильевич, медик по образованию, некоторое время являлся личным врачом Л.Н. Толстого и членов его семьи.

Свое обучение Сергей Александрович начал в 4-й московской мужской гимназии, воспоминания о демократических порядках в которой, царившем там духе товарищества он сохранил до конца своих дней (см. [2. С. 120–142]). В гимназические годы он с увлечением читал исторические сочинения В.О. Ключевского, А.Н. Пыпина и других, поглощая один том за другим и закладывая таким образом фундамент той энциклопедичности, которая всегда поражала в Сергее Александровиче его коллег и учеников.

После окончания гимназии в 1918 г. С.А. Никитин поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который годом позже, в 1919 г., был преобразован в факультет общественных наук. Здесь изучалось множество предметов из области философии, психологии, логики, права, экономики и, конечно, истории, которую преподавали лучшие отечественные ученые и педагоги. Так, историю России Никитин-студент изучал под руководством С.В. Бахрушина, М.М. Богословского, Ю.В. Готье, А.И. Яковлева, а всеобщую историю – у Р.Ю. Виппера, В.П. Волгина, В.М. Лавровского, Д.М. Петрушевского, С.Д. Сказкина.

Данченко Светлана Ивановна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Чуркина Искра Васильевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Учебу С.А. Никитину приходилось совмещать с военной службой, на которую он был призван в 1919 г. и которую проходил до 1924 г. сначала как курсант отделения русского языка Военно-педагогического института, а затем в качестве преподавателя командной артиллерийской школы.

В 1922 г. Сергей Александрович окончил факультет общественных наук Московского университета и наряду с преподаванием стал заниматься профсоюзной работой – он заведовал профсоюзными курсами, был лектором Московского совета профсоюзов. К этому периоду жизни относится появление первых научных статей будущего ученого, посвященных профсоюзной печати в России в 1905–1906 гг. [3].

В 1924 г. Сергей Александрович стал аспирантом Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов (РАНИОН) и начал вести самостоятельные научные исследования. В годы учебы в аспирантуре, а именно в 1927 г., в Большой Советской Энциклопедии была опубликована первая славистическая работа С.А. Никитина, посвященная богомилам. В 1928–1929 гг. он ассистировал профессору С.Д. Сказкину в семинаре по истории связей славянских народов с Россией [4. С. 49]. Внимание Никитина-аспиранта привлекла тема: “Русско-турецкая война и русская политика на Балканах в 70-е годы XIX века”. На ее выбор, а также на пробуждение у молодого ученого интереса к славяноведению повлияли известные ученые С.Д. Сказкин, В.И. Пичета, М.К. Любавский и А.М. Селищев. Именно они, высоко оценив эту первую серьезную работу С.А. Никитина, посоветовали ему обратиться в его дальнейших изысканиях к архивным материалам.

С 1928 г. по сентябрь 1930 г. Сергей Александрович работал в библиотеке Высшего совета народного хозяйства, где занимался библиографической деятельностью в должности помощника редактора Технической библиотеки. Не исключено, что то обстоятельство, что он не работал по специальности, было связано с его пребыванием в аспирантские годы в семинаре известного историка Н.А. Рожкова, который в конце 20-х годов полемизировал с М.Н. Покровским и обвинялся в меньшевистской интерпретации исторического процесса [5. С. 13].

14 сентября 1930 г. С.А. Никитин был арестован. Сергею Александровичу инкриминировались связь с группой историков (М.К. Любавский, Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, В.И. Пичета и др.), арестованных по “Академическому делу”, официально названному делом “Всенародного Союза за возрождение свободной России”, сфабрикованному ОГПУ с целью обвинения в контрреволюционной деятельности большой группы членов АН СССР, “участие в антимарксистском кружке Рожкова”, а также выступления против Общества историков-марксистов [5. С. 13–15]. Под следствием Сергей Александрович пробыл около двух с половиной месяцев и содержался в Бутырской тюрьме. Следователь Н.Н. Соловьев в своем заключении по следственному делу назвал его элементом условно социально опасным. Там же констатировалось, что подследственный Никитин – “исключительный путаник и ценности как историк никакой не представляет” [5. С. 18].

Сосланный на Урал в январе 1931 г. сроком на три года, С.А. Никитин оказался в Свердловске – благодаря ходатайствам матери Глафиры Северьяновны и поддержке Е.П. Пешковой, возглавлявшей в то время политический Красный Крест. Там он устроился на работу в трест “Восток-сталь” на должность старшего экономиста. В июле 1932 г. Сергей Александрович был досрочно освобожден и вернулся в Москву. В первые два года он работал главным редактором организации “Союзоргучет” и лишь в 1935 г. вошел в состав группы, образованной в Историко-археографическом институте с целью публикации документов по истории Средней Азии [5. С. 18–19].

Забегая вперед, следует отметить, что при жизни Сергея Александровича с него так и не были сняты обвинения по делу многолетней давности. Лишь 3 марта 1989 г., т.е. спустя почти 10 лет после смерти, С.А. Никитин был официально реабилитирован [5. С. 19].

С 1937 г. началась преподавательская деятельность Сергея Александровича. М.Н. Тихомиров привлек его к чтению курса источниковедения России XIX в. в Исто-

рико-архивном институте. В своих лекциях молодой преподаватель с присущими ему тщательностью, скрупулезностью и эрудицией представил классификацию источников XIX в. по русской истории, раскрыл их значение, охарактеризовал научные приемы их анализа. Впоследствии этот курс был выпущен отдельной книгой [6], которую в 1941 г. Сергей Александрович защитил как кандидатскую диссертацию. Этот труд был высоко оценен научной общественностью и стал учебником для студентов и аспирантов, которым они пользовались более двадцати лет.

В 1941 г. С.А. Никитин был принят на работу в МГУ им. М.В. Ломоносова в качестве преподавателя исторического факультета. Здесь он трудился до 1961 г., а с 1947 по 1961 гг. был заведующим кафедрой истории южных и западных славян. Наряду с этим в 1947 г. Сергей Александрович стал одним из основателей Института славяноведения АН СССР, в котором возглавил сектор новой истории славянских народов.

После окончания Великой Отечественной войны научные интересы С.А. Никитина сосредоточились вокруг проблем истории балканской политики России и русско-славянских связей 50–70-х годов XIX в. Изыскания по данной проблематике в отечественных архивохранилищах, детальное и глубокое изучение многочисленных периодических изданий этого периода позволили ученому создать ряд ценнейших исследований и публикаций документов, появившихся в 40–50-е годы XX в. в “Литературном наследстве”, “Славянском сборнике”, “Славянском архиве” [7]. Последнее издание было учреждено в Институте славяноведения АН СССР по инициативе самого Сергея Александровича в 1958 г. (он же стал его редактором) и до появления многотомных публикаций по истории связей России с южными славянами было одним из немногих изданий, в которых публиковались вновь открытые источники по указанной проблематике.

В 40-е годы XX в. С.А. Никитин в качестве главной определил для себя тему русско-балканских отношений, в частности, вопросы балканской политики и отношения русского общества к событиям на Балканах в период от Крымской войны до конца 70-х годов XIX в. 1947 год – это год завершения монографии, которая была защищена С.А. Никитиным в качестве докторской диссертации – “Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 гг.” Защита прошла успешно, о чем свидетельствовали положительные отзывы крупных отечественных историков, выступивших в качестве официальных оппонентов: Н.М. Дружинина, В.И. Пичеты и тюрколога А.Ф. Миллера. Вскоре после защиты Сергей Александрович подготовил свой труд к публикации отдельной книгой в издательстве АН СССР, однако цензура сочла невозможным его напечатать, и набор был рассыпан (подробнее см.: [8]). В этой работе, как, впрочем, и в последующих, С.А. Никитину ближе всего был позитивизм с его обстоятельностью в подборе фактов, со стремлением любой вывод базировать именно на них, хотя, разумеется, он, как и многие другие, был вынужден “играть” по правилам господствующей в то время в историографии марксистско-ленинской методологии. Фундаментальность его труда просто поражает. Он был основан на документах из 12 московских и ленинградских архивов, материалах центральной и провинциальной прессы; им были широко использованы многочисленные опубликованные источники, а также обширная литература на многих языках. Впоследствии часть материалов книги с небольшими изменениями вошла в его монографию “Славянские комитеты в России. 1858–1876 гг.”, а ряд разделов был опубликован в “Очерках по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в.” Неопубликованные разделы объединялись единой проблематикой – развитие панславистских идей в русской общественной мысли в 40–70-е годы XIX в. Власть не устраивал тот факт, что при сравнении планов русских панславистов с тем, чего достиг СССР в 1945 г., у читателя могли возникнуть нежелательные ассоциации.

Главным научным трудом Сергея Александровича, по признанию большинства исследователей, его учеников и коллег в разных странах, стала фундаментальная монография “Славянские комитеты в России. 1858–1876 гг.” (М., 1960). В послевоенные годы среди политиков, публицистов и ученых на Западе существовало мнение, происте-

кавшее из того, что эта тема была совершенно не изучена, о том, что славянские комитеты, действовавшие в России в 60–70-е годы XIX в., были секретными организациями, созданными русским правительством для сбора агентурной информации в балканских странах. Особенно часто поминались комитеты в связи с приписываемой России политикой панславизма. Взвзвись за исследование этой проблемы, С.А. Никитин, как и в предыдущих своих работах, шел от источников, которые во множестве открывал в российских архивах. Наряду с этим он впервые в отечественной славистике широко привлек периодику различных направлений, в том числе и провинциальные издания, а также обширную мемуарную литературу. Отдав дань уважения своим предшественникам в изучении этой труднейшей темы, С.А. Никитин совершенно по-новому рассмотрел деятельность славянских комитетов в России. Прежде всего, он показал, что славянофилы вовсе не были ретроgrадами, какими пытались представить их советская историография, а являлись деятелями умеренно либеральных взглядов, выступавших за проведение постепенных буржуазных реформ. Проследив двадцатилетнюю историю существования славянских комитетов, ученый сделал ряд ценных наблюдений, в том числе и тех, которые не вписывались в существовавшую в те годы официальную концепцию. Со страниц монографии С.А. Никитина славянские комитеты предстают своеобразной общественно-благотворительной организацией с политическими тенденциями, довольно многочисленной и пестрой по своему составу. Действовали они легально и были единственной организацией в России, которая оказывала разнообразную помощь южным славянам. Комитеты располагали небольшими денежными средствами, но иногда пользовались некоторыми правительственными и церковными субсидиями. Вместе с тем, как показал Сергей Александрович в своем труде, их помощь в деле формирования национальной интеллигенции в балканских странах, развитии там образования, науки и культуры была бесценна. Ее значение в тот непростой период истории этих народов трудно переоценить.

Книга С.А. Никитина по праву может считаться первой в ряду серьезных трудов по данной проблематике. Ее появление в значительной мере стимулировало научные поиски и изыскания в этом направлении. Современные исследователи, являющиеся в большинстве своем учениками и последователями профессора Никитина или учениками его учеников, к настоящему времени опубликовали множество новых, уникальных документов, создав таким образом прекрасную источниковедческую базу для исследователей нынешнего, XXI в. Но в 1960 г., когда в СССР появился труд С.А. Никитина, вклад славянских комитетов в расширение связей России с народами Балкан уже не мог быть оспорен. Собранные воедино уникальные архивные материалы, публикации в российской периодике, выдержки из мемуаров деятелей того времени позволили ученому сделать обоснованные выводы и, отделив зерна от плевел, показать место и действительную историческую роль славянских комитетов в развитии русской политики в балканском регионе. Эта книга заслуженно получила высокую оценку как в нашей стране, так и за рубежом, в первую очередь, в государствах бывшего соцлагеря. “Этим своим научным трудом он по праву завоевал большой авторитет в мировой науке”, – писал известный сербский историк М. Экмечич [9. С. 93]. “Тот, кого интересуют такие проблемы, как славянское единство и славянская взаимность, освободительная роль России и различные ее интерпретации, расхождения между русскими славянофилами и славянофилами других стран, должны непременно обратиться к этой работе С.А. Никитина”, – подчеркивал директор Института балканистики Болгарской академии наук Николай Тодоров [10. Р. 150–153].

Уже в 50-е годы XX в. С.А. Никитин начал публиковать статьи о позиции различных общественно-политических течений в тогдашнем российском обществе по славянскому вопросу и о связях с зарубежными славянскими народами, а в 1970 г. издал монографию “Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в.” Центральной проблемой, рассматриваемой в этом труде Сергея Александровича, стало отношение ведущих органов русской периодической печати к целому ряду важнейших событий в истории южнославянских народов, а имен-

но: национально-освободительная борьба в Боснии и Герцеговине, черногоро-ту-рецкие конфликты, создание Балканского союза 60-х годов XIX в., борьба за церковную самостоятельность Болгарии и переселение болгар в Россию, а также восточный вопрос во всех его проявлениях. Здесь же был помещен обширный очерк об экономическом облике болгарского города в момент освобождения Болгарии от османского ига. Впервые введенные в научный оборот данные уникального источника – русской переписи в Болгарии в 1879 г. – дали возможность расширить и скорректировать существовавшие ранее представления о социально-экономической структуре болгарского города. Однако этими, безусловно, важными сюжетами исследование Сергея Александровича не ограничивается. В нем также рассмотрен ряд вопросов другой темы, которую он разрабатывал на протяжении всей своей творческой жизни. Речь идет о балканской политике России, которая, как отмечал ученый, видела в славянских народах Балканского полуострова, вставших на путь национально-освободительной борьбы, союзную силу, способную создать более благоприятную для русских интересов ситуацию в регионе, что в свою очередь, приводило к ответному тяготению к России со стороны южных славян.

Этот и другие новаторские труды С.А. Никитина дали толчок дальнейшим исследованиям в отечественной науке русской периодической печати как источника по истории русско-славянских связей.

Широта научных интересов Сергея Александровича поражает. Он исследовал самые разнообразные темы по истории славянских народов от периода раннего средневековья до современности. Особое внимание он уделил средневековой истории Болгарии. Поставленные им проблемы сохраняют свое значение и по сей день, например, вывод о том, что вторжение славян на Балканы значило “ничуть не меньше, чем вторжение на территорию Западно-Римской империи германских и других племен” [11. С. 134]. В период, когда македонская историография активно стремилась доказать, что македонская нация существовала уже в раннем средневековье, профессор Никитин осторожно, но твердо выступил против этой точки зрения. Он указывал, что со второй четверти IX в. македонские славяне развивались в рамках Болгарского государства. Начало формирования македонской нации, ее выделения из болгарской Сергей Александрович относил к 1878 г., когда после Берлинского конгресса македонские земли оказались отрезанными от Болгарского государства [12. С. 70]. Этой точки зрения придерживается современная отечественная наука.

Кроме болгарского средневековья, С.А. Никитин интересовался средневековой Боснией, особенно богомильским учением, имевшим там широкое распространение до турецкого завоевания, а также классовый борьбой в Чехии и Моравии в XIV – начале XV в., как раз накануне развернувшегося там гуситского движения.

И все же наибольший интерес Сергея Александровича вызывали проблемы, вопросы и сюжеты славянского возрождения. Он написал ряд статей о крупнейших деятелях славянской культуры: о болгарях Паисии Хилендарском, Любене Каравелове, Марине Дринове; о словаке Людовите Штуре и его знаменитом трактате “Россия и мир будущего”. Несколько работ он посвятил реформатору сербского литературного языка Вуку Караджичу, в которых нашла отражение биография ученого и показаны его отношения с властями Австрии, Сербии и России. С.А. Никитин подчеркивал уважение и благодарность Караджича России, который писал: “Во всех моих исторических трудах я с чрезвычайной заботливостью охранял имя России от всякой черной тени” [13. С. 318].

С.А. Никитин исследовал также один из самых спорных и сложных вопросов сербской истории – роль воеводинских сербов в революции 1848–1849 гг. И хотя он был вынужден придерживаться отрицательной оценки, данной К. Марксом и Ф. Энгельсом славянскому национальному движению, он, тем не менее, выделил первый период сербского движения как прогрессивный, сделав тем самым шаг вперед к отказу от привычных штампов. Особый интерес Сергей Александрович проявлял к Первому и

Второму сербским восстаниям, которые стали главной темой его научных занятий в последние годы жизни.

Одним из важных направлений научной деятельности С.А. Никитина было его участие в подготовке публикаций документов по истории балканской политики России и русско-славянских связей в XIX в. Уже в период работы над докторской диссертацией Сергей Александрович вскрыл громадные пласты в большинстве своем неизвестных ранее документов. Познакомившись с их содержанием, он пришел к выводу, что выявление, издание и обстоятельное их изучение – важнейшая задача отечественной науки. Они были необходимы для углубленных исследований в области недостаточной и односторонне изученной в те годы балканской политики России. Следует подчеркнуть, что Сергей Александрович рассматривал эту работу как особую форму научно-исследовательского труда, где исторические проблемы, в отличие от монографических исследований, освещаются языком снабженных комментариями и справочным аппаратом документов.

Первой фундаментальной публикацией, организатором которой был С.А. Никитин, стала публикация “Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х томах” (М., 1961–1967). В ее подготовке, наряду с учеными, архивными и библиотечными работниками Советского Союза, приняли участие болгарские коллеги: А. Бурмов, Н. и Г. Тодоровы и др. С конца 50-х годов XX в. под руководством Сергея Александровича в нашей стране впервые были проведены работы по выявлению архивных документов такого масштаба, осуществленные не только в хранилищах столичных городов СССР, но и в регионах – на Кавказе, европейской части России, в республиках СССР, а также за границей.

В период подготовки “Освобождения Болгарии...” был сделан решающий шаг в деле формирования научной школы профессора Никитина. Молодые в ту пору ученые, которых он привлек к выявлению и комментированию документов – А.А. Улунян, Н.В. Зуева, Е.М. Шатохина, Д.Ф. Поплыко, В.Г. Карасев, И.В. Козьменко, В.Д. Конобеев и другие – были не только его учениками, но и единомышленниками. Ведя научный поиск под руководством Сергея Александровича, постигая его талант как публикатора, перенимая его мастерство, приобретая опыт и знания, они постепенно превратились в высокопрофессиональных специалистов в области балканской политики России и русско-балканских связей. Все это они впоследствии широко использовали в своей работе и щедро передавали своим ученикам, обеспечивая таким образом преемственность научных исследований.

Следует отметить личное участие Сергея Александровича в подготовке “Освобождения Болгарии...” в качестве ответственного редактора, прежде всего при отборе и комментировании документов. Стремясь к тому, чтобы в публикации возможно полнее были отражены главные аспекты избранной темы, он считал необходимым основное внимание сосредоточить на тех вопросах, которые ранее были слабо разработаны в литературе или не были изучены вовсе.

Несомненной заслугой создателей этого труда является публикация документов, отражающих общественные связи между Россией и южными славянами. Представленные в первом томе материалы освещают отношение различных слоев русского общества к восстанию в Боснии и Герцеговине 1875 г., к национально-освободительной борьбе других южных славян. Большой интерес представляют документы о русских добровольцах в Сербии, которая в 1876 г. вступила в войну с Турцией.

Основным содержанием второго тома стали документы, раскрывающие важнейшие стороны дипломатической истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг., освещающие переговоры России с Турцией и международную обстановку в период заключения Сан-Стефанского прелиминарного договора, а также такие вопросы, как деятельность русского Гражданского управления в Болгарии, национально-освободительное движение болгарского народа, русско-болгарское боевое содружество и др.

Материалы третьего тома публикации касаются многих вопросов независимого существования освобожденной Болгарии и формирования ее государственности. Здесь представлены неопубликованные документы о переговорах Е.П. Новикова и Н.П. Игнатьева в Вене и П.А. Шувалова в Лондоне, предшествовавших Берлинскому конгрессу 1878 г., а также впервые полностью приведены инструкции русским уполномоченным на конгрессе, раскрывающие отношение правящей элиты России к различным вариантам решения вопроса о создании болгарского государства.

После выхода в свет публикация “Освобождение Болгарии...” получила очень высокую оценку научной и широкой общественности в нашей стране и за рубежом. По признанию многих, этот труд стал непревзойденным, классическим образцом советского академического документального издания.

Впоследствии под руководством С.А. Никитина было подготовлено два сборника документов: “Зарубежные славяне и Россия” (М., 1975), в котором публиковались материалы архива священника русской посольской церкви в Вене в 40–80-х годах XIX в. М.Ф. Раевского (совместный труд ученых СССР, Югославии и Чехословакии), и двухтомник “Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия” (М., 1980–1983, кн. I–II – совместно с Сербской академией наук и искусств). Выхода в свет последней публикации Сергею Александровичу уже не пришлось увидеть.

Сборник документов “Зарубежные славяне и Россия” содержит впервые опубликованные письма к М.Ф. Раевскому русских и зарубежных славянских государственных, политических и общественных деятелей, представителей культуры, освещающие вопросы отношений русской научной и политической общественности и славянских народов Габсбургской и Османской империй. Документы и публикации касаются многих аспектов национально-политического, социального и культурного развития южных славян, чехов и словаков в самых разнообразных его проявлениях, а также отношения участников национального движения этих народов к официальной России, их связей с русской общественностью, главным образом, славянофилами, с русскими учеными-славистами. Издание содержит большое число новых фактов о помощи различных кругов русского общества национальным движениям угнетенных народов, роли М.Ф. Раевского и его корреспондентов в установлении и расширении контактов с зарубежными славянами. Большое научное значение имела публикация неизвестных ранее писем ряда выдающихся деятелей – Петра II Петровича Негоша, В.С. Караджича, чешского просветителя В. Ганки, сербского митрополита Михаила, хорватского ученого-историка И. Кукулевича и др. Следует отметить, что на всех этапах работы над этим изданием помощь Сергея Александровича была бесценна. Он был не только его ответственным редактором и главным консультантом по всем вопросам, но также высококвалифицированным комментатором документов. Уже в процессе подготовки сборника ученики С.А. Никитина – И.В. Чуркина и словацкий ученый В. Матула – опубликовали ряд интересных статей, в которых широко использовались материалы архива М.Ф. Раевского. После кончины Сергея Александровича работа по изданию документов была продолжена – на тех же принципах, которые были установлены при его жизни. В 1989 г. в Белграде была издана первая книга второго тома документов “Югославяне и Россия” [14], в которой были опубликованы письма русских и югославянских корреспондентов М.Ф. Раевского и среди них: камер-фрейлины русской императрицы А.Д. Блудовой, дипломатов Л.В. Березина, В.П. Балабина, А.Е. Влангали и А.С. Ионина; ученых А.Ф. Гильфердинга и В.И. Ламанского; известных государственных и общественных деятелей и ученых – М. Бана, В. Богишича, Дж. Даничича, Н. Дучича, И. Кукулевича и др.

В 90-е годы XX в. в силу причин, связанных с изменением политической ситуации в России и славянских странах, это научное сотрудничество, установлению которого столько сил отдал С.А. Никитин, было прервано и до сих пор, к сожалению, не восстановлено. Неизданными остались вторая книга второго тома “Югославяне и Россия”, уже подготовленная к печати, а также многочисленные выявленные материалы о связях России с чехами и словаками в XIX в.

Как уже отмечалось выше, под научным руководством Сергея Александровича в 1970-е годы осуществлялась подготовка издания дипломатических документов по истории Первого сербского восстания из архивов Советского Союза (совместный проект Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института балканистики Сербской академии наук и искусств). Хотя ему уже не пришлось увидеть вышедшей из печати эту фундаментальную работу, однако он успел вложить в нее немало своего труда, знаний и таланта, передать свой опыт ученикам-коллегам.

Двухтомная публикация содержит материалы, которые впервые систематизированно освещают политику России в сербском вопросе в начале XIX в. В ней широко представлены документы об отношении русских правящих кругов к повстанцам, о русской военной помощи; значительная их часть характеризует некоторые формы общественных связей России и Сербии, например, поездки сербских делегаций в Петербург и штаб Молдавской армии. Представленные в издании материалы позволили исследователям сделать вывод о том, что Россия на протяжении всего хода национально-освободительной борьбы сербов оказывала им всестороннюю дипломатическую, военную и материальную помощь, сыграв тем самым положительную роль в деле создания национального сербского государства.

В.М. Хевролина подсчитала, что под руководством С.А. Никитина в 1960–1970-е годы было подготовлено и частично издано около 300 печатных листов исторических документов [15. С. 68].

Говоря в целом о публикаторской работе профессора Никитина как составной части его научной деятельности, следует подчеркнуть ее новаторство и своеобразие. По его настоянию в вышеуказанных сборниках документов в научный оборот вводились материалы различного характера: дипломатическая переписка, официальные записки, а также документы личного происхождения – письма, дневники, прошения, принадлежащие как известным деятелям, так и рядовым свидетелям той эпохи. Подобный отбор исторических свидетельств, наряду с другими достоинствами публикаций, выполненных под руководством Сергея Александровича – тщательной археографической подготовкой документов, развернутым справочным аппаратом, блестяще написанными предисловиями и комментариями, содержащими большой объем научной информации и часто являющимися небольшими исследованиями, – выделяет их из ряда подобных трудов, издававшихся в СССР, и по-прежнему, спустя годы и десятилетия, вызывает большой интерес.

Еще одним аспектом научной и научно-организаторской деятельности С.А. Никитина было его активное участие в объединении историков-славистов Советского Союза и налаживании их сотрудничества с учеными славянских стран. Он был одним из инициаторов и организаторов всесоюзных межвузовских научных конференций историков-славистов, проводившихся в СССР с целью развития и координации славяноведческих исследований, улучшения учебно-методической работы и подготовки кадров славистов. Сергей Александрович являлся членом Комиссии историков СССР и Болгарии. За заслуги в укреплении советско-болгарского научного сотрудничества он был награжден болгарским орденом Кирилла и Мефодия I степени.

В связи с научно-исследовательской и научно-организационной работой Сергею Александровичу приходилось неоднократно бывать за рубежом. Он был участником нескольких международных конгрессов и встреч историков: V Международного конгресса славистов в Софии, XII Международного конгресса исторических наук в Вене, коллоквиума Международной славянской комиссии в Париже и др. Широкое международное признание научных заслуг С.А. Никитина выразилось в том, что на Венском конгрессе историков он был избран вице-президентом Славянской комиссии при Международном комитете исторических наук, а на Московском конгрессе историков в августе 1970 г. – президентом этой комиссии.

Активное участие принимал С.А. Никитин в общественно-научной жизни нашей страны. В 1947–1957 гг. он входил в состав редколлегии издававшегося Славянским комитетом СССР журнала “Славяне”; являлся членом комиссии ученых по содейст-

вию Комитету борьбы за мир. В течение многих лет он отдавал много сил и времени работе в Обществе советско-болгарской дружбы, будучи членом его Центрального правления.

Несомненной заслугой С.А. Никитина явилось то, что он сумел не только сохранить, но и передать своим ученикам лучшие традиции российского дореволюционного славяноведения: научную добросовестность, использование сравнительно-исторического метода, опору при выводах, прежде всего, на факты. Он стал как бы связующим звеном между дореволюционной историографией и отечественной славистикой. Сергей Александрович создал свою школу историков-славистов, среди его учеников к 1979 г. было 9 докторов и 25 кандидатов исторических наук [16. С. 9]. Его роль как учителя очень емко охарактеризовал Н. Тодоров: “Благодаря его поощрению и поддержке несколько десятков советских исследователей смогли утвердиться как талантливые слависты и посвятить себя изучению истории славянских народов. Среди его учеников немало болгарских, чехословацких, польских и румынских исследователей” [17. С. 91].

Как учитель С.А. Никитин был очень строг. Ему было достаточно взглянуть на провинившегося или сказать всего несколько слов, чтобы человек осознал свою ошибку – будь то неточное приведение исторического факта в работе, или же недостаточно обоснованный, фундированный вывод. “Страх перед оценкой учителя всегда незримо присутствовал у меня, вплоть до его кончины”, – вспоминает д-р ист. наук Искра Васильевна Чуркина.

Одобрительные оценки С.А. Никитина отличались лаконичностью и были чрезвычайно скупы: “Это пойдет”, “Приемлемо”, “Занимательно” и т.д. Особенно раздражала Сергея Александровича неряшливость в приведении и интерпретации фактов, которые он считал основой исторического исследования. Однако в том случае, когда в качестве доказательства использовалась цитата из трудов классиков марксизма-ленинизма, он обычно ничего не говорил.

Завершая рассмотрение научной деятельности профессора Никитина, следует подчеркнуть, что вклад ученого в развитие отечественного славяноведения трудно переоценить, ибо во многих направлениях его можно назвать первопроходцем. Крупные ученые продолжают жить на Земле в своих трудах. Научное наследие С.А. Никитина насчитывает около 300 больших и малых работ. И главное их значение в том, что они и сейчас востребованы, к ним обращаются молодые исследователи и студенты. Они не просто часть историографии, они по-прежнему поражают захватывающим повествованием о далекой эпохе, богатой событиями и личностями.

Благодаря активной научной и преподавательской деятельности Сергея Александровича в отечественном славяноведении сложилось научное направление, связанное с изучением связей народов России и балканских стран. Опосредованное влияние С.А. Никитина на историческую науку продолжается и сегодня, так как его мысли, воззрения, идеи и концепции продолжают развивать его ученики и ученики его учеников. И это, безусловно, говорит о продуктивности и огромном значении его научного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хвостов В.М., Нарочницкий А.Л., Валев Л.Б., Писарев Ю.А., Карасев В.Г.* Профессор Сергей Александрович Никитин // *Славяне и Россия*. М., 1972. С. 3–11; *Зуева Н.В., Данилова Н.П.* Юбилей видного советского ученого С.А. Никитина // *Советское славяноведение*. 1971. № 6. С. 112–113; *Хвостов В.М., Нарочницкий А.Л., Валев Л.Б., Писарев Ю.А.* Профессор Сергей Александрович Никитин // *Новая и новейшая история*. 1971. № 6. С. 199–203; *Matula V. S.A. Nikitin 70 ročny* // *Historický časopis*. Bratislava, 1971. № 2. S. 312; *Todorov N.* Le professeur S.A. Nikitin // *Etudes balkaniques*. Sofia, 1971. № 1. P. 150–153; *Боброва С.П.* Сергей Александрович Никитин (из истории советского славяноведения) // *Вопросы истории славян*. Воронеж, 1972. С. 97–112; *Фрейдзон В.И., Чуркина И.В.* Исследования С.А. Никитина в области русско-славянских отношений в 50–70-х годах XIX в. // *Славяне и Россия*. М.,

1972. С. 11–19; *Боброва С.П.* Об исследовательской методике С.А. Никитина // Славяне и Россия. М., 1972. С. 20–26; *Чуркина И.В.* Сергей Александрович Никитин // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 46–56; *Ekmečić M.* Sergej Aleksandrović Nikitin // Jugoslovenski istorijski časopis. 1979. № 1–2. S. 230–231; *Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина // Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992.*
2. Воспоминания о гимназических годах (публикация А.Е. Москаленко) // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983.
 3. *Никитин С.А.* Очерки по истории профессиональной печати в России // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 2. С. 141–158; М., 1925. Сб. 3. С. 43–59.
 4. *Билунов Б.Н.* Болгарское Возрождение в трудах С.А. Никитина // Балканские исследования. Вып. 14. Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1992.
 5. *Петровский Л.П., Горяинов А.Н.* Неизвестная страница биографии С.А. Никитина (По материалам ОГПУ начала 1930-х годов) // Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992.
 6. Источниковедение истории СССР. XIX век (до начала 90-х годов). Курс источниковедения истории СССР. Т. 2. М., 1940.
 7. Письма и записки Н.А. Киреева о балканских событиях 1876 года // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М., 1948; Письмо Огарева Бакунину // Литературное наследство. Т. 63. М., 1956; Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии // Славянский архив. М., 1959 и др.
 8. *Чуркина И.В.* Неизданная книга С.А. Никитина // Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992.
 9. *Экмечич М.* Сергей Александрович Никитин (1901–1979) // Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992.
 10. *Todorov N.* Le professeur S.A. Nikitin // Etudes balkaniques. Sofia, 1971. № 1.
 11. *Никитин С.А.* Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства // ВМУ. Серия общ. наук. 1952. № 1.
 12. История Югославии. М., 1963. Т. I.
 13. *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970.
 14. Югословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80-е године XIX века. Београд, 1989.
 15. *Хевролина В.М.* С.А. Никитин и издания документов // Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992.
 16. *Чуркина И.В., Горина Л.В.* С.А. Никитин // Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992.
 17. *Тодоров Н.* Профессор С.А. Никитин // Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992.

© 2003 г. *Н. В. КОРОВИЦЫНА*

**ЗАВЕРШЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА
“ОСНОВ КАПИТАЛИЗМА”
В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ**
(по материалам конференции социологов
стран Центральной Европы)

Вторая половина XX в. тесно переплела исторические судьбы России и большой группы стран, расположенных к западу от нее, где две Великие Трансформации – социалистическая и либерально-демократическая – в послевоенный период происходили в целом параллельно и нередко синхронно. Первый из общественно-исторических переходов не стал предметом детального конкретно-социологического исследования. Уникальная возможность анализа аналогичного ему по историческому, цивилизационному масштабу второго перехода – причем сразу на материале большой группы стран – появилась в конце XX в. Сравнительное изучение второй Великой Трансформации было предпринято на прошедшей в мае 2001 г. в Праге международной конференции под названием “Структурные изменения в постсоциалистической Центральной Европе и новые модернизационные вызовы”.

Материалы этой конференции опубликованы на русском, чешском и английском языках, как в монографическом варианте, так и на страницах журналов – отечественного – “Социологические исследования” [1] и в полном объеме – в специальном выпуске польского “Sisyphus. Sociological studies” (издание Института философии и социологии Польской Академии наук). Эти материалы представляют интерес не только с точки зрения устранения дефицита знания о центральноевропейском регионе, возникшего после распада социалистической системы. Данные о результатах общественной динамики, полученные ведущими социологами стран региона, крайне необходимы для понимания основных современных тенденций исторического развития и закономерностей системных трансформаций в Центральной и Восточной Европе, в том числе и в России.

Пожалуй, наиболее научно продуктивным в настоящее время является изучение современного этапа в развитии Венгрии, бывшей ГДР, Польши и Чехии в контексте всей их послевоенной динамики, в том числе стартовых социально-экономических, социально-культурных параметров и последствий двух волн ускоренной модернизации и трансформации. Ключевое значение в осуществлении этих форсированных – по темпам и способам – модернизирующих трансформаций принадлежит

Коровицына Наталья Васильевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

1949–1953 гг. и 1989–1993 гг. На передний план, на наш взгляд, сегодня выдвигается необходимость исследования *общественной эволюции восточноевропейского типа*. Речь идет об особенностях ускоренного перехода от преимущественно крестьянского, аграрного, сельского общества, каким оно было в середине XX в., к индустриальному, городскому, а от него – к обществу постиндустриальному, информационному.

За полувековой период в странах региона были апробированы сначала лево-, а затем праворадикальные варианты общественной трансформации в виде переходов от “капитализма к социализму” и “от социализма к капитализму”. Напомним, что завершение строительства “основ социализма” было повсеместно продекларировано в самом начале 1960-х годов, когда восточноевропейское общество по социально-экономическим показателям превратилось в индустриальное: занятость в промышленности превысила долю населения, работающего в сельском хозяйстве. В свою очередь либеральная трансформация сопровождалась ощутимым ростом занятости в третичном секторе экономики (сфера услуг) и новым витком сокращения аграрного населения.

Процессы модернизации экономической и культурной жизни, как социалистического, так и либерального типа оказались неотделимыми от процессов общественно-политической трансформации. В совокупности они составили содержание двух “больших скачков” в истории стран Центральной и Восточной Европы, которые и предопределили особенность восточноевропейского типа общественного развития во второй половине XX в., составив специфику следования стран и народов региона основным тенденциям эволюции современного мира.

Сейчас уже можно констатировать, что решающая фаза реализации стратегий общественных переходов и середины, и конца прошедшего столетия охватывала время, равное одной “пятилетке”. Весь же период “создания основ” новых социально-политических режимов – коммунистического и демократического – продолжался в течение первого послереволюционного десятилетия. Применительно к нынешнему историческому этапу можно по аналогии с предшествующим говорить о завершении строительства “основ капитализма” в Центральной и Восточной Европе в целом и о переходе стран региона к этапу консолидации сложившегося строя. Уже возникла институциональная система экономики смешанного типа и новая структура собственности, произошли коренные изменения в структуре занятости и системе ценностей населения, широко развернулись процессы европейской интеграции.

Об изменениях такого рода, имеющих исторический характер, и шла речь на конференции социологов стран Центральной Европы. Совместное изучение учеными региона процессов общественной трансформации в виде регулярных встреч и конференций, подготовки коллективных трудов осуществляется с самого начала 1990-х годов. Эта работа велась на основе тесного сотрудничества с западными специалистами, прежде всего французскими и немецкими (см., напр.: [2]). За десять лет была реализована серия исследовательских программ и собран огромный массив социологической информации, касающейся самых разных сторон жизни населения. (Характеристики базы опросных данных, использованных при подготовке материалов пражской конференции, а также методик их сбора см.: [1. № 5. С. 37; № 6. С. 47, 49].) Анализ этой информации шел по пути постепенного углубления комплексности и историчности самих социологических исследований. Совершенствование методологии изучения постсоциалистического общества достигалось переходом от традиционной социологии к сквозному, междисциплинарному направлению обществознания, возникающему на стыке истории, социологии и культурологии. Это направление можно определить как *историческую социологию культуры*. Есть все основания полагать, что для изучения современной Восточной Европы, учитывая особенности исторического пути и культурного облика ее народов, именно это научное направление является наиболее перспективным.

Судить о современном состоянии восточноевропейского общества и его динамике в 1990-е годы надо не с общепринятой у нас до сих пор точки зрения формального баланса потерь и приобретений или соотношения “проигравших” и “выигравших” от проведения реформ. Гораздо важнее оценка социально-исторического смысла произошедших изменений. Завершению переходного периода и строительства “основ капитализма” нисколько не противоречит кризисное в большинстве стран региона состояние экономической и политической сфер общественной жизни. Как констатировали венгерские ученые в своем исследовании, прозвучавшем на конференции в Праге, за прошедшее десятилетие в постсоциалистических обществах выделились группы, функционирующие по своим собственным нормам и правилам. Речь идет прежде всего о делении на занятое и резко возросшее незанятое или частично занятое население. Отличительными чертами новой общественной системы явилась поляризация доходов и появление жесткой социально-имущественной иерархии.

Западноевропейские участники конференции отметили, в частности, слабую роль партий в политической жизни стран Восточной Европы. Они отражают теперь интересы главным образом элитарных слоев общества, дистанцировавшись от его массовых структур. Финский социолог Э.Аллард в статье “Сомнительный блеск теории модернизации” обращает внимание на то, что в странах региона так и не сложились устойчивые партийные системы на фоне резко возросшего количества нестабильных псевдопартийных образований [1. № 9]. Как известно, сами революции, получившие название демократических, в большинстве своем не опирались на организованные политические движения с четко оформившейся идеологией. Обратной стороной всех этих процессов явилась массовая деполитизация, особенно ярко проявившаяся в среде молодежи.

Нынешние молодые восточноевропейцы характеризуются специалистами как “пассивные, но зачастую сердитые” [3]. Тем не менее прежде всего именно молодым поколением современные реалии воспринимаются как объективная данность, и именно оно выступило в качестве “авангарда” социально-психологической адаптации населения региона к новой действительности. Это привело к формированию массовой основы общественно-политического строя, возникшего после “бархатных революций”, и явилось важнейшим свидетельством завершенности основ либерально-демократических преобразований в странах региона.

При изучении современного общества восточноевропейского типа напрашиваются аналогии между процессами форсированных общественных сдвигов 1950-х и 1990-х годов. Обоим им предшествовали периоды демократизации в виде “народной демократии” 1945–1948 гг. и перестройки, или “революции сознания”, 1985–1988 гг., наполненные массовыми сверхоптимистическими ожиданиями, стремлением к национальной независимости, и решительным отказом от наследия предшествующей эпохи. Демонстрационный эффект достижений, в одном случае Советского Союза в строительстве социализма, в другом – Запада в параметрах качества жизни и прежде всего уровня материального потребления, воодушевил народы региона на радикальные общественные сдвиги. В их осуществлении, безусловно, главную роль сыграл так называемый фактор надежды на решительные перемены в жизни каждого отдельного человека при условии заимствования советской / западной модели развития. Впоследствии и социалистическая, и демократическая революции трактовались специалистами как политические перевороты, по содержанию соответственно антибуржуазный и антикоммунистический.

За революциями в обоих случаях следовали форсированные общественно-экономические преобразования в виде “первых пятилеток” или “шоковой терапии”. Стержень их составляла политика ускоренных национализации и индустриализации или, наоборот, приватизации, а роль классового “гегемона” отводилась соответственно пролетариату / предпринимателю. Устанавливалась практически одно-

сторонняя геополитическая ориентация на Восток / Запад и начинались процессы советизации / вестернизации общества. Противоположна и социальная природа обоих переходных периодов, относящихся к рубежу 1940–1950-х и 1980–1990-х годов. Переход к социализму сопряжен с линией на полную занятость трудоспособного населения, переход к капитализму – с появлением массовой безработицы; пафос производства в первом случае равен по силе пафосу потребления во втором; ориентация на ценности свободы и индивидуализма так же выражена, как предшествующая ей ориентация на идеалы равенства и коллективизма.

Лишь со второй половины 1990-х годов, как свидетельствуют данные, полученные социологами стран региона, происходит осознание населением бывших соцстран коренных изменений в своем общественном положении и как результат – негативная переоценка им политики реформ. Это характерно даже для традиционно наиболее благополучных среди постсоциалистических стран, относящихся к субрегиону Центральной Европы. В странах же Юго-Восточной Европы, а тем более в постсоветских республиках, ситуация гораздо более напряженная. По данным Я. Делея, болгары, румыны и литовцы демонстрируют показатели одной из самых низких степеней удовлетворенности своей жизнью на общемировом фоне [4].

Начало второй декады “строительства капитализма” отмечено попытками пересмотра в общественной мысли и массовом сознании населения постсоциалистических стран итогов политики форсированной либерализации. Выявились ее несоответствие важнейшим особенностям традиционных ценностей народов данного региона: значению семьи, неформальных межчеловеческих отношений, склонности к социальному равенству и справедливости, к материальному самоограничению и возвышенным, нередко утопическим идеалам. В 2000-е годы вновь, как и четыре десятилетия назад, в странах региона актуализируется требование гуманизации общественного строя. Растущее стремление к “капитализму с человеческим лицом” может сыграть решающую роль в истории нынешнего политического режима в Центральной и Восточной Европе, как это здесь произошло в 1960-е годы с режимом коммунистическим.

Доклады, прозвучавшие на конференции, высветили различные стороны феномена постсоциалистической трансформации. Остановимся последовательно на вкладе каждого из четырех авторских коллективов – венгерского, польского, чешского и немецкого – в исследование этого процесса.

В венгерском исследовании, выполненном Ж. Шпедером и его коллегами Ж. Элекеш, И. Гарча, П. Робертом (“Очерк трансформации в Венгрии”), рассматривается широкий диапазон перемен в общественной жизни страны, который выходит далеко за пределы динамики уровня экономического благосостояния населения. Венгерские авторы исходят из концепции Э. Алларда о трех компонентах индивидуального благополучия, согласно которой, помимо отношений по поводу возможности “иметь” (материально-вещественная сторона человеческого существования) и результирующей человеческого существования – “быть” (ориентация на достижение), личностно значимой является и характеристика положения индивида в системе межчеловеческих отношений социума, названная Аллардом “отношениями любви” (“loving relations”) [1. № 5].

Сформировавшаяся в Венгрии еще в период социализма и получившая широкую известность научная школа по проблемам модернизации общества во главе с Р. Андоркой опиралась на богатейший опыт реформирования экономики страны начиная с 1960-х годов. В представленном на конференцию докладе венгерские специалисты сделали важный шаг в познании восточноевропейского типа современной общественной динамики и по существу заложили фундамент теории перехода “от социализма к капитализму”. Они констатировали завершение этого перехода в Венгрии. Главное же состоит в том, что фактически всем национальным опытом этой страны, ставшим предметом экспертного изучения, был опровергнут тезис о нерепформируемос-

ти социализма, со времен перестройки несомненный для отечественной общественной мысли.

Первые признаки либеральной трансформации в Венгрии относятся ко времени окончания индустриализации и начала формирования общества массового потребления. Как отмечают венгерские авторы, материальный фактор служил основой легитимации коммунистического режима в Венгрии с самого начала 1960-х годов. Субъективная значимость этого фактора нарастала на протяжении всего периода “развитого социализма”, приведя к признанию подавляющим большинством венгров неизбежности радикальных шагов в изменении его экономической системы.

Значительно меньше было сторонников изменения политической системы социализма в этой стране. Примечательно, что почти во всех странах региона в 1990–1991 гг. (!) демократия ассоциировалась с ростом уровня жизни, социального равенства и появлением новых рабочих мест. Причину последующего разочарования населения результатами общественной трансформации венгерские специалисты видят прежде всего в этих ожиданиях. Реальный итог для большинства населения был противоположным.

Либеральная модернизация в Венгрии, начавшись значительно раньше, чем в остальных странах соцсистемы, представляла собой, на наш взгляд, достаточно успешную попытку ее совершенствования задолго до официально провозглашенного перехода к рынку. Так называемый градуалистический, или постепенный, эволюционный тип общественного развития этой страны демонстрирует часто недооцениваемую преемственность отдельных его послевоенных этапов, их тесную взаимосвязь.

Предпринимательский класс здесь (аналогичные данные есть и по Польше) рекрутировался в значительной мере из потомков “бывших самозанятых”, принадлежавших к этому слою до начала социалистической модернизации. Возможность наследования “семейного капитала”, широко практикуемая в странах Центральной Европы, отличается от России, где через три поколения не могла сохраниться даже социальная память о досоветском периоде.

Предпринимателей восточноевропейские социологи относят к традиционному среднему классу. Другая полноправная часть этого класса, или слоя общества – интеллектуалы – по своему статусу являются наемными работниками. Численность их пережила бурный рост в период социализма. Они принадлежат к так называемому новому среднему классу, который, как показывают результаты социологических исследований, отличается от предпринимателей большим предпочтением культурных благ материальным.

Даже в условиях медленного, присущего Венгрии эволюционного характера перехода к рынку, мировоззренческая дезориентация населения в начале 1990-х годов была чрезвычайно высокой. Почти 90% опрошенных в тот период не знало, во что верить, как жить. Формой индивидуальной адаптации к переменам явились не только снижение уровня рождаемости до минимальных мировых показателей, но и предельная “материализация” жизненных ориентаций. В Венгрии распространенность “постматериалистических” – по Р. Инглехарту, связанных с самореализацией и самовыражением личности – ценностей, достигла самых низких среди стран региона значений. “Ностальгия” по социалистическому прошлому, развившаяся в других странах ближе к концу 1990-х годов, здесь регистрировалась уже в самом начале этого десятилетия. Сейчас же, когда системная трансформация в Венгрии – лидере строительства “основ капитализма” – считается в основном завершенной, наблюдаются признаки улучшения социального самочувствия населения. Авторы доклада объясняют это “прояснением людьми правил новой культурной системы”, которое наступило после длительной фазы их дезориентации и преобладания негативного отношения к экономическим и политическим переменам.

Общественная поддержка фундаментальных основ рыночного строя и демократических институтов в Польше во второй половине 1990-х годов, напротив, пережила значительный спад. Вместе с тем процессы трансформации польского общества, как и венгерского, начались не в “бархатном” 1989 г., а гораздо раньше. Характерно, что предметом рассмотрения участников обсуждения из обеих стран является период, далеко не ограничивающийся 1990-ми годами.

Системные изменения происходили в Польше на протяжении двух десятилетий, начиная с массовых выступлений 1980–1981 гг., инициированных профсоюзом Солидарность. Но если в Венгрии трансформация приобрела характер углубляющейся экономической реформы, то в Польше – затяжного политического кризиса, который сопровождался ростом несогласия с руководящей ролью компартии в обществе. Причем оппозиция власти состояла не только из сторонников движения Солидарность, но, как подчеркивают Вл. Адамский, В. Заборовский и К. Пельчинская-Налэнч (“Динамика структурного конфликта в ходе смены системы: Польша в 1980–2000 гг.”), и самих польских коммунистов, потерявших к ней доверие. Политический кризис 1980-х годов по существу подготовил польское общество к новым радикальным преобразованиям.

Сам этот кризис польские специалисты связывают не только с общим кризисом социалистической системы, но прежде всего с национальной спецификой государства, где могло возникнуть столь острое противостояние общества и власти. Солидарность была единственным массовым организованным движением оппозиции в эпоху демократизации коммунистического режима, опиравшимся на богатейшие традиции борьбы поляков за независимость. Целью этого движения была не либерализация экономики, а переход к более справедливому, равноправному обществу, т. е. скорее улучшение социализма, чем его разрушение. Действительно, составляющие социальную основу этого движения квалифицированные рабочие и интеллигенция стремились главным образом к расширению возможностей социально-профессиональной самореализации, особенно к получению доступа к властным позициям и сопутствующим им привилегиям, а не к смене системы. Подтверждение тому мы находим в многочисленных исследованиях польских социологов последних десятилетий.

Общественная наука Польши располагает уникальными данными серии опросов под названием “Поляки” 1980, 1981, 1984, 1987/1988, 1990, 1995 и 2000 гг. Эти данные, документирующие историю общественной трансформации, стали основой ряда блестящих философско-социологических трудов, позволив авторам вышеупомянутого доклада сделать вывод о двух ее принципиальных стадиях: периоде “избирательного отрицания социализма” в 1980-е годы и периоде “избирательного одобрения капитализма” в 1990-е годы.

В условиях ускоренной модернизации общества, преодоления основных ступеней цивилизационного роста на протяжении довольно короткого периода особую значимость приобретают межпоколенные различия. Тем значимее эти различия в ситуации полной смены общественных систем. Поэтому симптоматично выявление Вл. Адамским и его коллегами фактора возраста как единственной детерминанты отношения к либеральной трансформации, значение которой со временем только возрастает. Конкретные исследования еще раз со всей очевидностью подтвердили, что именно поколенческий подход остается наиболее эффективным в объяснении социокультурной дифференциации постсоциалистического общества.

В портретах последовательно сменяющихся поколений предстает живая картина современной истории восточноевропейского общества. Так, центральной фигурой политического кризиса 1980-х, как это видно из польских докладов на конференции, стала многочисленная генерация “демографического эха” Второй мировой войны, получившая высокий уровень образования. В предшествующее кризису десятилетие именно в этом поколении сформировался слой государственных служащих, или интеллигенции, занявший вместе с квалифицированными рабочими доминирующее

положение в обществе. Завышенные социальные ожидания, созданные у первого послевоенного поколения коммунистическим режимом, его нонконформизм, наряду с особенно характерной для данной генерации склонностью к политическому романтизму как традиционной черте польской нации, превратили ее в движущую силу революционных преобразований. Однако социологические исследования еще раз подтверждают, что массовую основу общества либерального типа составило отнюдь не поколение Солидарности, а его дети – рожденные после 1970 г.

Наиболее выраженные в Польше в 1980-е годы перепады общественного мнения хорошо отражают ситуацию смятения, царившую во всем регионе Центральной и Восточной Европы в то время. Но в не менее противоречивом виде предстает в результате проведенного социального анализа картина массового поведения и сознания 1990-х годов. Как и в 1980–1981 гг., которые действительно явились для поляков революционными, эгалитаризм вновь стал массовым феноменом. Взаимоисключающее сочетание эгалитарных и антиэгалитарных ценностей специалисты объясняют “двойственностью” или “расколом” сознания, характерными для всех постсоциалистических стран. Это может быть, на наш взгляд, и проявлением социокультурной специфики пограничного между европейским Востоком и Западом региона, обладающего чертами переходности. Прозэгалитарный, проэтатистский, антилиберальный сдвиг второй половины 1990-х годов, зафиксированный польскими исследователями, стал в этом регионе “эхом” предшествующего эмоционально окрашенного всплеска рыночно-демократических ориентаций, создавшего психологическую почву системной трансформации.

Время “межсистемья” А. Рихард и Э. Внук-Липиньский (“Источники политической стабильности и нестабильности в Польше”) характеризуют как господство утопического мышления в качестве фактора общественного подъема в условиях смены власти. Польские социологи, традиционно акцентирующие социокультурную составляющую всяких общественных изменений, считают важнейшей стороной либеральной трансформации переход от преимущественно романтического к прагматическому типу сознания. Этот переход сопровождался социально-психологической демобилизацией населения и предпочтением обретаемой стабильности существования бурным переменам предшествующего периода. Авторы датируют начало процесса консолидации новой общественной системы в Польше 1993 г., когда возможность реставрации прежнего строя практически исчезла. Одновременно, как это ни парадоксально, совершился переход власти к оппозиционным левым силам, и большинство (75%) населения придерживалось мнения, что ситуация в стране развивается в неверном направлении. Однако с этого времени преобладающими стали процессы приспособления людей к новой системе. Завершение массовой поддержки некоммунистической власти совпало, таким образом, с завершением массовых протестов.

Как установил Х. Доманьский (“Появление в Польше меритократии”), социальную структуру постсоциалистического общества с точки зрения уровня межпоколенной мобильности нельзя назвать открытой. Несмотря на полное изменение экономической системы в период либерализации остались социальные барьеры в отличие от периода индустриализации с его беспрецедентными масштабами восходящих социальных перемещений рабочих и крестьян. Принцип равных возможностей при переходе к рынку и демократии реализован не был, а тенденция межпоколенного наследования социального статуса, обозначившаяся еще в предшествующие два десятилетия, даже несколько усилилась, что продемонстрировали результаты последних исследований.

В 1990-е годы возросло социальное неравенство в получении высшего образования, т. е. увеличилось преимущество детей интеллигенции в поступлении в вузы. Университетское образование, как и в период социалистической модернизации, считается в обществе непререкаемой ценностью и главным условием успешной социально-про-

фессиональной карьеры. С ним связываются большие ожидания – и младшей, и старшей генераций.

Главным отличием 1980–1990-х годов от предшествующих им десятилетий был не только рост экономической стратификации, характерный для всех бывших стран, но и описанное Х. Доманьским распространение меритократических принципов дифференциации доходов. Начиная с 1982 г., в Польше возростала материальная оценка высшего образования. Правда, надо заметить, что экономический статус, как и социальный престиж, интеллигенции в этой стране были выше по сравнению с другими странами региона и в период социализма, и до него. На решающем этапе либеральной модернизации в первой половине 1990-х годов экономическое положение польской интеллигенции, установил автор, заметно улучшилось. Она заняла более высокие позиции в общей иерархии доходов, превзойдя даже предпринимателей.

Социологические исследования показали, что пик материальной привлекательности предпринимательства был пройден в Польше в самом начале 1990-х годов, хотя желание иметь “свое дело” до сих пор остается высоким. Более доходным наемный труд в частном секторе по сравнению с государственным был при коммунистическом режиме (начиная с 1982 г.), а вероятность успеха в бизнесе достигала максимума в 1987-1991 гг., значительно сократившись, особенно для мелких предпринимателей, в последующие годы. Уже тогда многие собственники всерьез задумались о поиске работы в госсекторе. В наибольшей же степени, как свидетельствуют социологические данные, от смены системы в экономическом отношении выиграли управленцы, менеджеры.

Итак, согласно терминологии польских специалистов, на смену государственному социализму пришел государственный капитализм с резко возросшим экономическим неравенством, но при сохранении привилегированного положения управленцев. Таким образом, решилась судьба так называемого реформированного социализма не только в Венгрии, но и в Польше, где в борьбе за него народ пошел на жесткое противостояние властным структурам (“мы и они”). Переходный период между госсоциализмом и госкапитализмом в таком случае пришелся скорее не на 1990-е, а на 1980-е годы, что было, конечно, характерно не только для этих двух стран.

Иной характер имела либеральная трансформация в Восточной Германии и Чехословакии, где коммунистический режим пал в течение буквально нескольких дней или недель. Переход к рынку и демократии в этих странах не имел столь длительной и насыщенной предыстории, как в случае Венгрии и Польши. Напротив, целых четыре десятилетия восточногерманское общество шло по пути, совершенно отличному от западногерманского. Их послевоенное – раздельное – развитие крайне интересно с точки зрения возможности сравнения двух вариантов послевоенной модернизации – на основе западной и советской моделей. Итоги этого развития – не только материально-институциональные, но и социально-культурные – настолько различны, что и спустя целое десятилетие усилия по объединению двух частей государства, как демонстрируют результаты многочисленных исследований, в том числе и прозвучавшие на пражской конференции, не дали ожидавшегося позитивного результата.

Аналитический материал немецких ученых В. Цапфа, Р. Хабиха, Т. Бульмана, Я. Делея (“Германия: трансформация через объединение”) посвящен изучению либеральной трансформации в Восточной Германии как особого на общерегиональном фоне случая наиболее стремительных, глубоких и последовательных перемен. “Трансформация через объединение” была единственным в постсоциалистическом сообществе случаем особенно благоприятного развития экзогенного типа – при активном организационном, кадровом, финансовом участии со стороны экономически преуспевающей западной части государства. Тем не менее важнейшие закономерности “переходного периода” в полной мере относились и к Восточной Германии, пере-

жившей, по мнению экспертов, один из самых болезненных вариантов “шокового” развития, включающий крах прежней экономической системы, скачкообразный рост безработицы (в 1990–1992 гг. треть занятых лишилась рабочих мест), демографический кризис, связанный с небывалым снижением количества браков и рождений.

Хотя улучшение условий жизни населения, по его собственной субъективной оценке, началось уже в 1992–1993 гг. и продолжалось на протяжении всего десятилетия, вопреки сокращению разницы в удовлетворенности жизнью западных и восточных немцев, происходило замедление социальной адаптации последних к новым нормам жизни. Более того, у жителей бывшей ГДР, как и у населения остальных постсоциалистических стран, отмечавших ухудшение своего финансового положения по сравнению с 1989 г., во второй половине 1990-х годов уменьшалось положительное восприятие демократии и рыночных отношений. Переживания по поводу утери статусных позиций, ощущение обесцененности своих биографий, даже второсортности (у восьми из десяти опрошенных) в наибольшей степени характерны именно для восточных немцев, постоянно имеющих перед глазами образцы иного типа поведения и сознания.

Основным пунктом “трансформации через объединение” было преодоление значительного разрыва в благосостоянии жителей двух частей Германии. Несмотря на очевидные успехи в догоняющем потреблении восточных немцев, дефицит “внутреннего единства страны” сохраняется. Восприятие западных немцев восточными, считающими себя объектом колонизации, даже стало заметно негативнее. Очевидно, одной лишь перестройки институциональной системы в направлении “демократии, роста и благосостояния” оказалось явно недостаточно для автоматического – под воздействием перехода к рынку и воссоединения с западными землями – появления ожидавшегося “второго экономического чуда” и начала интенсивного роста восточных регионов на собственной основе. Тем более такие преобразования не привели к появлению в Восточной Германии нового типа личности, ориентирующейся преимущественно на либеральные ценности. Сейчас можно констатировать неадекватность уже не столько социально-экономических, сколько социально-культурных оснований существования западных и восточных немцев, сложившихся на протяжении жизни двух поколений в цивилизационном контексте Западной и Восточной Европы. За период разделения немецкого государства сформировались два различных социальных типа национальной культуры. И в условиях радикальных общественных преобразований социальная идентичность в Восточной Германии, пожалуй, “перевесила” национальную [1. № 5].

Чешский опыт системных трансформаций особо интересен тем, что, наряду с Восточной Германией переход к социализму в Чехии осуществлялся на основе индустриально развитого общества. Пережив в 1950-е годы новую волну индустриализации, чешское общество в лице наиболее высокообразованной и активной части компартии инициировало процесс пересмотра теоретических основ существовавшего тогда строя. Идея его реформирования в направлении прежде всего гуманизации, “очеловечивания” имела ключевое значение для движения, завершившегося событиями Пражской весны 1968 г.

Характерные для чехов рассудительность, реализм, обусловили и толерантность к очередной смене общественной системы простого “чешского человека”, и скептицизм специалистов этой страны, анализирующих очередную попытку модернизации жизни “старой” нации. Именно чешские социологи наиболее последовательно отвергают поверхностный транзитологический подход к интерпретации “бархатных революций” и их последствий как механического повторения пути, уже неоднократно пройденного западными демократиями.

“Национальный доклад” коллектива чешских социологов – П. Кухаржа, К. Мюллера, М. Тучека, Л. Гатнара и Я. Червенки – под руководством давно и хорошо известного в нашей стране П. Махонина (“Трансформация и модернизация чешского об-

щества”) разрушает многие идеологические стереотипы, связанные с переоценкой степени завершенности “модернизирующей трансформации” в Чехии, с “самой бархатной” здесь революцией 1989 г. Опросы общественного мнения ноября–декабря того переломного года показывали, что всего около 5% населения хотело возвращения страны к общественной системе государственного социализма, но и ровно столько же – утверждения капиталистического строя. Остальные же 90% опрошенных представляли собой сторонников двух примерно равных в количественном отношении групп, предпочитающих “социализм с человеческим лицом” и “экономику смешанного типа”.

Примерно к 1996 г., как определяют чешские специалисты, началась негативная переоценка результатов либеральной трансформации в ЧР, исходившая из конкретного жизненного опыта и реальных изменений в социальном положении населения. Во второй половине 1990-х годов, когда решающий этап перехода к рынку и демократии был позади, снизились массовые оценки состояния социальной справедливости и возможности самореализации, уровня законности и общественной морали по сравнению с периодом до 1989 г.

По истечении первой декады либеральной модернизации возникла возможность смены господствовавшей в 1990-е годы парадигмы развития постсоциалистического общества. Чешский социолог Я. Келлер в своем докладе на пражской конференции “Модернизация – гуманизация общества или коррозия бытия?” поставил под сомнение такое базисное понятие как общественный прогресс. Исследования, основанные на модернизационном подходе, акцентировали, по мнению ученого, экономическое развитие и рост материального благосостояния, принципы меритократии, частной собственности, индивидуальной свободы, повышения эффективности и явно недооценивали социальные аспекты эволюции общества, идеи равенства, ответственности, солидарности. Эти категории составляют основу человеческого существования не менее важную, чем экономическое благополучие. Модернизация, по Я. Келлеру, разрушает социальную сферу общественной жизни, мир семьи и неформальных организаций.

В начале второго десятилетия реформ постсоциалистическая Центральная Европа приходит к осознанию необходимости гуманизации общественного развития, предпочтения “третьего пути”. Хотя процесс либеральной трансформации можно считать состоявшимся, общества восточноевропейского типа нельзя отнести к классическому рыночному образцу. Очевидна неоднозначность, специфичность этого типа, сложившегося в Центральной, или Средней, а тем более в Юго-Восточной Европе в результате двух циклов ускоренной модернизации – на социалистической и капиталистической основе. Две последовательно сменившие одна другую радикальные системные трансформации существенно видоизменили восточноевропейское, в том числе и российское, общество в экономическом и социальном отношениях. Однако специфика сознания восточноевропейского человека оказалась неподвластной усилиям реформаторов.

В начале XXI в. элементы сохраняющейся традиционной культуры по-прежнему сосуществуют у народов региона с культурой постиндустриальной, опирающейся на их высокий, с точки зрения современного уровня общественного, в том числе экономического, развития даже избыточный, интеллектуальный потенциал. Ориентация на социальную однородность и даже уравнительность неотделима здесь от стремления к равенству шансов, меритократии, частнопредпринимательской инициативе, наконец, к западным стандартам материального потребления, как неотделимы идеалы романтизма от прагматических ценностей, а принадлежность к западноевропейской цивилизации – от восточноевропейского контекста культуры народов региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социологические исследования. М., 2002. № 5–9.
2. System change and modernization. East-West in comparative perspective. Warsaw, 1999.
3. *Робертс К.* Молодой человек начала нового тысячелетия в Восточной и Западной Европе // Социокультурные трансформации второй половины XX века в странах Центральной и Восточной Европы. М., 2002.
4. *Delhey J.* The prospects of catching up for new EU members. (Lessons for the accession countries to the European Union from previous enlargements). Paper presented to the Conference “Structural changes in postsocialist Central Europe and the actual challenges of modernization”. Prague. 2001. May.

И. ПОП. *Энциклопедия Подкарпатской Руси*. Ужгород, 2001. 431 с.

В Ужгороде объемным и богато иллюстрированным изданием вышла в свет редкая по своей тематике и содержанию книга “Энциклопедия Подкарпатской Руси”. Она представляет собой первую и в целом удачную попытку энциклопедического освещения комплекса сложных этнонациональных, языковых, исторических и культурных проблем, к которым ранее либо не обращались, либо освещали их тенденциозно.

Рецензируемая книга – плод многолетнего труда бывшего сотрудника Института славяноведения РАН, д-ра ист. наук И.И. Попа, который в качестве автора, составителя и главного редактора вместе с авторским коллективом проделал огромную работу по сбору и систематизации данных, написанию текста этого издания с тем, чтобы помочь читателю ориентироваться в сложных перипетиях истории Подкарпатского края.

У историков-славистов название энциклопедии, содержащей богатый справочный материал, ассоциируется с официальным наименованием одной из административно-территориальных единиц созданной после Первой мировой войны Чехословацкой республики. По сути речь идет о территории четырех исторических областей многонациональной Венгрии – комитатов Унг, Берег, Угоча и Марамарош, – вошедших тогда в состав Чехословацкого государства под названием Подкарпатская Русь. Здесь целесообразно напомнить, что этот край с середины XIX в. в путевых заметках русских путешественников часто назывался Угорской Русью, а его жители (впрочем, как и комитатов Земплен, Шарош, Сепеш и Абауй-Торна на территории нынешней Словакии) – угорусами. В Венгрии же, начиная с эпохи средневековья, пользовались для описания этого народа латинским названием, традиционно

фиксируя его в форме *рутены* (*ruten, ruthen*), а с XIX в., основываясь на самонаименовании, *русинами* (*ruszinok*). Констатация указанных исторических фактов принципиально важна для дальнейшего понимания судеб этого народа и Подкарпатского края в целом, так же как и того обстоятельства, что рецензируемая энциклопедия посвящена по сути не только названному четырем областям исторической Венгрии или исторически не долго существовавшей чехословацкой провинции под названием Подкарпатская Русь, но и, скорее, подкарпатским русинам.

Издание содержит богатые сведения как о природно-географических, культурно-национальных, так и исторических проблемах Подкарпатского края. Изложению словарной части энциклопедии предшествуют специальные вводные тематические статьи о географии и особенно объемная – об истории региона, в которой отражена авторская позиция и комплексное видение проблем подкарпатских русин. Сразу отметим, что авторские позиции своей объективностью выгодно отличаются от всех прежних, опубликованных в Закарпатье в советскую эпоху изложений в политической и околонуучной литературе.

В характеристике природных параметров Подкарпатья (ныне Закарпатская область на Украине) обращает на себя внимание констатация весьма печальной экологической ситуации, здесь – хищническая вырубка реликтовых, влагорегулирующих лесов украинскими властями приводит к катастрофическим оползням и весенним наводнениям. Автор этих строк, которому в 1950-е – начале 1960-х годов часто приходилось путешествовать по прекрасным горным карпатским тропам и любоваться местной флорой и фауной, пройдя прежними туристскими маршрутами в начале

1990-х годов, может лишь подтвердить справедливость выводов автора данной тематической статьи энциклопедии. Исчезли великолепные леса с 50–60-метровыми грабами и буками даже в районе высокогорного Синевирского озера, высохли ранее многочисленные источники и ручьи, а это озеро – прежняя гордость Закарпатья – глубиной в 36–40 метров превратилось в обмелевшую лужу.

Излагая богатую событиями историю Подкарпатского края от древнейших времен до наших дней, И.И. Поп опровергает ряд ранее усиленно пропагандировавшихся советскими властями мифов. Один из них – миф о якобы вхождении этой, расположенной на западных склонах Карпатских гор, территории в состав Киевской Руси. Аргументация ученого четка и достоверна. Он с полным правом говорит о существовавшей конфронтации галицких князей с Польшей и Венгерским королевством, подчеркивая, что им так и “не удалось создать свой плацдарм на западной стороне Карпат” (С. 24).

Касаясь исторических аспектов пробуждения национального самосознания подкарпатских русин, начавшегося в XIX в., на наш взгляд, нельзя пройти мимо такого важного исторического обстоятельства, как встреча этого немногочисленного славянского народа в 1849 г. с российской армией. Подкарпатские русины ранее веками были изолированы, отгорожены хребтами Карпат от восточного славянства. И в таких условиях они, рядом и вместе с венграми, ориентированными на Запад, формировали свое национальное сознание, возникал соответствующий менталитет. Это обстоятельство, как и многие другие факторы истории русинства, искаженно толковавшиеся в 50–90-е годы XX в., не обошли вниманием авторы энциклопедии. И.И. Поп, в частности, раскрывая ментальные и этнонациональные аспекты исторического развития подкарпатских русин, с полным основанием акцентирует внимание на особенностях этого славянского народа, выделяя его отличительные черты от прикарпатских, т.е. галицких, русин. И это справедливо, ведь многовековое пребывание подкарпатских русин в составе Венгрии никак не может сравниться с относительно кратковременной принадлежностью Галиции и галицких русин к габсбургской Австрии на правах провинции.

В энциклопедии не обойдены вниманием также переломные годы, наступившие после Первой мировой войны. Развал Австро-Венгрии, революционные бури внесли свои судьбоносные поправки в историю русин

Подкарпатья, “вмешиваясь” в процесс окончательного оформления их в самостоятельную нацию. 25 декабря 1918 г. в Венгерской республике принимается закон “Об автономии живущей в Венгрии русинской (рутенской) нации” и делаются первые шаги по реализации национальной территориальной автономии “Руська Крайна”, существование и права которой были подтверждены в бурные месяцы “венгерской коммуны” 1919 г. Условия войны и революционной сумятицы, нашествия войск Антанты и ее приспешников, ставивших целью территориальные переделы, не предполагали легкого завершения работы по созданию автономии, мешали этим устремлениям. Исторический факт, что эта впервые предоставленная подкарпатским русинам автономия имела свою Конституцию. Войдя в состав Чехословакии в качестве самостоятельной территориальной единицы – с обещанием ей автономии, – Подкарпатская Русь просуществовала почти до распада Первой республики, однако президент Э. Бенеш, считавший, что подкарпатские русины “еще не созрели” для самоуправления, долго затягивал ее предоставление им автономии, проявив готовность к этому лишь в условиях уже начавшегося распада Чехословакии.

Останавливаясь на вопросах присоединения Подкарпатья к Чехословакии и характеризуя позиции руководства этой страны в отношении населения края, И.И. Поп, всегда относившийся с симпатией к этой республике, вынужден констатировать, что Прага плохо ориентировалась в карпато-русском вопросе. Исследователь отмечает также, что она “воспрепятствовала осуществлению конституционного права Подкарпатской Руси на автономию” (С. 41). В основополагающей исторической статье И.И. Попа утверждается, что хлынувшие в Чехословакию по инициативе ее первого президента Т.Г. Масарика эмигранты из Приднестровья и Галиции, в меньшей части из России, многие из которых были искусены в политике, осели именно на территории Подкарпатской Руси и по сути дезориентировали местных русин, разделяя и корыстно разобщая их по различным национальным и политическим направлениям. Следствием этого и стало появление среди русин “великоукраинского”, “великорусского” и русинского течений. Характеризуя их, автор напрочь отвергает “украинский континент” русин в Подкарпатской Руси (С. 43), подчеркивая при этом значение роста местного национального самосознания. Данное направление, однако, по ряду причин было отодвинуто на обочину в условиях бесприн-

ципной языковой и политической борьбы и выдвижения на передний план явных украинофильских устремлений, целиком подчиненных с конца 1938 г. интересам гитлеровской Германии.

Внутриполитическая борьба в ЧСР и долговременное непредоставление автономии краю привели к тому, что в конечном счете на короткое время украинофилы во главе с А. Волошиным, тесно сблизившимся и сотрудничавшим с Гитлером, который готовил экспансию на Восток, тогда переименовали Подкарпатскую Русь в “Карпатську Україну” (С. 120). В этой политической наследнице Подкарпатской Руси рядом с жовто-блакитным флагом повсюду висели гитлеровские флаги и свастика; был создан концентрационный лагерь для несогласных с украинофильской позицией. Акт переименования преследовал цель создания в Подкарпатье “малой Украины”, к которой фюрер впоследствии намеревался присоединить всю Советскую Украину. В этой связи широко известны слова И.В. Сталина, произнесенные на XIX съезде ВКП(б), где он в аллегорической форме сравнивал эту попытку с присоединением к комару слона. В условиях начавшегося распада Чехословакии предполагаемое буферное государственное образование – фашистская Карпатская Украина, пытаясь утвердить свою “державную самостоятельность” и, провозгласив 15 марта 1939 г. никем не признанную независимость, обратилась за помощью к Гитлеру. Обстановка, однако, изменилась, поскольку менялись планы и самого фюрера, решившегося на открытую экспансию на Восток. История, таким образом, не дала шанс на существование этому “карпатоукраинскому Пьемонту”. Группа же политиков – учредителей этого образования оказалась вынуждена покинуть пределы Подкарпатского края, который снова вошел в состав Венгрии (март 1939 – октябрь 1944 гг.), но уже под новым названием – Подкарпатская Самоудина (Kárpátaljai Vajdaság) с правом самоуправления для русинского народа. Как ни странно, но именно эти годы, как подчеркивается в энциклопедии, и стали наиболее плодородным периодом для русинского национального развития (С. 428).

Все это, как и дальнейшие исторические вехи Подкарпатья с раскрытием конкретных обстоятельств его включения в состав СССР, с характеристикой методов и средств создания в этом крае второго по счету буферного “государственного” образования под названием “Закарпатская Украина” (С. 176–177), просуществовавшего с октября

1944 по январь 1946 гг. и до его превращения в Закарпатскую область УССР, равно как и советский этап развития области, описаны в вводной исторической статье энциклопедии.

Анализируя историческое развитие русин в хронологической последовательности, И.И. Поп уделил должное внимание процессу советизации края, раскрывая те конкретные военные и политические приемы и методы, при помощи которых Подкарпатский край стал в конечном счете частью советской Украины. Сказанное выше лишь подтверждает, что рецензируемое издание дает весьма широкую и богатую панораму событий и конкретные сведения об этом крае в целом на большом историческом отрезке времени.

Остановливаясь на характеристике предпосылок и конкретных обстоятельств включения (а не “воссоединения”, как это ложно трактовалось ранее официальной историографией советского периода) Подкарпатского края в состав СССР, авторы подчеркивают, что он получил не предполагаемый статус национальной автономии в рамках Украины, а деградировал именно до уровня ее области: ведь в новых условиях об автономии не могло быть и речи. Подкарпатские же русины простым росчерком пера, без спроса мнения населения, в один момент стали все украинцами. Вот как этот процесс украинизации русин описан в исторической статье энциклопедии: «Подкарпатские русины оказались помимо своей воли “украинцами”, а кто думал или пытался рассуждать на эту тему иначе, мог отправиться на длительное “перевоспитание” в архипелаг ГУЛАГ. Русины же, люди прагматичные и законопослушные, испытывать судьбу не стали и тихо смирились с “украиновством”» (С. 51).

Весьма интересны и содержательны статьи энциклопедии об этнонациональных и языковых характеристиках подкарпатских русин. Анализы и оценки авторов доказывают несовпадение этнографических и языковых характеристик подкарпатских и прикарпатских русин, иными словами русин (руснаков) нынешнего Закарпатья и жителей Прикарпатского региона на восточной стороне Карпатских гор. Раскрывая исторические корни проблемы, автор статьи подчеркивает в частности: “Появление и развитие украинского национального движения во второй половине XIX века, украинского национализма ... только укрепили различия между всеми русинами в Карпатской Руси и их восточными соседями. Поли-

тические и исторические условия, в которых развивались русины Угорской Руси и украинцы Галичины и Приднепровья, стали более значимыми, чем барьеры географические, воплощением которых являются горные хребты Карпат". Далее в статье об этнографии на основе богатого материала делается вывод о том, что "этнографические отличия южнокарпатских русинов (т.е. современного Закарпатья), главным образом долинян, от галичан-украинцев на восток от водораздельного Карпатского хребта в XIX в. трансформировались в отличия национальные" (С. 422). Вместе с тем автор статьи с полным правом говорит о русинской идентичности некогда переселившихся из Подкарпатского края русин в Воеводину и Хорватию. Говоря об этнографических группах подкарпатских русин, автор подчеркивает, что их деление на лемков, бойков и гуцулов, в отличие от прикарпатских русин, являются совершенно чуждыми и не имеющими никакого отношения к подкарпатским русинам.

В этом плане не менее поучительны материалы статей о публицистике и литературно-художественных изданиях на русинском языке, как и серьезные характеристики исторического развития самого языка и языковой среды русин Подкарпатья (С. 425–430). Эти материалы энциклопедии, имеющиеся в них принципиальные новации и определения, безусловно корректируют и существенно дополняют ранее известное о русинах этого края.

В энциклопедии, естественно, имеются и определенные недостатки и недочеты, встречаются отдельные положения и концептуальные моменты, которые остаются по-прежнему спорными. Иногда они отражают лишь мнение, собственное видение автора той или другой статьи. Вместе с тем не здесь, в рамках небольшой рецензии, говорить о них, ведь спорные, дискуссионные вопросы требуют иного объема изложения. Их здесь целесообразно лишь обозначить, например, сложнейшую проблему автохтонности или зафиксированное в исторических анналах прибытие в начале XIV в.

в эту восточную окраину Венгрии вместе с литовским князем Ф. Корятовичем в этническом отношении смешанного массива людей, несомненно составившего историческое ядро будущего подкарпатского русинства. Хочется поставить под вопрос оценку автора статьи об Э. Бенеше, согласно которой тот в политической борьбе поддерживал якобы русинско-русское направление. Мои конкретные исследования политической борьбы в Подкарпатской Руси 1920–1930-х годов как раз говорят об обратном, т.е. чехословацкий президент ратовал за украиннофильское течение, хотя бы по той причине, что это противоречило венгерским и польским устремлениям. Дело в том, что именно последний подход вписывается в бенешевскую политическую концепцию растворения малых народов в живущих по соседству больших.

Жанр и сам предмет рецензии, к сожалению, не позволяют пространно перечислить даже то богатство материала, которое присутствует в энциклопедии. Авторы и главный редактор издания, это следует особо отметить, собрали почти все доступные материалы по широкому кругу проблем и приложили максимум усилий, чтобы в меру современных изданий представить читателю прекрасный комплексный материал об общественных, политических, национально-этнических и языково-культурных аспектах истории и жизнедеятельности русин Подкарпатского края с древнейших времен до наших дней.

Читатель "Энциклопедии Подкарпатской Руси", интересующийся прошлым и настоящим, культурными, языковыми и этнонациональными проблемами подкарпатских (закарпатских) русин, с изданием этой работы получил прекрасную настольную книгу, которая поможет ориентироваться в самых сложных аспектах проблематики. В ней представлен цельный, а главное – объективный материал справочного и аналитического характера по всем проблемам, касающимся подкарпатских русин.

(с) 2003 г. *Б.И. Желицки*

Научная конференция “Юрий Иванович Венелин: 200 лет со дня рождения (1802–1839)”

31 мая 2002 г. Болгарский культурный институт в Москве совместно с Институтом славяноведения РАН провел научную конференцию, посвященную 200-летию со дня рождения известного ученого-слависта Ю.И. Венелина, зачинателя российской болгаристики. Его бескорыстная деятельность на благо болгарского Возрождения, невероятный успех его книг, идей, наставлений в среде болгарской возрожденческой интеллигенции, пробужденной к служению на благо своего отечества, сохранились в благодарной памяти болгарского народа. В наше непростое время, когда переосмысливается исторический путь и взаимоотношения России и Болгарии, образ Юрия Ивановича Венелина не должен поблекнуть и исчезнуть из памяти новых поколений, о чем с тревогой говорили болгарские коллеги. На конференции обсуждался широкий круг вопросов, связанных с уточнением многих существенных моментов его жизненного пути и научного наследия.

Значимость личности Ю.И. Венелина не только для периода Возрождения Болгарии, но и для современного этапа ее развития было подчеркнуто посещением конференции посла Республики Болгария в Российской Федерации *И. Василевым*. Открывая утреннее заседание, г-н посол выразил удовлетворение, что отмечается 200-летие Юрия Ивановича Венелина, сыгравшего большую роль в возрождении национального самосознания болгар. Известная истина, что без прошлого нет будущего, зазвучала с особой силой, когда было с сожалением констатировано, что у барельефа Венелина в Свято-Даниловом монастыре было немного цветов. “Заразите вашим энтузиазмом молодых болгар и россиян”, - обратился г-н

Василев к собравшимся ученым. “Памятник Венелину можно восстановить. Нужно, чтобы новые поколения знали о Юрии Венелине. А духовный памятник - книгу о Венелине - должны написать Вы - ученые”.

Директор Института славяноведения чл.-корр. РАН *Волков В.К.* подчеркнул, что сам факт присутствия посла Республики Болгарии на конференции говорит о значимости дела Юрия Ивановича Венелина. Он вошел в нашу историю как славяновед, а в болгарскую историю - как будитель. Венелин не был первым в болгарской историографии: до него творили Паисий Хилендарский, Софроний Врачанский, Петр Берон, Неофит Рильский. Но выход в свет книги “Древние и нынешние болгаре...” (1829) сыграл большую роль в пробуждении национального самосознания болгарского народа. Венелин считал себя русином. Он ощущал себя русским человеком. И тот факт, что он нашел упокоение в Свято-Даниловом монастыре символичен.

Со вниманием было встречено выступление полномочного министра при посольстве Республики Болгария в Российской Федерации доктора истории *П.Ж. Куцарова* – “Ю.И. Венелин и болгары”. “В 2002 г., когда в России и Болгарии отмечается 200-летие со дня рождения видного слависта и болгариста Ю.И. Венелина, я хотел бы подчеркнуть следующие моменты. Очень жаль, что эта годовщина в Болгарии проходит как писал поэт “тихо, как в пустыне”. Конечно, ученые и простые люди могут ссылаться на переходный период в развитии страны, на материальные трудности и т.п., но правда в другом! История болгаро-русских отношений нуждается в новом прочтении. Ученые должны на ясном, увлекательном и доступ-

ном языке раскрыть обаяние всех видных фигур болгаро-русского сотрудничества. Это имеет особо важное значение, так как история отношений между Болгарией и Россией не является набором хронологических фактов и дат, а это жизнь, деятельность и творчество плеяды деятелей на ниве болгаро-русского сотрудничества. Особое место среди них занимает Ю.И. Венелин. Он еще при своей жизни воздвиг себе памятник в сердцах и душах болгар. Если допустить мысль, что Ю.И. Венелин ничего бы не сделал для защиты языка, письменности и культуры, то достаточно того, что он вернулся в лоно национального самоопределения Василя Априлова. В знак благодарности видный возрожденец не только стал инициатором установки памятника Ю.И. Венелину в Свято-Даниловом монастыре в Москве, но заказал и себе такой же памятник в Габрове во дворе Априловской гимназии. Болгарским и русским студентам-славистам, нашим ученикам и детям нужно предоставить интересное, затрагивающее душу молодых людей "Житие Ю.И. Венелина" и рассказ о его огромном гуманизме, чтобы нам не было стыдно, что мало или недостаточно сделали для возвеличения дела Ю.И. Венелина".

Гачев Г.Д. (Исл РАН) в докладе "Юрий Венелин - кто он, писатель или ученый?" рассмотрел книгу Венелина "Древние и нынешние болгаре..." как научно-художественное произведение и национальный миф. Это сочинение синкретического жанра, относящееся и к науке, и к литературе-эпосу, что характерно для ранних "историй" у всех народов (Геродот, Тацит, Нестор, Паисий, Карамзин...). Герой повествования - Народ Болгарский в его отношении к брату - Народу Русскому: тут и встречи, непонимания, перипетии, и наветы германской науки, что нацелилась рассорить братьев, объявив болгар не славянами, а татаро-тюрками. Книга Венелина дала болгарам идеологическое обоснование национальному Возрождению, снабдив их национальным мифом. И важно, что не свой, как Паисий, а ученый со стороны так их воспел и возвысил.

Горина Л.Д. (МГУ) предложила вниманию собравшихся доклад "Загадка Ю.И. Венелина", в котором рассматривалась "проблема соотношения источников, изученных Венелиным, с теми выводами, к которым он приходил. Венелин как историк, собирая свой архив (прежде всего болгарские рукописи, рукописные книги), пришел к убеждению, что болгары имеют больше всех рукописей, поскольку они начали их создавать

раньше других славянских народов. Он уведомлял о том, что основной массив этих рукописей находится за пределами самой Болгарии, а именно: в Москве, Риме, во Франции. Ученый делал весьма спорный вывод о том, что рукописи, которые имелись в самой Болгарии, следовало оттуда вывезти. Благодаря Венелину мы находимся у истоков важной темы: судьба болгарских рукописей. Венелин обладал необходимой языковой подготовкой: знал славянские, древние, современные западноевропейские языки. Особенно впечатляет количество византийских источников, которые он привлек к анализу. Он был очень строг при изучении источников, но безгранично увлекался при построении теорий. Так, Венелин поставил очень сложную проблему о происхождении болгарского народа. Используя мощную источниковую базу по истории славян и протоболгар, он делал под воздействием романтизма абсолютно неприемлемый вывод, что болгары и славяне один народ, абсолютно игнорируя уже имеющиеся документы. Несоответствие идей сочинений Венелина и хорошей источниковой базой - загадка историографии".

Муртузалиев С.И. (Дагестанский университет) в докладе "Вклад Ю.И. Венелина в изучение истории Болгарии XV-XVI в." отмечал недостаточную изученность историографией данных сюжетов в творчестве Ю.И. Венелина. Анализ известных опубликованных работ историка, показал, что он верно оценивал общую ситуацию в Болгарии в конце XIV- начале XV в. Венелин первым обратился к одной из сложнейших проблем, дискуссии по которой велись и в XX в.: взаимоотношению "частей" Османской империи между собой. Он также раскрыл проблему "духовного состояния" болгарского народа в Османской империи, который несмотря на значительные потери от "долговременного железного ига и убийственной политики Порты", от ликвидации самостоятельности церкви и потери политической независимости, не перестал существовать, и Россия обязана была помочь ему возродиться. На фольклорном материале "О характере народных песен у славян западных" Венелин выстроил свою логическую цепочку причин изменения характера болгар. Венелин не сумел привлечь и критически осмыслить все имевшиеся к тому времени материалы по истории Болгарии XV-XVI вв. Определенную роль сыграл субъективизм ученого, использовавшего лишь те факты, которые соответствовали его "критерию исторической логики". Ав-

тор доклада отметил непродолжительность научного творчества Венелина, краткость самих сюжетов, посвященных или связанных с историей Болгарии XV-XVI вв., преимущественное внимание историка к периоду раннего средневековья и к современному ему положению болгар. Это не помешало Венелину затронуть целый ряд важных проблем ассимиляции, вооруженной борьбы, фольклора, положения церкви и т.п. Отношение российского общества к идеям Венелина было неоднозначно, но он пробудил у ученых интерес к болгарской истории, к фольклору, к рукописной книге.

Доклад *Е.И. Деминной* (ИСл РАН) был посвящен тем сторонам деятельности Ю.И. Венелина, которые характеризуют его как одного из зачинателей (вслед за А.Х. Востоковым и П.И. Кеппеном) российской лингвистической болгаристики. Учитывая наличие неточностей и прямых ошибок во взглядах Венелина, докладчик ставит перед собой цель выявить достоинства лингвистических воззрений Венелина и его конкретных научных работ - идет ли речь о его уникальном исследовании и публикации влахо-болгарских грамот, о его взглядах на болгарский язык как самостоятельный в кругу других славянских языков, об определении им диалектной основы языка древнеболгарской письменности и его соотношения с церковнославянским языком, о его концепции создания литературного болгарского языка нового времени на народной основе, но с опорой на традицию в виде особого "этимологического правописания", позволяющего использовать на письме традиционные написания с отказом от них в пользу народного произношения при чтении. Дается общая оценка "Грамматики нынешнего болгарского наречия" Венелина как первого не только в России, но и Болгарии опыта создания *нормативной* грамматики болгарского языка нового времени.

Усачева В.В. (ИСл РАН) в докладе "Ю.И. Венелин - исследователь этнографии болгарского народа" отметила, что Венелин дал науке своего времени первые и наиболее точные сведения о численности и территориальном расселении болгар, впервые очертил границы болгарского этноса. Собирая материал для грамматики и словаря во время своего путешествия в Болгарию и обращая внимание на диалектные наречия, ученый сделал вывод о том, что быт, этикет, жизненные устои, традиционные обряды транслируются из глубины веков, что это константы, которые мало подвержены

изменениям. Венелин постоянно возвращался к мысли о роли языка. Знакомство с песенным фольклором давало материал для более четкого представления о диалектном ландшафте болгарского языка. Он затрагивал многие вопросы этнографического характера. Впервые им дается этнопсихологическая характеристика болгарского народа. Венелин наметил тематическую и идейную направленность болгарского народоведения, дал программные установки на собирание этнографического и, в частности, фольклорного материала. Докладчик обратила внимание на употребление Венелиным слова *народопись* вместо *этнография*. На основе анализа творчества и эпистолярного наследия ученого обращено внимание на постепенность формирования у Венелина научного подхода к этнографическим фактам, на выкристаллизацию наиболее значимого полевого материала. Призыв Венелина собирать фольклорный и этнографический материал был услышан русским ученым Григоровичем, в публикациях которого воплотился один из главных тезисов этнографической венелинской программы - неразрывность песни и обряда и необходимости их одновременной фиксации.

Лантеева Л.П. (МГУ) выступила с докладом "Ю.Венелин и Московский университет". Ю.И. Венелин обучался в Московском университете медицине, но интересовался историей и языкознанием, сотрудничал в журнале "Московский вестник". Так в 1828 г. вышла его книга "Древние и нынешние болгаре..." на деньги профессора Московского университета М.П. Погодина. Но большинство критиков отнеслось к работе отрицательно, так как в ней много фантазий и ошибок. Однако Венелин получил признание у болгар, которые увидели в нем внимательного защитника народа. Наибольшую ценность в научном отношении представляло издание "Влахо-болгарские грамоты...", собранные Венелиным во время его путешествия по Болгарии. Интересен также "Конспект преподавания истории славянского наречия и литературы", написанный Венелиным в 1834 г., но опубликованный в 1898 г. Эта работа стала первым опытом описания проблемы университетского курса славяноведения. Но по мнению ряда ученых второй половины XIX в. Венелин не стоял на уровне современной ему славянской филологии. В целом Венелин относился к числу тех ученых, которые в период зарождения славяноведения в России создали фундамент для развития этой науки в Московском университете несмотря

на недостатки этих трудов, впрочем, вполне закономерные в тот период.

Смолянинова М.Г. (Исл РАН) предложила доклад “Ю.И. Венелин и болгарские писатели XIX в.” Для болгарских писателей XIX в. сочинения Ю.И. Венелина стали программой действий по возрождению болгарской нации, литературы и культуры. Они использовали плодотворную идею Венелина о создании эмигрантских центров развития болгарской литературы вне Османской империи (такие центры были созданы в Одессе, Москве, Бухаресте и других городах). В этих центрах болгарская эмиграция вела активную борьбу за освобождение родины, просвещение нации, ее культурное развитие. Работы Ю.И. Венелина определили решительный поворот в духовной ориентации болгар. Они способствовали возврату болгарской литературы к славянской традиции. Образ Ю.И. Венелина, боготворимого болгарскими писателями прочно вошел в национальную поэзию (о чем свидетельствуют произведения Г.Пешакова, Н.Рильского, П.Р. Славейкова). Болгарский народ свято хранит память о Венелине, много сделавшем для возрождения Болгарии.

В докладе *Медовичевой Т.А.* (РГБ) “Венелинские материалы в отделе рукописей РГБ” дается краткий тематический обзор рукописного наследия Ю.И. Венелина, хранящегося как в его личном архиве, так и в других архивных фондах Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Наиболее подробно охарактеризованы болгарские материалы; подчеркнута многоаспектность их использования в отечественном и зарубежном славяноведении. Обращено внимание на малоизученность архивных материалов и рукописных неопубликованных исторических сочинений Венелина. В докладе отмечены недостатки описания документов Венелина и неполное их отражение в научно-справочном аппарате Отдела рукописей. На основании этого сделан вывод о необходимости подготовки современного научного описания архива Ю.И. Венелина.

В докладе *М.Ю. Досталь* (Исл РАН) «Идеи романтизма в историко-славистическом творчестве Ю.И. Венелина на примере анализа его сочинения “Мысли об истории вообще и русской в частности”» (опубликованного после смерти ученого в 1847 г.) выявлены основные принципы исследования, характерные для методологии романтизма и показано, как они применялись в его главных историко-славистических трудах. До-

кладчик объяснила также причины разного (восторженного и холодного) отношения к этим работам в кругах болгарской и словенской возрожденческой интеллигенции.

Фролова М.М. (Исл РАН) в докладе “О влиянии трудов Ю.И. Венелина и А.Д. Черткова на творчество Г.С. Раковского” обратила внимание на то, что на формирование взглядов видного деятеля Болгарского Возрождения по многим проблемам болгарского средневековья немалое воздействие оказали труды Ю.И. Венелина и председателя Общества истории и древностей российских при Московском университете А.Д. Черткова. Отстаивая точку зрения о жизнеспособности болгарского государства, в разработке сложнейшего вопроса о происхождении болгарского народа Раковский, в свою очередь доказывая его древность, прежде всего опирался на мнение Венелина о славянстве болгар (воспринимая и его этимологические приемы) и концепцию Черткова о происхождении, передвижении и расселении славян из Азии в Европу. Обоснование Раковским права болгар иметь свою независимую от Константинополя церковь подкреплялось авторитетным для болгар суждением Венелина и Черткова о распространении в Болгарии христианства ранее деятельности Кирилла и Мефодия. Нетрадиционный подход Венелина и Черткова к освещению истории Болгарии и их оригинальные теории стали теми источниками, которые питали не менее оригинальные идеи Раковского.

В докладе “Необходимые уточнения к биографии Ю.И. Венелина” *Г.К. Венедиктов* (Исл РАН) обратил внимание на то, что в существующей обширной литературе о жизни и научной деятельности Ю.И. Венелина встречается много неверных утверждений, искажающих его биографию. Большая разногласия существует, в частности, в датах рождения и кончины ученого, много неточностей в описаниях его путешествия в Болгарию, высказываются неверные суждения о характере его отношений с некоторыми современниками и др. Поражает своей недостоверностью утверждение некоторых энциклопедий о сооружении Ю.И. Венелину памятников в Одессе (1842) и в Софии, при этом обходится молчанием тот факт, что единственный памятник Ю.И. Венелину был поставлен в 1842 г. в Москве, к сожалению, разрушенный в начале 30-х годов XX в.

(с) 2003 г. *М.М. Фролова*

Международная конференция
“Национально-культурное возрождение славянских народов и
Карпатский регион
(К 200-летию со дня рождения Ю.И.Венелина)”

22–23 апреля 2002 г. в Ужгороде состоялась Международная конференция “Национально-культурное возрождение славянских народов и Карпатский регион. (К 200-летию со дня рождения Ю.И.Венелина)”. Она была организована Ужгородским национальным университетом и проходила в аудиториях его экономического и исторического факультетов.

В первый день были проведены пленарные и секционные заседания. Конференцию открыл и ее задачи определил проректор университета, проф. *М.Питюлич*. С приветствиями к участникам конференции обратились ректор университета проф. *В.Сливка* и декан его исторического факультета проф. *И. Мандрик*, а также представители других учебных заведений Украины. В свою очередь, иностранные гости также приветствовали украинских ученых. В частности, с пожеланиями успешной работы конференции от имени Института славяноведения РАН выступила *С.М.Фалькович*.

Научная часть заседания открылась докладом проф. *Д. Данилюка* (Ужгород) “Ю.И.Венелин и национально-культурное возрождение славянских народов в первой половине XIX в.”, в котором была подчеркнута идейная связь основного направления исследований выдающегося деятеля закарпатского национального возрождения с общими процессами и задачами национального возрождения в других славянских землях. Анализу идей романтизма в славистическом творчестве Ю.И. Венелина был посвящен доклад *М.Ю. Досталь* (Москва), которая также признала тенденции романтизма неразрывной частью процессов славянского национального возрождения.

Доклад *И. Вовканича* (Ужгород) касался современных проблем славянской в контексте Центральной и Восточной Европы. Автор определил новые методологические подходы к изучению данной темы, призывая сочетать цивилизационный подход с учетом региональной специфики. *П. Лизанец* (Ужгород) рассмотрел славянские заимствования в венгерском языке как интересный источник для углубленного изучения старославянского языка. Утреннее

пленарное заседание завершил доклад *С.М. Фалькович* (Москва) “Особенности национального возрождения народов в условиях территориально-государственной раздробленности (на примере истории западных польских земель)”, в котором было показано, как этот процесс проходил в течение XIX - XX вв. в Силезии, на Мазурах и на земле Кашубов, т.е. на территориях, ранее захваченных Пруссией и в значительной степени германизированных.

Во второй половине дня заседания конференции проходили в трех секциях. Из заявленных в программе докладов была оглашена примерно половина. Причина заключалась в почти полном отсутствии докладчиков из Киева, Львова, Харькова, Днепропетровска и других научных центров Украины, которые не смогли приехать из-за финансовых трудностей. В первой секции “Теоретико-методологические проблемы национально-культурного возрождения славянских народов” было прочитано девять из 20 ранее заявленных докладов. Их тематика была очень разнообразна, касаясь преимущественно истории Западной Украины. Внимание слушателей привлек доклад *Н.М. Пашиевой* (Москва) “Русское движение в Галичине в XIX-XX вв. - своеобразный феномен культурно-национального возрождения славянских народов”. Современные мифологемы и вопросы духовного возрождения были рассмотрены в докладе *В. Буркало* (Ужгород). *Ю. Юсин-Якимович* (Ужгород) посвятила свой доклад проблеме славянского литературного модернизма конца XX в., проанализировав ее в общеславянском контексте. *И. Молоцкай* (Киев) осветила культурно-просветительскую деятельность “гласистов” в контексте словацкого национально-политического движения конца XIX - начала XX вв. *Ю. Бисяга* (Ужгород) говорил о становлении конституционно-правовой культуры в Центральной Европе в XIX-XX вв. Национальные права славянских этнических меньшинств в период возрождения проанализировала на основе документов из архивов Украины *А. Котляр* (Ужгород). *Л. Мальяр* (Ужгород) говорила об общественном

воспитании гимназической молодежи Закарпатья в 20-30-е годы XX в. с помощью художественного слова классической литературы. *В. Падяк* (Ужгород) осветил проблемы, достижения и перспективы издательского дела в контексте современного русинского национально-культурного возрождения, а *М. Зан* (Ужгород) посвятил свой доклад этнокультурному ренессансу национальных меньшинств Закарпатья в 90-е годы XX в.

Во второй секции обсуждались проблемы культурных и научных связей славянских народов Европы в эпоху национально-культурного возрождения. Здесь было прочитано десять из заявленных 18 докладов. *М. Данилак* (Прешов) говорил о национальном возрождении словаков и русинов в Верхней Венгрии. *М. Криль* (Львов) размышлял об идее славянского единения как факторе культурного сближения народов. Доклад *М. Отченаша* (Прешов) был посвящен анализу представлений словацкого историка Франтишека Сасинька о русинах-украинцах. *С. Ганус* (Ужгород) говорил о немецкой славистике эпохи Просвещения как факторе национального возрождения славян. *М. Шарга* (Ужгород) рассматривал национальные проблемы подкарпатских русинов в контексте всеславянской солидарности.

На заседаниях третьей секции, которая называлась "Вклад карпато-украинской интеллигенции в национально-культурное возрождение славян", было зачитано девять из 17 заявленных докладов. Многие из них касались различных аспектов научного творчества и деятельности Ю.И. Венелина. Наряду с этим *В. Задорожный* (Ужгород) рассмотрел взгляды профессора И. Свенцицкого как исследователя научного творчества закарпато-украинских ученых в Российской империи, а *М. Мушинка* (Прешов) рассуждал о вкладе известного украинского фольклориста В. Гнатюка в исследование биографии Ю.И. Венелина.

Одной из центральных проблем, обсуждавшихся на конференции, стала, зачастую вопреки желанию ее организаторов, проблема современного положения русинов в Закарпатье. Не случайно, что все доклады, так или иначе касавшиеся этой темы, вызвали у аудитории повышенный интерес и горячую дискуссию. Более всего это касалось упомянутого доклада представителя общества "Просвита" *М. Шарзи*, в котором автор попытался доказать, что русинская народность в настоящее время располагает всеми атрибутами для признания ее аутен-

тичности и отличия от украинцев. Об интересе слушателей свидетельствует, например, тот факт, что вопросы к автору заняли больше времени, чем прочтение текста самого доклада. Большой успех выпал на долю доклада издателя *В. Падяка*, в котором автор рассказал о заметных достижениях издательского дела и литературы у русинов, проиллюстрировав доклад яркими примерами из современных литературных произведений русинских авторов.

Нельзя не отметить, что русинская тема была широко представлена на книжной выставке, приуроченной к конференции. Внимание участников особенно привлекло вышедшее в 2001 г. прекрасное издание капитальной "Энциклопедии Подкарпатской Руси", составленной бывшим сотрудником Института славяноведения РАН И.И. Попом, который в настоящее время живет и работает в Чехии.

Заключительное вечернее пленарное заседание подвело итоги прошедшей конференции. *Д. Данилюк*, в частности, отметил, что на ней было заслушано 28 докладов историков, филологов и педагогов с Украины, из России и Словакии. Материалы конференции будут опубликованы. В 2003 г. в Ужгороде планируется проведение Международной конференции, посвященной 200-летию выдающегося деятеля закарпатского национального возрождения Александра Духновича.

23 апреля состоялась встреча участников конференции со студентами Ужгородского университета, некоторые из ученых имели возможность выступить перед студенческой аудиторией. В частности, *Н.М. Пацаева* прочитала доклад о возрождении московских церквей в 1990-е годы. Вслед за этим на кафедре истории Украины был проведен "круглый стол" "Проблемы исторического краеведения в контексте славянских культур", в котором приняли заинтересованное участие преподаватели Ужгородского университета и гости из Москвы, Киева, Львова, Прешова. Они поделились своими соображениями о современном состоянии краеведения в своих городах и регионах. Много говорилось о культурных проблемах украинских меньшинств за пределами Украины. Ученые обменялись информацией о работе своих учебных и научно-исследовательских центров. В частности, говорилось о структуре и научной деятельности Института славяноведения РАН, в особенности Отдела восточного славянства.

Во второй половине дня иностранных и иногородних гостей конференции ждала ин-

тересная автобусная экскурсия на родину Ю.И. Венелина в село Тибаву. По дороге они ознакомились с достопримечательностями Мукачевского замка. В Тибаве гости побывали на месте, где стоял дом Ю.И. Венелина (хата перевезена в архитектурный музей Ужгорода) и осмотрели экспозицию краеведческого музея в местной школе.

В целом конференция в Ужгороде наглядно показала, что проблемы национального возрождения славянских народов имеют не только сугубо научное значение, но

не потеряли своей актуальности, в частности в Закарпатье, где сосуществует множество национальных меньшинств, проявляющих ныне свою культурную активность. (Это, в частности, подтверждается фактом проведения в это же время в Ужгороде Международного съезда цыган.) Изучение проблем национального возрождения в этом интересном регионе чрезвычайно перспективно в научном отношении.

(с) 2003 г. М.Ю. Досталь, С.М. Фалькович

Славяноведение, № 1

Международная научная конференция “Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа (К 100-летию со дня рождения)”

Конференция состоялась в Институте славяноведения РАН 30–31 октября 2001 г. и была организована Отделом новой истории стран Юго-Восточной Европы (председатель Оргкомитета д-р ист. наук И.В. Чуркина). В ее работе приняли участие 45 ученых-славистов – сотрудников Российской академии наук и преподавателей из России, Украины, Молдовы, Словакии.

Во вступительном слове директор Института славяноведения РАН д-р ист. наук, профессор, член-корреспондент РАН В.К. Волков кратко остановился на некоторых фактах биографии С.А. Никитина, подчеркнув, что Сергей Александрович был сыном XX в., поломавшего судьбы многих людей. Сложные условия развития отечественной науки в 1930–1940-е годы, в которых проходило становление историка, наложили отпечаток на его личность. Говоря о вкладе С.А. Никитина в славяноведение, В.К. Волков высоко оценил его научные труды, а также заслуги в деле создания отечественной исторической школы ученых-славистов, основанной на ведущей идее о нераздельности истории России и славянских народов.

Доклад д-ра ист. наук И.В. Чуркиной и д-ра ист. наук С.И. Данченко (ИСл РАН) был посвящен научной деятельности С.А. Никитина. Авторы акцентировали внимание на разработке ученым главных проблем его научных исследований, а

именно: история балканской политики России и развитие русско-славянских связей в 50–70-х годах XIX в. Были также проанализированы основные труды С.А. Никитина: “Славянские комитеты в России” (М., 1960) и “Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в.” (М., 1970) и его работа в качестве ответственного редактора многотомных публикаций архивных документов, изданных в СССР в 60-х – начале 80-х гг. XX в.

Различным этапам деятельности С.А. Никитина на посту заведующего кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М.В. Ломоносова посвятила свой доклад профессор Л.В. Горина (МГУ). Значительное внимание в ее выступлении было уделено новшествам в преподавании истории южных и западных славян, введенным благодаря профессору Никитину. Исследовательница привела также неизвестные ранее факты о борьбе с космополитизмом на историческом факультете МГУ в конце 1940-х годов.

Более подробно этот вопрос был рассмотрен в докладе канд. ист. наук М.Ю. Досталь (ИСл РАН). Автор указала на причины “антикосмополитической” кампании в СССР и остановилась на предыстории критических нападок на С.А. Никитина и его труды в Институте славяноведения и на кафедре истории южных и западных славян в МГУ. Особое внимание было уделено засе-

данию кафедры 9 апреля 1949 г., на котором серьезной критике подверглась ее организационная, педагогическая и идейно-научная деятельность. Студенты и аспиранты “громили” преподавателей, обвиняя их в объективизме, безыдейности и космополитизме.

С докладом “Сербская история в трудах С.А. Никитина” выступил канд. ист. наук А.В. Карасев (Исл РАН). Автор подчеркнул, что разрабатывая в качестве магистральной теме “Россия и Балканы”, ученый сумел выделить и глубоко исследовать круг проблем из истории русско-сербских отношений, а именно: события Первого и Второго сербских восстаний начала XIX в., деятельность реформатора сербского языка Вука Караджича и его связи с Россией, история Балканского союза 60-х годов XIX в., участие сербов Воеводины в революционных событиях 1848 г., русско-сербские отношения в годы Восточного кризиса 70-х годов XIX в. По убеждению А.В. Карасева, профессор Никитин являлся основоположником изучения сербской истории в современной отечественной историографии.

Профессор И.Г. Воробьева (Тверской гос. ун-т) остановилась на полемике, которую вел С.А. Никитин со своим предшественником – известным русским ученым XIX в. Нилом Александровичем Поповым, автором труда “Россия и Сербия”. Никитин в ряде своих работ высказал немало критических замечаний в адрес Попова-публикатора, а также критиковал его деятельность на посту секретаря Московского Славянского благотворительного комитета.

Канд. ист. наук А.Н. Горяинов (Исл РАН) рассказал участникам конференции о воздействии семьи и взглядов родных С.А. Никитина на формирование его убеждений. Большой интерес вызвали приведенные в докладе сведения об отце – Александре Васильевиче и дяде – Дмитрие Васильевиче, а также отзыв Льва Николаевича Толстого о последнем, являвшемся его личным врачом.

О связях Никитина с молдавской наукой в 50–60-е годы XX в. и его значительной роли в подготовке кадров молдавских историков-славистов рассказал канд. ист. наук Н.Н. Червенков (Кишинев).

В вышеуказанных докладах и сообщениях была всесторонне проанализирована многогранная деятельность С.А. Никитина – ученого, педагога, организатора науки. Далее на конференции с результатами своих исследований выступили представители той самой исторической школы в отечественном славяноведении, которую он создал, – как

уже известные ученые, так и начинающие исследователи.

Проблемам преподавания в современных условиях истории и культуры славянских народов были посвящены доклады канд. ист. наук Н.А. Лучининой (Тверской гос. ун-т) – “Традиции и новации при изучении межславянских связей в университетском курсе истории зарубежных славянских народов” и Н.А. Бондаренко (Славянская гимназия в Братиславе, Словакия) – “Идея славянской взаимности в школьном преподавании”.

Анализ философского и историософского наследия Т.Г. Масарика и его интерпретации гусизма составили основное содержание доклада канд. ист. наук Г.П. Мельникова (Исл РАН). Эта проблема была рассмотрена как явление культуры рубежа XIX–XX вв. Автор констатировал, что чешский политик считал своим политическим и историческим идеалом не европейский либерализм, а гуманистические и религиозные воззрения гуситов. Мельников провел интересный сравнение философии истории Масарика со взглядами на этот вопрос большевиков и пришел к выводу, что как и у последних, у чешского лидера “в облике философии истории выступает политика”.

В докладе д-ра ист. наук С.М. Фалькович (Исл РАН), посвященном политике царизма в Королевстве Польском в период восстания 1830–1831 гг., был затронут ряд интересных вопросов: внутренняя структура и идеология польского национально-освободительного движения, идеологическая и политическая борьба в польском патриотическом лагере и позиция радикальных элементов и др. При этом автор подчеркнула связь польского вопроса с делом европейской демократии, а также влияние восстания 1830–1831 гг. на последующие события польской и европейской истории и на развитие отношений с Россией.

Политике великих держав на Балканах были посвящены доклады д-ра ист. наук В.Н. Виноградова, д-ра ист. наук Т.М. Исламова, Т.Ф. Маковецкой (все – Исл РАН) и Д.В. Никонорова (МГУ). В.Н. Виноградов проанализировал результаты русско-турецких войн конца XVIII–XIX вв., которые, по его мнению, были “скудны” для России. Он констатировал, что для внешней политики России, помимо фактора государственных интересов, был характерен и идейно-психологический фактор – защита православия и покровительство славянам. Вершиной балканской политики России, подвел итог автор, была русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Освобождение славян считалось исторической миссией России, и она ее выполнила. Основным этапом балканской политики Австро-Венгрии с XVI в. до 1918 г. был посвящен доклад Т.М. Исламова. Кратко остановившись на содержании каждого этапа, автор подчеркнул, что в целом она была иной, чем политика России, и диктовалась исключительно прагматическими интересами. Т.Ф. Маковецкая проанализировала в своем докладе дипломатические шаги России и других великих держав в период Восточного кризиса 1875–1878 гг., специально остановившись на этапах решения южнославянского и, в частности, болгарского вопроса. Роль идеи Великой Сербии и Великой Болгарии в политике России в 1878–1908 гг. стала предметом рассмотрения Д.В. Никонорова.

Доклад канд. ист. наук В.И. Журавлевой (РГГУ) был посвящен славянскому аспекту российско-американских отношений в период Первой мировой войны. Главное внимание автор уделила следующим вопросам: состав славянской диаспоры в США, славянское движение в поддержку России, деятельность русского консульства в Чикаго.

Судьба экарха Стефана в контексте советско-болгарских отношений в 40–50-е годы XX в. была прослежена в докладе д-ра ист. наук Т.В. Волокитиной (ИСл РАН). На основе изучения материалов российских архивов она пришла к выводу, что отставка Стефана в сентябре 1948 г. была инициирована не Москвой, а Софией, но мотивация болгарского правительства не встретила возражений советских властей.

Канд. ист. наук О.В. Павленко (РГГУ) посвятила свой доклад деятельности советской дипломатии и военного командования советской оккупационной зоны в 1945–1955 гг. в Австрии. Этот вопрос был рассмотрен исследовательницей в рамках более широкой темы, касающейся политики великих держав в период “холодной войны”, в частности, планов Великобритании по созданию Дунайской конфедерации во главе с Австрией с целью заполнения бреши, образовавшейся после распада в 1918 г. Австро-Венгрии.

Д-р ист. наук К.В. Никифоров (ИСл РАН) обратился в своем докладе к проблеме внешнеполитического доминирования на Балканах в 40–90-е годы XX в. Автор констатировал, что Балканы всегда являлись скорее объектом, нежели субъектом международных отношений. 40-е годы XX в. были связаны с процессом фашизации балканских государств. Затем наступил период советизации Балкан и всей Восточной Ев-

ропы, который продолжался более полувека. Процесс, который мы наблюдаем в этом регионе в настоящее время, автор определяет с точки зрения внешнего доминирования как натоизацию. К.В. Никифоров констатировал, что процесс натоизации в последние два десятилетия был направлен на создание натоцентристской модели международной безопасности, в которой России нет места. Наибольшее сопротивление внешнему давлению оказывала Югославия, которая противодействовала как фашизации и советизации, так и натоизации своей страны, что в конечном итоге и определило развитие событий по известному сценарию.

В докладе д-ра ист. наук В.Я. Гросула (ИРИ РАН) на основе дневников В.О. Ключевского, был затронут ряд интересных аспектов: о становлении общественной жизни, начиная с эпохи Петра I, и формирования русского общественного мнения.

Несколько участников конференции посвятили свои доклады известным деятелям науки и культуры. С докладом “Польша А.С. Пушкина. Россия А. Мицкевича” выступил д-р филол. наук А.В. Липатов (ИСл РАН). Двух гениев сближали общие взгляды на литературу и взаимное признание поэтического дара, разделял же их, по утверждению автора, национальный менталитет (как следствие различий общественной истории России и Польши). Органичное для России государственное общество и характерное для Речи Посполитой “гражданское общество” сформировали два национальных типа: подданного государства и гражданина шляхетской республики. Отсюда, подчеркивает автор, особенности в образе мыслей и характере творчества Пушкина и Мицкевича.

Канд. ист. наук О.В. Саприкина (РГГУ) проследила жизненный и научный путь слависта В.И. Ламанского, подчеркнув, что его научные концепции часто были политизированы.

Д-р ист. наук С.И. Михальченко (Брянск) рассказал о литературоведе Е.А. Ляцком, белорусе по происхождению, после 1917 г. оказавшемся за границей, в Праге, и организовавшем там известное издательство “Пламя”. Горячий сторонник идеи значимости белорусов и Белоруссии, Ляцкий, которого автор называет славянским просветителем, немало сделал для эмигрантов в материальном и духовном отношениях.

Выступление канд. ист. наук Е.П. Аксеновой (ИСл РАН) было посвящено оценке известным русским ученым XIX в. А.Н. Пылиным деятельности славянских комитетов

в России в 1858–1878 гг. В докладе отмечалось, что Пыпин положительно характеризовал их усилия в сфере благотворительности и активное участие в сборе средств и отправке добровольцев на Балканы, а также в деле издания литературы о славянстве. В то же время ученый критиковал славянофильскую ориентацию и тенденциозность комитетов, их неспособность дать русскому обществу достаточно полное представление о положении славянства и межславянских отношениях. Е.П. Аксенова наглядно показала, как обращение к исследованию С.А. Никитина о славянских комитетах помогает расшифровать неясные места в тексте Пыпина.

Отражение славянской проблематики в трудах известного австрийского путешественника и ученого-энциклопедиста Балтзара Гакета (1739–1815), 44 года жизни проведенного в славянской среде, стало предметом исследования профессора Львовского университета М.М. Криля. Проанализировав огромное наследие ученого, чье имя в XX в. было практически забыто, автор пришел к выводу, что благодаря своим комплексным славистическим исследованиям Гакет, наряду с Й. Добровским, А.Х. Востоковым и П.Й. Шафариком, может считаться одним из основателей славистики, хотя в отличие от последних он не был объективен в оценке славянских народов.

В докладе канд. ист. наук Г.Д. Шкундина (ИСЛ РАН) на основе новых документов из российских, болгарских и румынских архивов было показано место Болгарии в коалиционной политике Антанты и, в частности, в российской политике в 1916 г., которое в значительной мере определялось динамикой переговоров между державами Антанты и Румынией по поводу вступления последней в Первую мировую войну.

Роль СССР и ее граждан в словенском антифашистском движении в период Второй мировой войны была представлена в общении Н.С. Сахаровой (ИСЛ РАН).

Часть докладов на конференции была посвящена связям России с зарубежными славянами в XVIII–XIX вв. Д-р ист. наук И.С. Достян (ИСЛ РАН) рассмотрела те сюжеты южнославянской истории первой половины XIX в., которые нашли отражение в русской периодической печати и литературе того времени: Первое и Второе сербские восстания, жизнь Черногорского княжества, политика России. Автор подчеркивает, что русская печать и расширение русско-южнославянских связей способствовали складыванию благожелательного образа

братских славянских народов у русской общественности и развитию славяноведения в России.

В докладе д-ра ист. наук И.И. Лещиловской (ИСЛ РАН) был представлен исторический портрет Саввы Лукича Владиславича Рагузинского, переселившегося в Россию при Петре I. Автором было приведено немало интересных фактов об оказании Саввой Владиславичем финансовой поддержки Петру I, а также о его дипломатической деятельности на благо России.

Канд. ист. наук Е.П. Кудрявцева (ИРИ РАН) посвятила свое выступление русско-южнославянским церковным связям в 30–40-е годы XIX в. На основе новых документов, хранящихся в Архиве внешней политики России, автором были рассмотрены такие вопросы, как положение боснийской православной церкви, русская помощь монастырям и храмам в Сербии, Черногории и Боснии, а также в деле обучения славянской молодежи в России.

Новые факты из жизни сербского авантюриста Ивана Хорвата, находившегося на русской службе на Украине в период правления Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II, представил д-р ист. наук Ю.В. Костяшов (Калининград).

В докладе канд. филол. наук Ю.А. Созиной (ИСЛ РАН) было прослежено развитие темы России в творчестве знаменитого государственного и культурного деятеля Черногории, владыки Петра II Петровича Негоша. Автор проанализировала ряд его произведений и пришла к выводу, что постепенно юношеская восторженность Негоша по отношению к России, безоглядное упование на ее мощь уступили место более трезвым оценкам. Вместе с тем Россия продолжала оставаться для него великой страной с богатой и близкой черногорцам культурой.

Два доклада были посвящены проблеме переселенческого движения в Россию в XVIII–XIX вв. Канд. ист. наук И.Ф. Макарова (ИСЛ РАН) рассмотрела малоизученный вопрос об этапах переселения русских старообрядцев в Добруджу, о положении, составе и численности различных колоний, которые, по утверждению автора, явились уникальной резервацией для старообрядцев, обеспечившей им существование и сохранение самобытности.

Переселенческое движение болгар в Россию в XVIII – первой половине XIX в. стало предметом изучения О.В. Медведевой (ИСЛ РАН). Ею были подробно проанализированы причины, основные этапы и отно-

шение царского правительства к этому процессу.

В сообщении канд. ист. наук М.А. Булахтина (Пермь) был рассмотрен вопрос об отношении представителя краковской исторической школы, профессора Краковского университета Владислава Яворского к событиям в России в первой трети XX в. Как показал автор, Яворский считал Октябрьскую революцию страшной трагедией, началом гибели цивилизации, а большевизм – “враждебным наскоком на русскую душу”.

Выступление Л.Б. Милаковой (ИСЛ РАН) было посвящено антибольшевистскому движению в Белоруссии в годы Гражданской войны. Проанализировав течения и организации, входившие в его состав, автор сделала вывод о том, что всех их объединял ярый национализм.

Д-р ист. наук В.М. Хевролина (ИРИ РАН) посвятила свой доклад деятельности графа Н.П. Игнатъева в качестве главы посольства России в Константинополе (с 1864 г.). Приведя немало интересных документов, исследовательница проследила некоторые стороны повседневной жизни этого учреждения, роль которого во внешней политике России на Балканах после Крымской войны значительно возросла именно благодаря стараниям Игнатъева.

В центре внимания канд. филол. наук Т.И. Чепелевской (ИСЛ РАН) оказались жизнь и творчество А.В. Амфитеатрова (1862–1938) – известного писателя, публициста, литературного и театрального критика и драматурга. Особое внимание было уделено автором анализу его книги “В моих скитаниях. Балканские впечатления” (1903), объединившей статьи и очерки, созданные во время и после поездок в страны Балканского полуострова в 1894–1901 гг. В докладе подчеркивается, что из приводимых А.В. Амфитеатовым высказываний различных деятелей того времени складывается, как мозаика, весьма интересная картина их отношения к проблеме славянства в это время.

Предметом изучения И.С. Александровского (ИСЛ РАН) стала украинская тема в русской консервативной прессе второй четверти XIX в. (газеты “Библиотека для чтения”, “Северная пчела” и “Сын Отечества”): дискуссии о возможности существования малороссийского языка и литературы,

пропаганда идеи о единстве и неделимости Российской империи и русского народа, о родстве трех его ветвей и др.

В докладе канд. ист. наук Ю.А. Борисенка (Москва, журнал “Родина”) была проанализирована славянская программа М.А. Бакунина, написанная им под влиянием идей польского революционера И. Лелевеля. Основатель русского анархизма предполагал создание могучего Славянского Союза на началах конфедерации на основе четырех империй.

Канд. ист. наук Л.В. Кузьмичева (МГУ) посвятила свой доклад малоизученной проблеме обучения сербов в русских военных академиях, уделив особое внимание выпускнику Михайловской Артиллерийской академии Саве Груичу, будущему видному государственному и политическому деятелю независимой Сербии, автору 4-х томного труда о сербо-турецкой войне 1876–1877 г.

Д-р ист. наук А.Л. Шемякин (ИСЛ РАН) выступил с докладом о Н.Н. Раевском (внуке героя Бородина), погибшем 2 сентября 1876 г. в Сербии в период сербо-турецкой войны и послужившем Л.Н. Толстому прототипом для написания образа Алексея Вронского в романе “Анна Каренина”. Главное внимание автор уделит тайной миссии Раевского на Балканы в 1867 г., в период подготовки общеславянского восстания против турок, в качестве представителя русских славянофилов. На основании анализа ряда архивных документов, в частности, составленного Н.Н. Раевским “Проекта организации восстания на Балканском полуострове” А.Л. Шемякин делает вывод о неслучайности и осознанности сделанного Раевским девять лет спустя выбора, когда в 1876 г. он отправился добровольцем в Сербию.

Канд. ист. наук А.И. Слива (ИНИОН РАН) посвятил свой доклад развитию исторической библиографии в Югославии во второй половине XX в., а также ее современному состоянию.

В сообщении М.В. Гурьевой (ИСЛ РАН) главное внимание было уделено характеристике трудов по болгаристике, изданных Институтом славяноведения РАН в 1980–2001 гг., и тем новациям, которые нашли в них отражение.

(с) 2003 г. С.И. Данченко, И.В. Чуркина

К 80-летию Андрея Ивановича Пушкаша

В марте 2003 г. исполняется 80 лет Андрею Ивановичу Пушкашу, старейшему сотруднику Института славяноведения РАН, известному специалисту по новейшей истории Венгрии и международным отношениям в Центральной Европе в межвоенный период.

А.И. Пушкаш родился в селе Великие Комяты Севлюшского округа (ныне Виноградовский район) Закарпатской Украины в крестьянской семье. Гимназию окончил в г. Мукачево. В юные годы ему довелось стать свидетелем значительных событий в истории родного края. В марте 1939 г. принадлежавшая Чехословакии Подкарпатская Русь была оккупирована Венгрией. А.И. Пушкаш участвовал в политических движениях Закарпатья, преследовался хортистской полицией за свои левые взгляды.

Через год после окончания войны, уже имея за плечами немалый жизненный опыт, Андрей Иванович поступил в только что открытый Ужгородский университет. Получив в 1951 г. диплом историка, учителемствовал в одном из сел родного края. Поворотным пунктом в его биографии оказался 1953 г. К тому времени в СССР в силу вполне понятной политической конъюнктуры все большее внимание стали уделять изучению истории стран "народной демократии". Вводятся новые специализации в аспирантуре Института истории АН СССР. А.И. Пушкаш получает рекомендацию в аспирантуру как специалист по новейшей истории Венгрии и в мае 1956 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию по теме "Борьба Венгерской коммунистической партии за разрешение аграрного вопроса. 1944–1948". В 1959 г. в доработанном виде она была опубликована в качестве его первой монографии ("Борьба за аграрные преобразования в Венгрии (1944–1948)").

Изучение антифеодальной аграрной реформы 1945 г. и драматических социальных процессов в венгерском селе в последующие годы стало основой для обращения молодого историка к острой политической борьбе в Венгрии первых послевоенных лет. В 1961 г. выходит написанный в соавторстве с Л.Н. Нежинским капитальный труд "Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя. 1944–1948".

Между тем, будучи зачисленным в 1956 г. в штат Института истории АН СССР, А.И. Пушкаш вскоре был откомандирован в историко-дипломатическое управление МИД, где в течение долгих месяцев занимался разбором, описью и изучением венгерских трофейных архивов. Эта веха в его биографии во многом предопределила всю его дальнейшую научную судьбу – в первую очередь, именно работы по истории внешней политики хортистской Венгрии, опирающиеся на солидную документальную базу, принесли А.И. Пушкашу авторитет ученого-историка. За монографией "Венгрия во Второй мировой войне. Внешняя политика Венгрии (1938–1944)" (М., 1963) следует фундаментальная работа "Венгрия в годы Второй мировой войны" (М., 1966), защищенная в 1965 г. в качестве докторской диссертации. В 1971 г. в переработанном виде она была издана на венгерском языке. К истории Второй мировой войны А.И. Пушкаш обращался и позже, в своих статьях. Им были подробно изучены, в частности, дипломатические маневры М. Хорти и его окружения осенью 1944 г., нацеленные на выход Венгрии из войны.

В 1963 г. в Институте истории под редакцией А.И. Пушкаша выходят "Очерки новой и новейшей истории Венгрии", первая в советской историографии синтетическая работа по венгерской истории XIX–XX вв. В Институте истории в середине 1960-х годов была начата работа над трехтомной "Историей Венгрии". Затем она была продолжена в Институте славяноведения и балканистики, куда в результате реорганизации Отделения истории АН СССР с большой группой коллег переходит и А.И. Пушкаш. Будучи членом редколлегии второго тома и ответственным редактором третьего тома (М., 1972), он проделал и большую авторскую работу. Одновременно в коллективных трудах и журналах ("Вопросы истории", "Новая и новейшая история", "Советское славяноведение", "Международная жизнь", "Новое время",

“Военно-исторический журнал”) выходили его многочисленные статьи, посвященные проблемам не только внешней, но и внутренней политики Венгрии.

Статьи рубежа 1950–1960-х годов о революционном подъеме в Венгрии в 1917–1919 гг. положили начало многочисленным работам разных лет о демократической революции 1918 г., Венгерской советской республике 1919 г. Очередная монография А.И. Пушкаша “Внешняя политика Венгрии, ноябрь 1918 – апрель 1927 г.” (М., 1981) охватывала период начиная с распада осенью 1918 г. дуалистической Австро-Венгерской монархии и провозглашения Венгрии республикой до заключения венгерско-итальянского договора 1927 г., ознаменовавшего собой выход хортистского режима из дипломатической изоляции.

В 1970-е годы А.И. Пушкаш стал одним из основателей советско-венгерской (ныне российско-венгерская) двусторонней комиссии историков. Плодом сотрудничества ученых двух стран явились сборники с его участием “Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг.” (М., 1980; венгерское издание – 1978); “Великий Октябрь и Венгерская Советская Республика” (М., 1983). Несмотря на соответствие концепций этих сборников “духу” застойного времени, первый из них пролил свет на ранее неизвестные страницы истории гражданской войны, второй приводил множество фактов, раскрывающих неоднозначный опыт социалистического эксперимента в Венгрии в 1919 г. К этому же циклу работ А.И. Пушкаша относятся его разделы в трудах “Первый конгресс Коминтерна” (М., 1986), “Интернациональное сотрудничество КПСС и ВСРП. История и современность” (М., 1987) и др.

Проблемы коммунистического и социал-демократического движения в хортистской Венгрии, антифашистское сопротивление в условиях гитлеровской оккупации Венгрии и правления нилашистов, политические и социальные реформы второй половины 1940-х гг. рассматривались А.И. Пушкашем (помимо журнальных статей) в коллективных трудах, которые, конечно же, несли на себе отпечаток своего времени и все же в известной мере позволили честным историкам в непростой обстановке, не идя вразрез официальным догмам, в то же время вводить в научный оборот новые факты, не всегда удобные с конъюнктурно-политической точки зрения и иной раз способные подвести мыслящего читателя к нежелательным выводам – в частности, о недостаточной укорененности коммунистических, лево-радикальных идей в средневропейских обществах, которая способствовала быстрому откату революционной волны в 1920-е годы, предопределяла внутреннюю неустойчивость восточноевропейских коммунистических режимов 1950–1980-х годов. Речь идет о таких в свое время приоритетных для Института, однако в целом не выдержавших испытания временем коллективных трудах с участием А.И. Пушкаша, как “VII конгресс Коминтерна и борьба за создание Народного фронта в странах ЦЮВЕ” (М., 1977); “Великий Октябрь и народы стран ЦЮВЕ” (М., 1987. Отв. редактор А.И. Пушкаш) и др. Центральное место в творчестве А.И. Пушкаша тех лет заняли исследования социальной дифференциации общества, политической системы и межпартийной борьбы хортистской Венгрии, опубликованные в коллективных трудах “Кризис политической системы капитализма в странах ЦЮВЕ (межвоенный период)” (М., 1982; вышел также в Венгрии); “Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя. Страны ЦЮВЕ в межвоенный период” (М., 1984); “Социальная структура и политические движения в странах ЦЮВЕ. Межвоенный период” (М., 1986); “Политические системы в странах ЦЮВЕ, 1917–1929” (М., 1988).

На рубеже 1980–1990-х годов, когда у историков впервые появилась возможность несколько отойти от устоявшихся догм в изучении революционных событий 1917–1919 гг., ученый вновь обратился к проблеме распада Австро-Венгрии и обстоятельствам создания независимого Венгерского государства [см. его статьи в сборниках “К 70-летию образования самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе” (М., 1989); “Межрасовые и межнациональные отношения в Европе и Америке. XIX–XX вв.” (М., 1996)]. Больше всего, однако, его занимают в это время проблемы внешней политики хортистской Венгрии, ее отношений с великими державами, а также с соседними странами накануне и в начале Второй мировой войны: сборники “Международные отношения и страны ЦЮВЕ в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 – август 1940)” (М., 1990); “Международные отношения и страны ЦЮВЕ в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940–июнь 1941 г.)” (М., 1992), статьи в “Славяноведении” и др. При этом хорошо зная предвоенные дипломатические игры на Европейском континенте, А.И. Пушкаш не ограничился изучением хортистской внешней политики. Так, в сборнике “Политический кризис 1939 г. и страны ЦЮВЕ” (М., 1989) опубликована его статья об обстоятельствах оккупации Италией Албании в 1939 г., впервые вводящая в научный оборот интересные документы из венгерских архивов по данной тематике.

В 1991 г. вышла “Краткая история Венгрии с древнейших времен до наших дней”, написанная А.И. Пушкашем в соавторстве с В.П. Шушариным и Т.М. Исламовым. А.И. Пушкаш был также в числе авторов труда “Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса” (М., 1993), первого в постсоветское время по данной тематике. Его перу принадлежат разделы во “Всемирной истории” (т. 10, 12, 13), обобщающих трудах по истории Второй мировой войны, а также международного рабочего движения, в учебных пособиях по новейшей истории, статьи в Большой Советской, исторической, военной энциклопедиях.

В 1990-е годы Андрей Иванович сосредоточился на осуществлении своего давнего замысла – проследить эволюцию внешней политики хортистского режима за весь межвоенный период. Логическим продолжением монографии 1981 г. стали его книги “Внешняя политика Венгрии, апрель 1927 – февраль 1934” (М., 1995); “Внешняя политика Венгрии, февраль 1934 – январь 1937” (М., 1996). Подготовлена к печати и книга, завершающая своеобразную тетралогию – в ней рассматривается период с января 1937 по начало сентября 1939 г.

В работах А.И. Пушкаша показано, как недовольство положением в версальской Европе и, в частности, Трианонским мирным договором 1920 г., все более толкало Венгрию в объятия милитаристских держав, готовившихся к войне.

В последнее десятилетие Андрей Иванович много занимается также историей своего родного края, на протяжении XX в. входившего в состав пяти государств – монархии Габсбургов, Чехословакии, Венгрии, СССР, Украины (кстати, первая его работа по этой тематике была опубликована в Ужгороде еще в 1949 г.). Вышла статья “Национальный вопрос в Закарпатье накануне Второй мировой войны” в сборнике “Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее” (М., 1995), сделаны доклады на конференциях и “круглых столах”, начата работа над большой монографией. В отличие от некоторых своих коллег-историков, акцентирующих внимание на особенности закарпатских русин как самостоятельного славянского этноса, А.И. Пушкаш рассматривает их как неотъемлемую часть украинской нации, хотя и обладающую своей культурно-языковой спецификой.

Своими работами, основанными на скрупулезном изучении источников, вводящими в научный оборот немало новой документации, А.И. Пушкаш снискал уважение венгерских коллег. Его статьи, посвященные внешней политике хортистского режима, различным аспектам участия Венгрии во Второй мировой войне, венгерскому коммунистическому движению, начиная с 1961 г. публиковались в ведущих венгерских исторических журналах – “Сазадок”, “Тертенелми семле”, “Хистория”. Под редакцией и с предисловиями Андрея Ивановича неоднократно выходили труды венгерских историков на русском языке. В знак признания достигнутых результатов в изучении новейшей истории А.И. Пушкаш в 1975 г. был удостоен одной из высших венгерских правительственных наград.

С начала 1960-х годов А.И. Пушкаш сочетал научную деятельность с педагогической – преподавал новейшую историю, а также политологию в МГИМО, пединституте имени В.И. Ленина (ныне Московский педагогический государственный университет).

В свои 80 лет Андрей Иванович бодр духом, трудится над воплощением новых замыслов.

(с) 2003 г. А. Стыкалин

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редакция журнала “Славяноведение”, в котором А.И. Пушкаш публикуется долгие годы, поздравляют юбиляра и желают ему здоровья и творческих сил.

Новые издания Института славяноведения РАН

В 2000–2002 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:

- **Адельгейм И.Е.* Польская проза межвоенного двадцатилетия: между Западом и Россией. Феномен психологического языка. М., 2000.
- **Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.
- **А.С.Пушкин и мир славянской культуры.* М., 2000.
- **Балто-славянские исследования.* 1998–1999. М., 2000.
- Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2000.
- **Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000.
- Век Екатерины II. Дела балканские.* М., 2000.
- **Головачева А.В.* Стереотипные ментальные структуры и лингвистика текста. М., 2000.
- **Задорожнюк Э.Г.* Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000.
- **Калиганов И.И.* Георгий Новый у восточных славян. М., 2000.
- **Кирилина Л.А.* Словенцы и революция 1848–1849 гг. М., 2000.
- **Книга в пространстве культуры.* М., 2000.
- Лабытцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Православная литература белорусов современной Польши. М., 2000.
- **Маркович Д.Ж.* Разговор с друзьями. М., 2000.
- **Международные организации и кризис на Балканах. Документы.* М., 2000. Тома I, II.
- **Плотникова А.А.* Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии. М., 2000.
- **Политика и поэтика. Сб. статей.* М., 2000.
- Поляки и русские в глазах друг друга.* М., 2000.
- Поляки и русские. Взаимопонимание и взаимонепонимание.* М., 2000.
- **Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII века.* М., 2000.
- Славяно-германские исследования.* М., 2000. Т. 1–2.
- **Славянские народы: общность истории и культуры.* М., 2000.
- **Словения. Путь к самостоятельности. Документы.* М., 2000.
- **Хаванова О.В.* Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000.
- **Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности.* М., 2000.
- **Беседы на Лубянке. Следственное дело Дёрдя Лукача. Материалы к биографии.* М., 2001.
- **Востоочнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы.* М., 2001.
- **Гугнин А.А.* Серболужицкая литература XX века. М., 2001.
- **Европейские революции 1848 г. "Принципы национальности" в политике и идеологии.* М., 2001.
- **Из Варшавы: Москва, товарищу Берия. Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг.* М.-Новосибирск, 2001.
- **Институт славяноведения. 1999–2000.* М., 2001.
- **Исследования по славянской диалектологии. 7.* М., 2001.
- **История литератур западных и южных славян.* М., 2001. Т. 3.
- **Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей.* М., 2001.
- **Костюшко И.И.* Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М., 2001.
- **Молошина Т.Н.* Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М., 2001.
- **Николаев С.Л., Толстая М.Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора. М., 2001 г.
- Никольский С.В.* Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов). М., 2001.

*Смирнов Л.Н. Словацкий литературный язык эпохи национального возрождения. М., 2001 г.

*Стыкалин А.С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001.

Фрейдзон В.И. История Хорватии. М., 2001.

*Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

*Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период “холодной войны” (1945–1957). М., 2002.

*За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.

*Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.

*Признаковое пространство культуры. М., 2002.

*Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М., 2002.

*Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 2: 1949–1953. М., 2002.

*Социокультурные трансформации второй половины XX в. в странах Центральной и Восточной Европы. М., 2002.

*Studia Polonica. К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М., 2002.

*Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 2002.

*Утопия и утопическое в славянском мире. М., 2002.

*Шемякин А.Л. Смерть графа Вронского. М., 2002.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва. Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения РАН, комн. 921. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Makarova I.F.</i> (Moscow). Turkish Sultan's Russian Subjects	3
<i>Mary'ina V.V.</i> (Moscow). The Expulsion of Germans from Czechoslovakia: Birth and Modification of the Idea. 1939–1943	18
<i>Panek J., Pešek J.</i> (Praha). Historians Against Violence on History. The Society of Czech Republic Historians' View Point	43
<i>Pop I.I.</i> (Heb). Historiography of the Russyns and Subkarpatian Rus' History	57

COMMUNICATIONS

<i>Murtuzaliev S.I.</i> (Makhach-Kala). Yu.I. Venelin's Contribution to the Study of the Beginning of Ottoman Domination over Bulgarian Lands (Toward 200 th Anniversary of the Scholar)	73
<i>Venediktov G.K.</i> (Moscow). On the Yu.I. Venelin's Life Dates	80
<i>Danchenko S.I., Tchurkina I.V.</i> (Moscow). S.A. Nikitin's Scholarly Activities	86
<i>Korovitsyna N.V.</i> (Moscow). The Completion of the "Foundations of Capitalism" in Post-Socialist Society (Based on Materials of the Conference of Central Europe Sociologists).....	96

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Zhelitsky B.I.</i> I. Pop. Encyclopaedia of Subkarpatian Rus	107
---	-----

SCHOLARLY LIFE

<i>Frolova M.M.</i> Scholarly Conference "Yurii Ivanovich Venelin: 200 th Anniversary (1802–1839)"	111
<i>Dostal M.Yu., Fal'kovich S.M.</i> The International Conference "National-Cultural Rebirth of Slavic Peoples and Karpatian Region (Toward 200 th Anniversary of Yu.I. Venelin)"	115
<i>Danchenko S.I., Tchurkina I.V.</i> The International Scholarly Conference "Professor Sergei Aleksandrovich Nikitin and His Historical School (Toward 100 th Anniversary)"	117

<i>Stykalin A. On the 80th Anniversary of A.I. Pushkash</i>	122
New Publications of the Institute for Slavic Studies, RAS	125

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 7.10.2002 Подписано в печать 27.11.2001 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 5,7 тыс. Уч.изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 545 экз. Зак. 6838

Свидетельство о регистрации № 0110184 от 4 февраля 1993 года
В Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

